

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2022

№ 68

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г. Досемантическая роль контекста при употреблении аскриптивных выражений.....	5
Гончаренко М.В. Конвенционализм и исследовательский потенциал семантики.....	15
Ладов В.А. Аналитический реализм: проблемы и перспективы	25
Никоненко С.В. К вопросу о дискурсивном характере исторического языка: исследование оснований релятивизма в аналитической философии истории	35
Сироткина Л.С. Логическая процедура: взгляд через призму когнитивной парадигмы.....	45

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Бойко В.А., Лихоманов И.В. Философия войны Н.А. Бердяева	56
Васинева П.А. Романтические истоки педагогических идей В.Ф. Одоевского: чувственное и рациональное познание.....	70
Кондратьев В.М. Проблема выбора в жизни автора и героев романа «Бесы»	79
Коротких В.И. Естественное сознание и проблема субъекта опыта в «Феноменологии духа» Гегеля.....	86
Курабцев В.Л. Две немецкие идеологии.....	95

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Артеменков А.А. Философские аспекты генно-социокультурной коэволюции человека.....	108
Боровинская Д.Н. Актуализированная модель мышления для формирования креативного в образовании	120
Мальцев Я.В. Цивилизация и политика как категории перманентной современности	132
Спрукуль П.С. Концепт субъекта в контексте гипотезы компьютерной симуляции	146
Турко Д.С. Этика и проблема критериев субъектности.....	154
Устименко Д.Л., Устименко А.Л. Постсхоластические метаморфозы западноевропейской философской антропологии	165
Якуничев Д.А. Общество риска: возможная модель развития современного общества.....	174

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бондарев В.Г., Стребков А.И. Коррупционные риски и эмансипация бизнеса от коррупции	183
---	-----

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Касавин И.Т. Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе	193
Антоновский А.Ю. Эволюционные механизмы научного прогресса	201
Масланов Е.В., Соколова Т.Д. Гуманизм в лаборатории: взгляд из настоящего.....	210
Столярова О.Е. Когнитивное разнообразие как общественное благо	218
Тухватулина Л.А. Целеполагание в политике науки: между доверием и подозрением	224
Шиповалова Л.В. Наука в перспективе: от утопии к реальности	229

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G. Presemantic role of context in a use of ascriptive expressions.....	5
Goncharenko M.V. Conventionalism and the research potential of semantics.....	15
Ladov V.A. Analytical realism: Challenges and development prospects.....	25
Nikonenko S.V. On discursive character of historical language: Investigation of the back-grounds of relativism in analytical philosophy of history	35
Sirotkina L.S. A logical procedure: A view through the prism of the cognitive paradigm.....	45

HISTORY OF PHILOSOPHY

Boyko V.A., Likhomanov I.V. Nikolai Berdyaev's philosophy of war.....	56
Vasineva P.A. Romantic origins of Odoyevsky's pedagogical ideas: On the question of sensual and rational cognition.....	70
Kondratyev V.M. The problem of choice in the life of the author and of the characters of the novel <i>Demons</i>	79
Korotkiikh V.I. Natural consciousness and the problem of the subject of experience in Hegel's "Phenomenology of Spirit"	86
Kurabtsev V.L. Two German ideologies	95

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Artemenkov A.A. Philosophical aspects of human gene-socio-cultural co-evolution.....	108
Borovinskaya D.N. An updated model of thinking for the formation of creativity in education.....	120
Maltsev Ya.V. Civilization and politics as categories of permanent modernity	132
Sprukul' P.S. Concept of the subject in the context of the computer simulation hypothesis.....	146
Tourko D.S. Ethics and the problem of subjectness criteria.....	154
Ustimenko D.L., Ustimenko A.L. Post-scholastic metamorphoses of Western European philosophical anthropology.....	165
Iakunichev D.A. Risk society: A possible model for the development of modern society.....	174

POLITICAL SCIENCE

Bondarev V.G., Strebkov A.I. Corruption risks and business's emancipation from corruption.....	183
---	-----

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Kasavin I.T. When the future borders on utopia: Science in perspective	193
Antonovsky A.Yu. Evolutionary mechanisms of scientific progress	201
Maslanov E.V., Sokolova T.D. Humanism in the lab: A view from the present.....	210
Stoliarova O.E. Cognitive diversity as the common good	218
Tukhvatulina L.A. Goal setting in science policy: between trust and suspicion.....	224
Shipovalova L.V. Science in perspective: From utopia to reality.....	229

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/68/1

ДОСЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ АСКРИПТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, andryusha.fsf@gmail.com

Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос об определении роли контекста при употреблении аскриптивных выражений. Анализируются различные типы аскрипций: ориентированные на следование внеязыковому правилу или детерминированные личной позицией агента речи. Определяется специфика правомерного и коммуникативно успешного употребления соответствующих языковых выражений. На основании анализа условий правомерности и коммуникативной успешности различных аскриптивных актов выявляется их взаимосвязь с внеязыковыми контекстуальными компонентами, составляющими некоторые речевые ситуации: нормативные правила и намерения говорящего.

Ключевые слова: аскрипция, философия языка, семантика, контекст

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Досемантическая роль контекста при употреблении аскриптивных выражений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 5–14. doi: 10.17223/1998863X/68/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

PRESEMANANTIC ROLE OF CONTEXT IN A USE OF ASCRIPTIVE EXPRESSIONS

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, andryusha.fsf@gmail.com*

Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. From the whole set of ascriptive expressions, at least two types can be distinguished: expressions, the use of which is determined by a certain extralinguistic rule,

and expressions, the use of which is determined by the personal position or assessment of the agent of speech. For expressions of the first type, it is characteristic that their use in the language may turn out to be either legal or illegal. Whereas the use of ascriptive expressions of both types can be considered from the point of view of communicative success. In both cases, the context of the speech situation plays a decisive role. It is thanks to the context that it becomes possible to determine whether the speaker is oriented to a certain rule or his statement is oriented to a personal setting. In exactly the same way, the context is used to assess the legality of the use of an ascriptive expression, since the law itself is one of the elements that form the context. This use of context by John Perry is called presemantic.

Keywords: ascription, philosophy of language, semantic, context

Acknowledgments: the study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Andrushkevich, A.G. (2022) Presemantic role of context in a use of ascriptive expressions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/1

Основным вопросом настоящей работы является вопрос о корреляции употребления аскриптивных языковых выражений с их перформативной составляющей. Ввиду того что эта корреляция не является чем-то очевидным, несомненно возникает потребность, не позволяющая обойти себя вниманием, дополнить и детализировать вопрос о том, каким образом употребление аскриптивного выражения можно считать либо правомерным, либо успешным (с коммуникативной точки зрения), либо и то и другое. Однако прежде всего мы должны прийти к однозначному пониманию сущности требуемых уточнений. Что такое правомерно осуществленная аскрипция? Может ли аскрипция быть осуществлена неправомерно? Если да, то каким образом? Что такое успешно осуществленная аскрипция? Чем отличается успешно осуществленная аскрипция от провальной или безуспешной аскрипции? Лишь ответив на поставленные и довольно схожие вопросы (точнее, две пары вопросов), мы сможем перейти к наиболее существенной и, надеемся, значимой для теории аскрипции части настоящей работы.

Итак, что мы понимаем под правомерным или, что более верно, правомерно осуществленным аскриптивным языковым выражением? Для ответа на этот вопрос следует помнить о том, что как минимум *некоторые* аскриптивные выражения осуществляются на основании соответствующих внеязыковых конвенциональных правил. Высказывания «преступление, которое совершил Билл», «победный гол Садио Мане в полуфинале Лиги чемпионов», «Elden Ring – это самая ожидаемая видеоигра 2021 года», «Джон – банкрот», «Шелли – мать одиночка» представляют собой примеры аскриптивных выражений. Напомним, что аскриптивным является такое языковое выражение, посредством которого осуществляется приписывание некоему объекту или положению дел определенного статуса. Выражение «преступление, которое совершил Билл» было подробно рассмотрено нами ранее [1]; в этой связи ограничимся лишь кратким уточнением остальных приведенных примеров, подразумевая для каждого из них аналогичный ход мысли.

4 мая 2022 г. на стадии 1/2 Лиги чемпионов в ответном матче «Ливерпуля» против «Вильярреала» Садио Мане осуществил взятие ворот испанского клуба. Данное обстоятельство было квалифицировано как гол. Также учитывается то, что именно действия сенегальского спортсмена принесли победу

английской команде, и в этой связи данному голу *приписывается статус победного*.

10 декабря 2021 г. прошла церемония The Game Awards 2021, в ходе которой путем голосования была определена самая ожидаемая компьютерная игра следующего года – наибольшее число голосов было отдано за видеоигру Elden Ring, на основании чего ей присваивается статус *самой ожидаемой игры 2022 г.*

Джон – большой любитель посещать ипподром и делать ставки на скачках. Последнее время ему не везло, но он занимал деньги и продолжал посещать ипподром. В итоге его долговые обязательства перед банком составили сто тысяч. Более того, имущества или доходов для взыскания Джо не имеет. Однако он внимательно слушал лекции по экономике в университете, поэтому воспользовался своим правом и во внесудебном порядке подал заявление о банкротстве, которое было одобрено, т.е. Джону *приписывается статус банкрота*.

Шелли родила своего первенца вне брака, а в графе «Отец» в свидетельстве о рождении ребенка стоит прочерк. В связи с этими обстоятельствами ей *приписывается правовой статус матери-одиночки*.

Как можно заметить, все четыре рассмотренные выше языковые выражения объединяет то, что каждое из них приписывает определенный статус (победный гол, самая ожидаемая игра года, банкрот, мать-одиночка) конкретному положению дел (взятие ворот, которое принесло команде победу в футбольном матче; победа в голосовании; наличие долговых обязательств; рождение ребенка вне брака). Однако это не единственное сходство, данные выражения объединяет так же и то, что все акты приписывания осуществляются на основании соответствующих внеязыковых правил. Для ответа на вопрос «Что такое правомерно осуществленная аскрипция?» именно это обстоятельство является ключевым. Во всех четырех (а если учитывать выражение «преступление, которое совершил Билл», то во всех пяти) случаях аскриптивный акт определяется конкретным и однозначным правилом. Во всех случаях правило представляет собой нечто не зависящее от говорящего и внешнее по отношению к языку, т.е. данные правила нельзя рассматривать как правила лингвистические. Более того, для каждого из выражений можно справедливо утверждать, что предполагаемый агент речи в курсе соответствующего правила и ориентируется на него. Если брать в расчет те скудные данные о рассматриваемых высказываниях, которые представлены выше, можно также сделать вывод о том, что говорящий не просто знает о существовании правила и ориентируется на него, но и делает это весьма успешно, т.е. правила ни коим образом не нарушает (во всяком случае, приведенные нами примеры это предполагают).

Уточним это на единственном примере – высказывании «Джон – банкрот». В государстве, в котором проживает Джон и гражданином которого является, общий размер задолженности для признания лица банкротом во внесудебном порядке должен составлять не менее 50 тысяч и не должен превышать 500 тысяч. Далее лицо должно иметь долговые обязательства строго определенного вида, к коим относятся задолженность перед банком (именно у банка Джон продолжал одалживать деньги под процент). Следующее, что установлено, – должник не должен иметь достаточных для выплаты долга

доходов и имущества. Джон, как уже было отмечено, таковыми не располагает. В сущности, мы рассмотрели ключевые положения закона о банкротстве и можем сделать вывод, что ситуация Джона полностью им соответствует. Следовательно выражение «Джон – банкрот», которое представляет собой приписывание Джону определенного экономического статуса, употребляется в соответствии со всеми значимыми внеязыковыми правилами. Мы отдаем отчет в том, что не всякое употребление «Джон – банкрот» осуществляется с оглядкой на приведенные правила, но из множества возможных вариантов употребления данного выражения можно выделить, к примеру, ситуацию, когда о банкротстве Джона говорит банкир или судебный пристав. Мы убеждены, что и работник банка, и правоприменитель в курсе тех положений закона и обстоятельств дела, на основании которых Джон был признан банкротом. Ничто не мешает нам представить, как приятель Джона, комментируя то, почему Джон не может позволить себе самостоятельно купить выпивку в баре, говорит: «Джон – банкрот». Однако данная ситуация, на наш взгляд, в своей сущности имеет мало общего с приведенными выше вариантами употребления выражения, поскольку говорящий не ориентируется на данные правила и, тем более, противоречит им. Уже сейчас можно уточнить, что приятель Джона намеренно приписывает ему статус банкрота, но основанием служит не соответствующее правило, а личная оценка финансового положения Джона.

Таким образом, мы приходим к заключению о том, что иногда употребление аскриптивных языковых выражений детерминировано определенными правилами. Те ситуации, когда говорящий ориентируется на определенные правила и когда эти правила соблюдены, мы и подразумеваем, говоря о правомерных случаях употребления аскриптивных выражений.

Теперь нужно уточнить, каким образом аскриптивное языковое выражение может быть неправомерным. Для этого обратимся к языковому выражению «победный гол Садио Мане в полуфинале Лиги чемпионов». Далее, мы уточняем, что «победным» считается тот гол, с которого начинается победа одной команды над другой. Всего в матче «Ливерпуля» против «Вильярреала» в ворота испанской команды мерсисайдцы забили три гола. Первый гол англичан при счете 0 : 2 забил Фабиньо, далее Диас сравнял счет и после Мане вывел свою команду вперед, установив итоговый счет 3 : 2 в пользу «Ливерпуля». Соответственно, победа началась с третьего взятия ворот «Вильярреала». В таком случае, следуя ранее указанному правилу, мы должны квалифицировать в качестве «победного» гол Мане, поскольку к этому нас подводит соответствующее правило. Однако в силу каких-либо обстоятельств Смит не знает наверняка того, в каком порядке футболисты «Ливерпуля» забивали голы. Он полагает, что голом, с которого началась победа «красных», был гол Фабиньо и поэтому употребляет выражение «победный гол Фабиньо в полуфинале Лиги чемпионов». Смит знает правило, он ориентируется на него, поскольку хочет создать впечатление, что разбирается в футболе и очень им интересуется, но тем не менее совершает ошибку: гол Фабиньо не является победным согласно правилу и в силу этого употребление Смитом рассматриваемого выражения правилу противоречит. Именно подобные ситуации мы имеем ввиду, когда говорим о неправомерном осуществлении аскрипции.

Мы рассмотрели случай, когда говорящий владеет неверной информацией и вследствие этого не может соблюсти правила, но это не единственный возможный вариант. Агент речи может иметь искаженное представление о самом правиле, что также будет приводить к невозможности следовать ему. К примеру, Смит знает, в каком порядке игроки «Ливерпуля» осуществляли взятие ворот соперника, и думает, что «победным» считается первый гол, забитый командой-победителем. В таком случае он будет говорить о «победном голе Фабиньо в полуфинале Лиги чемпионов», что противоречит правилу. Возможен также вариант, где агент речи знает правило и владеет верной информацией, но не имеет возможности следовать правилу или допускает ошибку случайно. Эти ситуации мы полагаем в качестве вариантов того, как употребление аскриптивного выражения может быть осуществлено неправомерно, т.е. с нарушением соответствующего правила, и даем утвердительный ответ на вопрос, может ли аскрипция быть осуществлена неправомерно.

Далее следует прояснить, что представляет собой успешно осуществленная аскрипция. Мы говорим об успешности или неуспешности именно с коммуникативной точки зрения. Несмотря на всестороннее рассмотрение языка философами, основной его задачей или функцией в жизни человека была и остается функция коммуникативная, на что указывал еще Роман Jakobson [2. С. 203]. Таким образом, мы утверждаем в качестве успешно осуществленной аскрипции такое языковое аскриптивное выражение, которое было успешным именно с коммуникативной точки зрения, т.е. было адекватно воспринято или понятно собеседнику.

Ранее мы касались только тех аскриптивных выражений, употребление которых сопряжено со следованием некоему однозначному и конвенциональному внеязыковому правилу. Однако можно ли говорить о том, что имеет место и некий иной вариант аскриптивных выражений, употребление которых не подразумевает наличия такого правила? Мы склонны ответить на данный вопрос утвердительно и далее намерены привести ряд аргументов в пользу такого ответа. Со всей уверенностью мы предполагаем, что имеют место такие сферы активности человека, которые исключают саму возможность их регулирования конвенциональной и независимой от человека совокупностью правил. К подобным сферам как минимум можно отнести этику, эстетику, а также склонность человека определенным образом оценивать то, что его окружает (с точки зрения пользы, эффективности, целесообразности и т.п.). К таким выражениям мы относим «изучение английского языка полезно», «ты поступил правильно», «Квентин Тарантино – гений», «Джон – очень добрый человек», «фильм „Бешеные псы“ прекрасен». Для каждого из приведенных примеров справедливо то, что данные языковые выражения представляют собой приписывания определенного статуса (полезности, правильности, гениальности, быть добрым, быть прекрасным) некоему объекту или положению дел. Может возникнуть ощущение, что эти примеры в своей сущности ничем не отличаются от тех выражений, которые мы рассматривали в начале работы, но это не так. Если ранее мы обнаружили закономерную связь между употреблением языкового выражения и следованием некоему конвенциональному внеязыковому правилу, то можем ли мы говорить о наличии подобной связи применительно к данным выражениям? Существует ли некая конвенциональная нормативная установка, позволяющая определить

полезность изучения иностранного языка? Конечно, повседневная интуиция подсказывает нам, что изучать, к примеру, английский язык – очень полезное занятие, которое открывает новые возможности в путешествиях, позволяет знакомиться с работами зарубежных философов, не дожидаясь их перевода, или смотреть кино на языке оригинала. Но будет ли полезным изучение иностранного языка для человека, который страдает от лишнего веса или имеет проблемы со здоровьем? Возможно ли, что более полезным будет изучать биологию, потому что через месяц нужно сдавать экзамен, тогда как экзамен по иностранному языку был сдан еще в прошлом году? Возникают вопросы: на какое правило следует ориентироваться, приписывая изучению иностранного языка статуса «быть полезным»? Где зафиксированы нормативные положения, позволяющие однозначно и правомерно квалифицировать Джона как доброго человека? На основании какого правила мы определяем «Бешеных псов» как прекрасную картину, а «Убить Билла» – просто как хороший фильм? Подобными вопросами можно задаваться и дальше, но интуитивный итог от этого не изменится: иногда аскриптивный акт осуществляется без ориентации на правило. Но тогда на основании чего? Очевидно, что мой вывод о гениальности Квентина Тарантино не есть вывод спонтанный или безосновательный. Здравый смысл подсказывает, что при употреблении подобных выражений говорящий так или иначе подразумевает следование некоторой установке. Попробуем уточнить, что подобная установка может представлять собой.

Рассмотрим аскриптивное выражение «фильм „Бешеные псы“ прекрасен», суть которого – приписывание статуса «быть прекрасным» соответствующему фильму. Очевидно, что данное выражение является эстетическим и, соответственно, посредством аскриптивного акта происходит приписывание определенной эстетической оценки. Нам неизвестны никакие интересующие правила, на которые можно было бы опереться при осуществлении аскрипции подобного рода. Но тем не менее и безосновательным употребление данного выражения полагать не следует. По всей видимости, имеет место некий критерий, который нельзя счесть общезначимым или конвенциональным, такой критерий, который вытекает из личного и субъективного опыта говорящего. Так, профессор С.О. Малевинский пишет: «В качестве критериев выражаемых ими оценок выступают человеческие представления об эстетически идеальных формах оцениваемых объектов, их расцветках, движениях и звучаниях» [3. С. 135]. Соответственно, приписывание определенного эстетического статуса или, перефразируя, вынесение эстетической оценки оказывается ситуацией, определяемой «человеческими представлениями», т.е. чем-то сугубо личным и субъективным. Более того, в полной мере никто, кроме Джона, не может ориентироваться на его *личные* эстетические представления и, соответственно, присвоить эстетическую оценку «быть прекрасным» какому-либо объекту. Безусловно, Джон не единственный, кто считает «Бешеных псов» прекрасным фильмом, но он единственный, кто делает это на основании своего эстетического переживания.

Аналогичный ход мысли мы предполагаем не только для иных эстетических аскриптивных выражений, но и для этических, и для оценочных. Таким образом, можно говорить о том, что среди множества аскриптивных языковых выражений встречаются как те, что ориентированы на следование неко-

торому внеязыковому конвенциональному правилу, так и те, что ориентированы на личное и субъективное переживание или мнение говорящего. В определенном смысле соответствие некой внеязыковой установке характерно для всех аскриптивных выражений, но не всегда данная установка представляет собой нормативную и общезначимую.

Мы рассмотрели общие положения, касающиеся различных классов аскриптивных языковых выражений, и теперь можем обратиться к вопросу об условиях успешности употребления аскриптивного выражения юридического языка «Шелли – мать-одиночка». Вопрос можно явным образом уточнить и конкретизировать: при соблюдении каких требований собеседник адекватно поймет, какой статус приписывается, на каком основании и какому объекту/положению дел? Первое и, на наш взгляд, наиболее очевидное условие – понимание того, к кому осуществляется *референция*. По замечанию П.Ф. Стросона, языковое выражение «само по себе не имеет референции к чему бы то ни было, хотя и может быть в разных случаях употреблено к бесчисленному множеству предметов» [4. С. 65], т.е. адресат должен понимать, к какой именно Шелли осуществляется референция. Пожалуй, понимание есть первейшее условие, необходимое для успешной коммуникации, однако уточнение тонкостей этого вопроса не входит в наши задачи. Заметим лишь, что мы используем понятие референции в одном из двух возможных значений, которые предлагает Л.Б. Макеева в работе «О референции и онтологии» [5]: она определяет используемое нами понятие референции как «действие, совершаемое людьми».

Следующее условие – адресат должен понимать, какой именно статус приписывается объекту. В рассматриваемом примере должно иметь место понимание собеседником того, что такое «мать-одиночка», т.е. содержание данного статуса. Мы не предполагаем, что необходимым является знание правовых тонкостей и последствий признания за женщиной соответствующего статуса. Напротив, это излишне и никак не влияет на успешность коммуникации. Для понимания того, что представляет собой статус «мать-одиночка», необязательно знать, полагается ли матери-одиночке социальное пособие, а если полагается, то каков порядок его получения. Тем не менее, если Билл хочет узнать, по какой причине Шелли получает пособие, но не обладает знанием того, что имеет место соответствующий статус, то ответ «потому что Шелли – мать-одиночка» окажется для него недостаточным. И, наконец, условие, которое в определенном смысле является ключевым: адресат должен понимать, что имеет место некое внеязыковое конвенциональное правило, на основании которого Шелли квалифицируется как мать-одиночка. При незнании адресатом факта существования такого правила, а в определенных случаях и его содержания, нет никакой гарантии того, что коммуникация будет успешной. Например, работник социальной службы должен обладать знанием того, что статус «мать-одиночка» присваивается строго на основании соответствия описанных выше критериев. Но, к примеру, работнику банка для уточнения причин, по которым Шелли претендует на льготное кредитование, достаточно знания факта существования правил, тогда как знание самих правил является избыточным.

Возможно, рассмотренные выше критерии могут показаться исчерпывающими, но мы убеждены, что упустили из виду важное условие. Допустим,

Джон хочет знать, почему Шелли воспитывает дочь одна, на что получает от Билла ответ: «Потому что она мать-одиночка». Следует ли квалифицировать данное выражение как неправомерно осуществленную аскрипцию в силу того, что Билл не учитывает конвенционального правила? Полагаем, что данная ситуация аналогична множеству ситуаций обыденного использования языка, когда мы приписываем оценку, омонимичную конкретному интерсубъективному статусу. Так, к примеру, мы говорим: «Ты мошенник!», узнав, что кто-то не стал покупать дорогой компьютер за полную стоимость, а дождался распродажи и купил его за половину цены; или говорим: «Ливерпуль чемпион», хотя на самом деле эта команда в текущем чемпионате финишировала лишь второй. Мы склонны полагать, что подобные ситуации не следует клеймить как противоправные (хотя внешне они выглядят именно так), поскольку агент речи не предполагает следования правилу, поскольку отсутствует *намерение* ему следовать. Для обоих возможных вариантов (говорящий знает или не знает о наличии правила) можно предположить такие условия употребления языкового выражения, в которых определяющую роль будет играть отсутствие намерения следовать правилу. Именно таким случаем мы считаем использование аскриптивного выражения «Шелли – мать-одиночка» в ответ на вопрос о том, почему она одна воспитывает дочь.

Безусловно, намерения агента речи суть недостаточное условие для утверждения некоего нового объекта, каким является статус матери-одиночки, но для определения успешности коммуникации необходимо учитывать в качестве условия пропозициональное содержание иллокутивного акта, которое как раз и представляет собой намерение агента речи. Ключевым аспектом, формирующим и обеспечивающим понимание намерений собеседника, является речевая ситуация или же контекст. Джон Перри в статье «Индексалы, контекст и неартикулированные конституенты» пишет: «Иногда мы используем контекст, чтобы выяснить, в каком значении используется слово, или какое из нескольких слов, которые выглядят или звучат одинаково, используется, или даже на каком языке говорят. Это досемантическое использование контекста» [6. С. 1]. Помимо указанных Перри способов использования контекста употребления языка, мы можем обращать на него внимание с целью установить, ориентируется ли говорящий на внеязыковые правила или же нет. Так, к примеру, если выражение «Шелли – мать-одиночка» употребляется во время детского спектакля, то ситуация указывает, что говорящий не ориентируется на соответствующее правило и употребляет данное словосочетание ненормативно. Безусловно, выражение продолжает оставаться аскриптивным, но представляет собой не приписывание статуса на основании правила, а намерение приписать статус (оценку) без учета или ориентации на правило. Подобные случаи интересны тем, что говорящий не берет на себя онтологических обязательств, поскольку не инициирует нового объекта, каким является социально-правовой статус Шелли. Если в рассмотренном случае собеседник будет полагать, что агент речи имеет в виду, что Шелли родила своего первенца вне брака, а в графе «Отец» в свидетельстве о рождении ребенка стоит прочерк, то коммуникацию нельзя будет назвать успешной, поскольку выводы не соответствуют намерениям говорящего.

Таким образом, можно сказать, что при употреблении аскриптивных выражений контекст может использоваться досемантически двумя способами.

Первый способ – это использование контекста для определения оснований аскриптивного акта, т.е. для установления того, осуществляется аскрипция на основании либо личных соображений говорящего, либо следования определенному конвенциональному правилу. Верная оценка контекста речевой ситуации как раз и является одним из тех обстоятельств, определяющих коммуникативную успешность употребления аскриптивных выражений, поскольку указывает на потенциальные намерения агента речи. Второй способ – это наличие определенного конвенционального внеязыкового правила, которое составляет контекст некоторых речевых ситуаций. Более того, сам факт существования такого правила позволяет правомерно осуществлять аскриптивный акт.

Список источников

1. Андрушкевич А.Г. Онтологический статус аскриптивных выражений в обыденном языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 5–13.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975. С. 193–231.
3. Малевинский С.О., Ахмадзай С.А. Эстетические оценки и их языковое выражение // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 3 (70). С. 128–136.
4. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 55–86.
5. Макеева Л.Б. О референции и онтологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV, № 3. С. 42–57.
6. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents // *Computing Natural Language* / eds. A. Aliseda, R. van Glabbeek, D. Westerstaahl. Stanford, 1998. P. 1–12.

References

1. Andrushkevich, A.G. (2019) The Ontological Status of Ascriptive Expressions in Ordinary Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/1
2. Jacobson, R. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “for” and “against”]. Moscow: Progress. pp. 193–231.
3. Malevinskiy, S.O. & Akhmadzai, S.A. (2018) Aesthetic evaluations and their language expression. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 3(70). pp. 128–136. (In Russian).
4. Strawson, P.F. (1982) O referentsii [About reference]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. XIII. Moscow: Raduga. pp. 55–86.
5. Makeeva, L.B. (2010) O referentsii i ontologii [On reference and ontology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 25(3). pp. 42–57.
6. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. In: Aliseda, A. van Glabbeek, R. & Westerstaahl, D. (eds) *Computing Natural Language*. Stanford: Stanford University. pp. 1–12.

Сведения об авторе:

Андрушкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ассистент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – Junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); assistant, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 165.41

doi: 10.17223/1998863X/68/2

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИКИ

Марк Васильевич Гончаренко

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
markgon73@rambler.ru*

Аннотация. Проведен анализ некоторых подходов к феномену понимания и роли языка в этом процессе; предложена одна из возможных реконструкций тезиса об отсутствующей семантике в естественном языке на основании известного положения поздней философии Л. Витгенштейна о том, что значение слова – это его употребление; в результате некоторых реконструкций установлено, что априорность значения, являясь абсолютно необходимым условием того или иного суждения, представляет семантику в новом аспекте видения: возможность конструирования новых схем и отношений между различными (иногда разноуровневыми) сегментами реальности и прочие определяются синтаксическими и прагматическими структурами, к созданию которых имеет непосредственное отношение ментальное пространство.

Ключевые слова: семантика, язык, значение, метафора, априорность

Для цитирования: Гончаренко М.В. Конвенционализм и исследовательский потенциал семантики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 15–24. doi: 10.17223/1998863X/68/2

Original article

CONVENTIONALISM AND THE RESEARCH POTENTIAL OF SEMANTICS

Mark V. Goncharenko

*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
markgon73@rambler.ru*

Abstract. This article analyzes some approaches to the phenomenon of understanding and the role of language in this matter; one of the possible reconstructions of the thesis about the absence of semantics in natural language is proposed on the basis of the well-known position of L. Wittgenstein's late philosophy that the meaning of a word is its use; As a result of some reconstructions, it was established that the a priori of meaning, being an absolutely necessary condition for one or another judgment, presents semantics in a new aspect of vision: the possibility of constructing new schemes and relations between different (sometimes multilevel) segments of reality, etc., are determined by syntactic and pragmatic structures, to the creation of which the mental space is directly related. In addition, the paper analyzes the thesis about the key role of metaphor (the approach to the metaphor is based on the concept of J. Lakoff, presented by him in his work "Women, Fire and Dangerous Things") in the process of creating new knowledge in the context of the approach: the meaning of a word is its use. This became possible on the basis of the analysis of the functioning of terminology in the language of science and the connection of the latter with natural language: the mechanism for creating analogies, images, etc. ensures the formation of a certain logic of the language, going beyond which for the subject of knowledge would guarantee the absolute impossibility of understanding. The main object of research in this article is the a priori

meaning. The working hypothesis of this research boils down to the following: the missing semantics, formed by the syntactic structure of the language and corresponding to the logic of the language, constitutes new schemes of understanding, both scientific and ordinary. The purpose of this work is to substantiate the fact that one of the arguments in favor of the reality of the missing semantics is the phenomenon of metaphor. The article uses the following research methods: the method of epistemological explication and the method of cognitive analysis.

Keywords: semantics, language, meaning, metaphor, a priori

For citation: Goncharenko, M.V. (2022) Conventionalism and the research potential of semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 15–24. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/2

Для того чтобы не создавалось двусмысленностей относительно того, что мы подразумеваем под одним из основных понятий данного исследования, сделаем несколько специальных уточнений. «Отсутствующая семантика» – это, по сути, вольный/свободный аналог термина «денотационная семантика», под которым подразумевается соответствие между математическими объектами и теми величинами, которые их обозначают. Если уточнить подразумеваемый смысл данного понятия, употребляемого для анализа функционирования естественного языка, то получим следующее: «отсутствующая семантика» – это способ, координирующий применение и взаимодействие прагматического и синтаксического уровней языка, о чем, собственно, и шла речь у Н. Хомского, который полагает, что естественный язык имеет только синтаксис и прагматику, тогда как семантика – это инструмент, координирующий их возможности для осуществления успешной коммуникации [1].

Если в связи с обоснованием возможности отсутствующей семантики сделать отсылку к мифу о Данном у У. Селларса, то поддержка также придет незамедлительно: «...основываясь на истинности семантического утверждения „красное“ означает красное“, вообще ничего нельзя сказать о той сложной роли, которую играет слово „красное“, или о том, как это слово связано с красными вещами. И никакие рассуждения о грамматике слова „означает“ в духе ‘Фидо’ не помешает нам заявить, что роль слова „красное“ (которая, по сути, и наделяет его значением) на самом деле очень сложная и что нельзя понять значение слова „красное“ – т.е. „знать, что такое красное“, если мы уже при этом не обладаем множеством таких знаний, которые, по мнению классического эмпиризма, имеют чисто случайное отношение к наличию у нас эмпирических понятий» [2. С. 93].

Известное рассуждение У. Куайна относительно того, что невозможно представить бóльшую степень удаленности человека от понимания проблемы значения, чем степень профессиональных лексикологов, поскольку они интересуются всем чем угодно, но не значением [3. С. 99], многое делает понятным. Например, почему идея Л. Витгенштейна семейного подобия имеет прямое отношение к теории метафоры, позволяющей проследить не только становление многих понятий и категорий, но также и конструирование тех теоретических образований и схем, для которых они являются ядерными. Логика языка, к которой неоднократно апеллировал Л. Витгенштейн, в одних случаях, требует определенных видов взаимодействия между отдельными понятиями, а в других случаях исключает возможность пересечения опреде-

ленных понятий. По нашему мнению, метафора является одним из тех механизмов конституирования новых значений, изучение и анализ которого может приблизить нас к пониманию возможности функционирования того или иного значения в языке, с помощью которого мы можем создавать новые социальные практики (теории, направления в науке и т.д.).

Рабочая гипотеза данного исследования сводится к следующему: отсутствующая семантика, формирующаяся синтаксической структурой языка и соответствующая логике языка, конституирует новые схемы понимания, как научного, так и обыденного.

Априорность и значение

Анализ тезиса об отсутствующей семантике в естественном языке (в контексте концепции философии позднего Л. Витгенштейна о значении как употреблении), делает необходимым анализ понимания метафоры у Л. Витгенштейна, поскольку метафора является инструментом порождения нового знания за счет понимания сущности чего-то посредством сущности другого. Объясняя, почему объекты у Л. Витгенштейна имеют «дыры», которые приводят к единству необъектного качества, А. Коффа цитирует письмо Л. Витгенштейна к Ч. Огдену по поводу сути метафоры: «...*не должно быть ничего третьего*, что соединяет связи, но что связи *сами* делают соединение друг с другом... В подобном же духе он в 1929 г. рассматривал вопрос о том, как анализировать пропозицию типа *цвет локализован в месте p* и заключил:

Ясно, что нет отношения „быть в“, получаемого между цветом и местом, в котором „локализован“ цвет. Нет промежуточного термина между цветом и пространством. Цвет и пространство насыщают друг друга. И способ, которым они проникают друг в друга, образует визуальное поле...

<...>

...у Витгенштейна объекты демонстрируют изобилие форм» [1. С. 208–209].

Итак, по существу, метафора у Л. Витгенштейна – это способ получения нового, способ организации континуума, возможность которого связана с языком (синтаксически-прагматическая). Цвет и пространство – категории разных видов, но их *локализация* – это категория, не относящаяся ни к одному из предыдущих видов. И это важно с точки зрения аргументации нового знания: как происходит переход от одного утверждения (протокольного предложения) к другому, что позволяет понимать логику этих переходов, как появляются/открываются объекты и как устанавливаются правила, организующие приемлемость метафор.

Поскольку концептуальной идеей данного исследования является идея обоснования отсутствующей семантики феноменом метафоризации контекста, выдвинем следующее предположение. Логика языка, как полагал Л. Витгенштейн в Трактате [2], такова, что мы ничего не можем сказать о нелогичном мире (другими словами, существующие схемы реальности логичны, и их логичность обусловлена правилами их формирования (синтаксисом) и правилами их применения (прагматикой)). При этом остается вопрос, как мы определяемся с *логичностью* языка и мира. Ответ в следующем: логика реальности конституируется семантикой (в нашем случае отсутствующей семантикой), основанной на том, что значение – это употребление. Семанти-

ка предопределяет в каком-то смысле не только употребление слова, но и возможность использования синтаксических структур для получения нового знания (а значит, и новых значений), так как без значения (как употребления) знака (слова) или конфигурации знаков (структуры) мы не можем получить новые возможности использования ранее уже использованных элементов. Метафора, задействуя потенциал отсутствующей семантики, соединяет прагматические и синтаксические конструкторы в ранее невозможном порядке, что приводит к возможности новых совершенно *логичных* вариантов употребления слова и открывает новые возможности для новых пропозиций.

Тем не менее в контексте обоснования отсутствующей семантики нельзя избежать вопроса о роли априорных утверждений, которую они играют в процессе организации когнитивного пространства.

С помощью а priori мы говорим только то, что нами заложено. Если мы упраздняем кантовское понимание а priori, то получаем некое структурное единство (теорию / гипотезу / отдельно взятое утверждение (пропозицию)), функционирование которого обусловлено организующими его правилами. В такого рода семантике значение действительно определяется употреблением, что целиком и полностью соотносится с активностью субъекта познания, а не с какой-либо *открываемой* реальностью (хотя не верится, что такого рода аргументация может кого-либо окончательно убедить в приоритетности номиналистского подхода). Когда в Прологеменах И. Кант задает вопрос: «Как возможна сама природа?», его ответ «природу вообще, мы не можем познать ни из какого опыта, так как сам опыт нуждается в таких законах, на которых основывается а priori его возможность» [3. С. 76–77] основан на совершенно ином методологическом принципе. Этот принцип признает иерархию уровней, одним из которых (верховным) является суждения а priori, в то время как принцип следования правилу такой иерархии не поддерживает. Причины, по которым это представляется возможным, весьма разнообразны.

Начнем с того, что взаимодействие таких категорий, как правило, значение, объект (реальность), всегда имеет альтернативы, в чем мы постоянно убеждаемся эмпирически. В этой связи возникает вопрос о том, почему в Философской грамматике Л. Витгенштейн утверждает, что хотя обоснование актуальности той или иной грамматической системы весьма непрозрачно, условия ее изменения выглядят иррационально и по своей сути являются кросс-культурным сдвигом [4. Р. 110]. Анализ актуальности грамматики в контексте проблемы априорности – это очень важная и сложная проблема, рассмотрение которой в какой-то степени позволяет проследить, как эпистемология, анализируя познание, обратилась к семантике. Существует множество типов суждений, которые по-разному организуют когнитивный континуум (денотация, определение, сравнение, вывод и др.), что приводит к непониманию субъектом познания того, насколько те или иные значения, определения и прочее связаны с правилами их конституирования. Л. Витгенштейн полагал, что необходимые утверждения (суждения а priori, поскольку без них организация мыслительного процесса абсолютно невозможна) ничего нам не сообщают, но так или иначе конституируют значение. Однако поскольку субъект познания может как принять это значение, так и отклонить его, постольку априорность не имеет того метафизического статуса, который ему приписывался.

Так, Л. Витгенштейн утверждал, что аксиомы геометрии не несут никакой информации, они постулируют определенные положения в языке, с помощью которого мы описываем пространственные объекты [5. Р. 62]. Что это значит, как связаны понятия геометрии с эмпирическими понятиями? Очень просто:

«Так говорит ли геометрия о кубах? ...Геометрия вообще не говорит о кубах, скорее, она конституирует значение слова „куб“ и т.д. Геометрия теперь говорит, например, что ребра куба имеют одинаковую длину, и *нет ничего легче*, чем спутать грамматику этого предложения с грамматикой предложения „края деревянного куба имеют одинаковую длину“. И все же одно является произвольным грамматическим правилом, в то время как другое является эмпирическим предложением» (цит. по: [1. С. 361]), – таким образом, связь грамматического и эмпирического характера, по всей вероятности, определяется произвольной конвенцией, что, безусловно, не согласуется с идеей а priori или идеей априорности знания. В каком-то смысле а priori – это первое звено в цепи рассуждения, которое определяет возможность всех последующих ее звеньев. Безусловно, такое видение проблемы априорности математических суждений указывает на правомерность их понимания как правил грамматического конституирования в витгенштейновском смысле. Такое понимание а priori у представителей аналитической традиции действительно объясняет причины обращения эпистемологии к семантике.

В том же ряду (в контексте обращения эпистемологии к семантике) находится и следующее рассуждение Д. Лакоффа, где он сравнивает разработанные им «базовые схемы» и «базовые идеи», многократно повторяющиеся в разных разделах математики и детально анализируемые известным математиком Мак-Лейном:

«Как отмечает Мак-Лейн, имеющиеся в настоящее время основания математики <...> оставляют окруженными тайной ответы на следующие конкретные вопросы (Mac Lane 1981, p. 466):

– Как получается, что формально вычисленные по законам ньютоновской механики орбиты небесных тел соответствуют их реальному движению? <...>

– Почему дифференциальное исчисление успешно применяется как в физике, так и для решения экономических проблем локальных максимумов?» [6. С. 471–472].

Д. Лакофф однозначно уверен в том, что успешное применение «базовых идей» математики в эмпирических областях обусловлено наблюдением реальности, понимание которой обеспечило формирование различных терминов с их дальнейшей необходимой классификацией. В этом случае категоризация ментального пространства, как один из основных механизмов понимания и формирования «базовых схем», выступает в качестве фундаментального базиса, определяющего стартовую возможность любого кодифицированного положения дел (объекта, процесса, отношений и т.д.), будь то естественный или какой-либо искусственный язык. Для нашего исследования крайне важно, что эта концептуализация ментального пространства не ограничена в вариативности необходимых вариантов.

Что устанавливают аксиомы геометрии, по Л. Витгенштейну, если не правила синтаксиса того языка, которым мы описываем объект, поэтому не-

удивительно, что *a priori* содержит только то, что субъектом предусмотрено [4. Р. 320]. И это снова возвращает нас к проблеме значения, вернее, к тому, как оно определяется. Очевидно, здесь необходимо обратиться к отношениям употребление – понимание. Как бы мы ни относились к эксперименту Дж. Сёрла «китайская комната», этот эксперимент прекрасно демонстрирует взаимодействие (или его отсутствие (?), если мы подразумеваем отсутствие связи как значимый фактор для этих отношений) между семантикой и синтаксисом. Если правило, как схема употребления, конституирует значение, то что происходит с априорностью: возможна ли априорность значения или это совершенно невозможно? Л. Витгенштейн описывает эту ситуацию так: «Не может быть вопроса, являются эти или другие правила верными для употребления слова „не“... Потому что без этих правил слово все еще не имеет значения, и, если мы изменим правила, оно будет иметь другое значение...» [4. Р. 184]. Следовательно, априорность соотносится со значением, а не с опытом [1. С. 358]. Безусловно, такое понимание *a priori* и априорного знания никак не согласуется с реалистской концепцией и объективистской семантикой. Анализируя проблемы корреляции синтаксиса и семантики с неопределенной референцией в формальных языках, Х. Патнэм пришел к очень простому и важному выводу в духе конвенционализма Л. Витгенштейна: «Говорить так, как если бы перед нами стояла следующая проблема: „Я знаю, как употреблять мой язык, но каким образом я теперь выберу интерпретацию“, значит говорить бессмыслицу. Либо употребление *уже* фиксирует интерпретацию, либо *ничто* не может этого сделать» [7. Р. 482]. Таким образом, понимание, обусловленное правилами синтаксиса, возможно только при *a priori* установленных ими значениях.

Ментальное пространство (Mental space) и исследовательский потенциал семантики

Для детального анализа роли ментального пространства (*mental space*) в процессе конституирования знания невозможно проигнорировать ни феномен априорности значения, ни феномен референции, которые оказывают определенное влияние как на ментальное пространство *mental space*, так и на когнитивный континуум. Вот как Д. Лакофф определяет ментальное пространство: «Ментальное пространство является способом концептуализации и мышления. Любое фиксированное... положение дел, как мы его концептуализируем, представлено... ментальным пространством. <...> Ментальные пространства не имеют какого-либо онтологического статуса вне ума человека... Примером ментального пространства... не может быть реальный мир или некоторый его аспект. ...ментальные пространства беспрепятственно функционируют в семантике, основанной на внутреннем или эксперенциальном реализме» [6. С. 366–367]. Такое понимание ментального пространства (*mental space*), безусловно, отсылает к разнице у Л. Витгенштейна между миром *sense-data* – миром, в котором мы живем, и миром, о котором мы говорим, – миром физических объектов [8. Р. 82]. Действительно, здесь мы сталкиваемся с разными ментальными состояниями: состоянием чувственного восприятия (*sense-data*) и состоянием когнитивного моделирования, поскольку физический объект/аспект его видения как минимум концептуализирован языком. Сам Л. Витгенштейн выходит из ситуации такого разделения, пола-

гая, что нет факта того, что Земля круглая, но есть другие факты (форма тени на Луне при затмении и др.), подтверждающие наше утверждение/знание о форме Земли, также как и нет факта, что нечто является физическим объектом, но есть чувственные данные и суждения о нем [8. Р. 80–81]. Если такого рода примеры кажутся неубедительными, приведем пример из научной теории электродинамики, который демонстрирует еще и актуальность метафоризации: «На самом деле *единственное* различие между красным и синим фотоном (или фотоном любого другого цвета, включая радиоволны, рентгеновское излучение и т.д.) – это скорость вращения стрелки часов (т.е. время. – *М.Г.*)» [9. С. 46]. Дополнительно нужно отметить, что методологическим основанием такого рода когнитивной конструкции у Л. Витгенштейна стало переосмысление феномена верификации: как можно соотносить звуки речи и объекты, процессы, отношения и прочее, к которым они относятся, и утверждать в этом случае, что мы имеем подтверждение сформулированного.

Сам собой актуализируется вопрос Дж. Остина о том, *что делает человек, когда что-либо говорит* [10. С. 34]. Действительно, что при этом происходит с сознанием и миром и какова в этом процессе роль понимания, как оно возможно? Сам Дж. Остин, задаваясь таким вопросом, надеялся на появление в скором времени новой теории речевого акта, которая описывала бы речевой акт во всей его целостной совокупности, тем не менее, пока этого не случилось, целостной теории не появилось, воспользуемся теми элементами анализа, которые были уже разработаны, в том числе в когнитивистике. Обратимся к описанию формирования категорий, определяющих научные схемы у Д. Лакоффа. Речь пойдет о формировании категории рода в биологии, на основании которой возникли определенные классификации: «Род как научный уровень классификации был установлен, потому что он был психологически наиболее базовым уровнем для целей изучений таксономической биологии людьми. Предполагалось, что разделение на роды соответствует определенным реальным делениям в природе» [6. С. 57–58]. В данном случае для нас важно не столько определенное тождество между народной и научной биологией, о которой говорит Д. Лакофф, сколько категория научной схемы, классификации, – категория рода, которая позже в новой научной схеме (теория эволюции) была заменена категорией вида, включающей новые признаки и составляющие, обуславливающие новую научную теорию – теорию эволюции. Что же при этом произошло с реальностью – с тем биологическим миром, который классифицировался этими научными схемами? Очевидно, с ним ничего не произошло, изменения коснулись исключительно дискурса, который репрезентирует различные состояния ментального пространства (*mental space*). И хотя Д. Лакофф отказывает в онтологическом статусе всему тому, что представлено в ментальном пространстве (*mental space*), невозможно игнорировать относительный параллелизм когнитивного пространства научной теории (схем/схемы, конституирующей представления субъекта) и биологического разнообразия (того материала, с которым субъект находится в чувственном контакте (*sense-data*)). Собственно, с этим и связано бесконечное число вариативных моделей/научных схем, с помощью которых субъект познания репрезентирует свои представления о биологическом разнообразии. Однако здесь важен еще один нюанс: любая классификация как

базовая схема конституируется индивидуальным сознанием на основании его индивидуального опыта таким образом, чтобы она соответствовала целям и задачам его деятельности, хотя бы отчасти. Если нет такого рода соответствия, то любая схема изначально становится неприемлемой.

Анализируя феномен категоризации, Д. Лакофф довольно подробно исследует категорию рода для того, чтобы показать, как категории, применяемые в одной сфере знания, могут с успехом использоваться в других областях, на первый взгляд, совершенно не связанных между собой:

«Таким образом, то, что определяет естественный род, есть

Некоторая „существенная природа“, которую вещь разделяет с другими членами этого естественного рода. Какова эта „существенная природа“ – дело не лингвистического анализа, но специальной научной теории (Putnam. – М.Г.).

В качестве примеров обычно приводятся вещи, которые существуют в природе... однако созданные человеком артефакты также могут быть рассмотрены как имеющие существенные признаки и поэтому также могут рассматриваться как входящие в созданные человеком *роды*» [6. С. 216].

Что здесь важно, так это то, что *существенная природа* определяется научной теорией, и значит, в ментальном пространстве (mental space) нет и не может быть ограничений для создания субъектом новых родов. Категория рода не может быть ограничена фактором естественного или антропного происхождения. Новая научная теория (теория эволюции) пересматривает категорию рода так, что вместо нее появляется категория вида, и для субъекта познания все это – естественный процесс перманентного конституирования Реальности. Одним из основных инструментов, принимающих участие в ее создании, является язык со всем своим потенциалом.

Для того чтобы продемонстрировать семантико-синтаксическую обусловленность когнитивного анализа реальности и необходимость использования при этом метафоры как одного из возможных способов объяснения/понимания происходящего, воспользуемся следующим примером Р. Фейнмана. Он кратко формулирует для непрофессиональной аудитории основные законы физики. С учетом того что нам нужно продемонстрировать, мы остановимся на двух из них. Первый закон: фотон летит из одного места в другое, что является полной теорией света. Третий закон: электрон поглощает или излучает фотон; это действие называется соединением, связью, взаимодействием (Фейнман. КЭД. С. 111–112). Итак, основными действующими лицами в этих базовых физических схемах являются *фотоны* и *электроны*, которые выполняют определенные действия – они *летают*. Значит, физическая теория структурирована некоторыми элементами и их взаимоотношениями, характер и качество которых определяется с помощью определенных математических формул, так как от наглядных моделей физика отказалась давно из-за невозможности их применения. Но, как мы видим, то, что выражается для профессионалов-физиков математическими формулами, для непрофессионалов выражено естественным языком, и с этим согласны профессионалы: фотоны, электроны летают, взаимодействуют, объединяются, разъединяются и пр. Налицо две базовые схемы: народная и научная, как их называет Д. Лакофф. Мы видим, что они зависят друг друга, так как невозможно представить математическую формулу физического процесса, не понимая, из ка-

ких элементов она состоит. Фотон, электрон – это элементы, находящиеся в пространстве-времени; их взаимодействие системно и т.д. Что такое система, есть ли такая категория в народных моделях наряду с элементами, связями, пространством, временем? Безусловно, пространственно-временной континуум студента на перерыве – это не пространственно-временной континуум фотона, в котором он может двигаться не только в будущее, но и в прошлое, но это то, что принято называть мышлением по аналогии. Следовательно, категории ментального пространства (*mental space*), относящиеся как к научной, так и к народной схеме, способствуют успешному, насколько это возможно, процессу коммуникации.

Список источников

1. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 528 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I: Логико-философский трактат / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
3. Кант И. Прологомены / пер. с нем. Вл. Соловьёва. М. : Академический проект, 2008. 174 с.
4. Wittgenstein L. *Philosophical Grammar* / ed. R. Rhees. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1974.
5. Waismann F. *Wittgenstein und der Wiener Kreis* / ed. B.F. McGuinness. Oxford : Blackwell Publisher, 1967. [Translated as *Wittgenstein and the Vienna Circle*].
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. I: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М. : Гнозис, 2011. 512 с.
7. Putnam H. *Models and Reality* // *Journal of Symbolic Logic*. № 45. P. 464–482.
8. Wittgenstein L. *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1930–1932* / ed. D. Lee. Totowa, N.J. : Rowman & Littlefield, 1980.
9. Фейнман Р. КЭД – странная теория света и вещества / пер. с англ. С.Г. Тиходеева, О.Л. Тиходеевой. М. : АСТ, 2020. 208 с.
10. Остин Дж. Перформативы – констатиры / пер. с англ. Г.Е. Крейдлина // *Философия языка*: пер. с англ. / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. 3-е. изд. М. : Едиториал УРСС, 2011. С. 23–34.

References

1. Coffa, A. (2019) *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskomu vokzalu* [The Semantic Tradition from Kant to Carnap. To the Vienna Station]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
3. Kant, I. (2008) *Prolegomeny* [Prolegomena]. Translated from German by Vl. Soloviev. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
4. Wittgenstein, L. (1974) *Philosophical Grammar*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
5. Waismann, F. (1967) *Wittgenstein und der Wiener Kreis*. Oxford: Blackwell Publisher.
6. Lakoff, J. (2011) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind]. Translated from English by I.B. Shatunovsky. Moscow: Gnozis.
7. Putnam, H. (1980) *Models and Reality*. *Journal of Symbolic Logic*. 45. pp. 464–482.
8. Wittgenstein, L. (1980) *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1930–1932*. Rowman & Littlefield, Totowa, N.J.
9. Feynman, R. (2020) *KED – strannaya teoriya sveta i veshchestva* [QED: The Strange Theory of Light and Matter]. Translated from English by S.G. Tikhodeev, O.L. Tikhodeeva. Moscow: AST.
10. Austin, J. (2011) *Performativny – konstativny* [Performatives and Constatives]. Translated from English by G.E. Kreydlin. In: Searl, J.R. (ed.) *Filosofiya yazyka* [Philosophy of Language]. Translated from English. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS. pp. 23–34.

Сведения об авторе:

Гончаренко М.В. – доктор философских наук, доцент, профессор отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: markgon73@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Goncharenko M.V. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 09.10.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/68/3

АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Всеволод Адольфович Ладов

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ladov@yandex.ru*

Аннотация. Представлен проект новой эпистемологической концепции. В качестве рабочего названия концепции предложен термин «аналитический реализм». Обсуждаются теоретические основания и центральные проблемы данного направления эпистемологических исследований. Обосновывается, что разработка тех идей, которые являются определяющими для аналитического реализма, должна быть одной из актуальных задач современной эпистемологии в целом.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, релятивизм, скептицизм, эпистемология, аналитическая философия, язык, значение, истина

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Ладов В.А. Аналитический реализм: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 25–34. doi: 10.17223/1998863X/68/3

Original article

ANALYTICAL REALISM: CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Vsevolod A. Ladov

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Tomsk,
Russian Federation*

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ladov@yandex.ru

Abstract. This article presents the author's project of a new epistemological concept of analytical realism. The terminological issues related to the choice of the name of the concept are discussed. The main structural elements of analytical realism are outlined. The existing theoretical results are formulated that can be used as the basis of the concept. The main challenges and further prospects for research within the framework of analytical realism in the context of the modern development of epistemology are fixed. The project of a new epistemological concept is proposed to be called "analytical realism". Why "analytical realism"? How justified is this title? For example, if we are based on the research of H. Putnam, then all manifestations of his epistemological program could be called analytical realism, because he always worked within the tradition of English-language analytical philosophy. But at the same time, we know other types of realism both in the topological sense and in the content of these theoretical concepts. For example, the concept of speculative realism which is widely discussed today was born in continental Europe, and in terms of content it has nothing to do with analytical philosophy. One can also consider the problems of realism discussed in the framework of modern philosophy of science. Although

this is an English-speaking environment for the most part, the content of this area of research can hardly be attributed to the general context of analytical philosophy either. In this case, the accepted terminological restriction seems to be appropriate. Analytical realism is an epistemological concept developed exclusively in the context of the tradition of analytical philosophy with a focus on logic, philosophy of language, theory of meaning, theory of reference, with a focus on the main representatives of the school of analytical philosophy.

Keywords: realism, anti-realism, relativism, skepticism, epistemology, analytical philosophy, language, meaning, truth

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Ladov, V.A. (2022) Analytical realism: challenges and development prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 25–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/3

Введение

Очень многие современные исследования в эпистемологии представлены в контексте дискуссии реализма и антиреализма. Причем это касается не только англоязычной философии, где данная терминология широко распространена, но и современной континентальной философии, если иметь в виду то влияние в философском мире, которое приобрело в последние годы движение спекулятивного реализма, одним из основателей которого является французский философ К. Мейясу [1].

В данной статье представлен авторский проект новой эпистемологической концепции аналитического реализма. Обсуждаются терминологические вопросы, связанные с выбором названия концепции, тезисно намечаются основные структурные элементы аналитического реализма, формулируются уже имеющиеся теоретические результаты, которые можно использовать в качестве основания концепции, фиксируются главные проблемы и дальнейшие перспективы исследований в рамках аналитического реализма в контексте современного развития эпистемологии.

Вопрос о терминологии

Мы предлагаем назвать тот концептуальный проект, который представлен в нашей статье, «аналитическим реализмом». Почему «аналитический реализм»? Насколько оправданно данное название? Если исходить из исследований, например, Х. Патнема, из различных версий его эпистемологической программы [2, 3], то все варианты его концепции можно было бы назвать аналитическим реализмом, ибо он всегда работал внутри традиции англоязычной аналитической философии. Но вместе с тем мы знаем иные виды реализма и в топологическом, и в содержательном смыслах. Например, широко обсуждаемая на сегодняшний день концепция спекулятивного реализма родилась в континентальной Европе, и в содержательном плане к аналитической философии не имеет никакого отношения. Можно рассмотреть и проблемы реализма, обсуждаемые в рамках современной философии науки [4]. Это хоть и англоязычная среда по преимуществу, но содержательно данную проблематику тоже вряд ли можно отнести к общему контексту аналитической философии. В таком случае принимаемое терминологическое ограничение представляется все же уместным. Аналитический реализм – это

эпистемологическая концепция, развиваемая исключительно в контексте традиции аналитической философии с ориентацией на логику, философию языка, теорию значения, теорию референции, с ориентацией на основных представителей школы аналитической философии.

Представляется, что наиболее близким примером, подтверждающим уместность данной терминологии, выступает использование термина «аналитический прагматизм» по отношению к философской концепции современного американского мыслителя Р. Брэндома [5]. Здесь подчеркивается, что автор развивает классические идеи американского прагматизма именно в контексте аналитической философии, в контексте теории значения и теории референции.

Проект аналитического реализма, тезисно сформулированный в данной статье, представлен на русском языке. В связи с этим, возможно, следовало бы внести корректировку и в название «Русский аналитический реализм». Правда, в таком случае требовалось бы и дальнейшее уточнение, скажем, «Московский аналитический реализм», «Новосибирский аналитический реализм», «Томский аналитический реализм» и т.д. Чтобы избежать этого излишнего терминологического нагромождения, мы все же позволим себе занять термин, который в русскоязычной философской среде пока остается свободным, и будем просто говорить «аналитический реализм», подразумевая ту концептуальную разработку, проект которой представлен ниже.

Структура аналитического реализма: формальный аспект

Структурно аналитический реализм делится на формальный и содержательный аспекты, соответственно, на формальный реализм и содержательный реализм.

Формальный реализм обосновывает приоритет реалистской эпистемологии перед антиреализмом за счет косвенной логической аргументации, а именно за счет демонстрации логической противоречивости антиреалистских эпистемологических проектов. Эта демонстрация логической противоречивости осуществляется через аргумент *reductio ad absurdum*, основанный на явлении самореферентности. Данный формальный аспект автор проекта аналитического реализма в сотрудничестве с другими отечественными аналитическими философами разрабатывал последние несколько лет [6–9].

Антиреализм, который объединяет разнообразные скептические и релятивистские концепции, можно свести к абсурду как теоретическое построение, если его тезисы обратить против него самого в опоре на явление самореферентности, когда некоторое теоретическое высказывание становится логическим субъектом самого этого высказывания:

(S есть Р) есть Р.

Впервые это проделал еще Сократ в диалоге Платона «Тезет» [10], заочно полемизируя с релятивистом Протагором. Если человек в самом деле является мерой всех вещей и любое суждение истинно лишь относительно того или иного человека, высказывающего это суждение, то как же Протагор собирается учить всех за плату этой мудрости, когда она сама оказывается лишь относительной? Очевидно, что Протагор считает основной тезис своего релятивистского построения не относительной, а абсолютной истиной, которую должны признать все. Таким образом, позиционирование релятивистско-

го тезиса в теоретической концепции вступает в противоречие с содержанием данного тезиса. Релятивизм как теоретическая разработка неминуемо оказывается парадоксальным.

Однако в традиции аналитической философии, при обсуждении проблемы парадоксов, был разработан иерархический подход к решению данной проблемы, который полностью запрещал явление самореферентности как некорректный логический прием в рассуждении [11, 12]. И в такой ситуации критика скептицизма и релятивизма в отношении возможности достижения истинного знания, подобная той, которую высказывал платоновский Сократ, оказывается заблокированной с логической точки зрения. Авторы «*Principia Mathematica*», где иерархический подход к решению парадоксов был представлен через теорию типов, высказались об этом недвусмысленным образом: «...любой заслуживающий внимания скептицизм закрыт для приведенной выше формы опровержения (имеется в виду приведение скептицизма к противоречию через аргумент *reductio ad absurdum* в опоре на явление самореферентности. – В.Л.)» [13. С. 111]. Таким образом, в «*Principia Mathematica*» было сформулировано важное эпистемологическое следствие теории типов, которое заключалось в том, что все традиционные формы опровержения скептических и релятивистских концепций, которые имеют многовековую историю, теряют свою значимость. И если мы хотим продолжать критиковать антиреализм (скептицизм, релятивизм) в эпистемологии, то делать это нужно уже иначе, с опорой на результаты чисто логических исследований в традиции аналитической философии, в противном случае мы, как эпистемологи, просто рискуем оказаться наивными с точки зрения логики. Поэтому самый существенный вопрос, который был поставлен в рамках аналитического реализма в формальном аспекте, – это вопрос о допустимости/недопустимости явления самореферентности в рассуждении с логической точки зрения.

Аналитический реализм в формальном аспекте показал, что иерархический подход, который устанавливал запрет на самореферентность, имеет существенные недостатки [14]. Это позволило сделать вывод о том, что данный подход сам оказывается некорректным, а значит, его изначальную посылку следует аннулировать. Таким образом, мы вернули аргументу *reductio ad absurdum*, основанному на явлении самореферентности, логическую легитимность и заявили о том, что снова можем использовать этот аргумент для критики эпистемологического антиреализма. Но теперь наша критика уже будет иметь не наивный, а рефлексивный с точки зрения достижений современной логики характер.

Проблема следования правилу в формальном аспекте

При помощи аргумента *reductio ad absurdum*, который основан на явлении самореферентности, мы критикуем антиреалистские эпистемологические проекты. Одной из самых известных и самых радикальных антиреалистских концепций внутри традиции аналитической философии была концепция «значение как употребление» позднего Л. Витгенштейна. В рамках этой концепции была сформулирована так называемая проблема следования правилу [15]. Американский логик С. Крипке назвал проблему следования правилу вообще самой радикальной скептической проблемой в истории философии: «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассмат-

ривать ее как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия, проблему, которую смог бы сформулировать только очень необычный по складу ум» [16. С. 60].

Результаты работы в рамках формального аспекта аналитического реализма приводят к утверждению логической противоречивости концепции позднего Л. Витгенштейна. На страницах «Философских исследований», в частности в параграфе 201, где и сформулирована проблема следования правилу [15. С. 130], Витгенштейн утверждает, что употребление слов в языке не подпадает под какие-то устойчивые, универсальные правила, значение слов определяется чисто контекстуально, в каждой конкретной языковой игре, в каждом конкретном лингвистическом сообществе, значение слов всегда релятивно контексту употребления, значение и есть употребление, а не определяет наперед употребление как нечто стабильно заданное: «...мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [17. Р. 51].

Однако как быть с самим текстом «Философских исследований»? Опираясь на явление самореферентности, мы можем обратить тезис Витгенштейна против него самого. Таким образом, тезис Витгенштейна о значении как употреблении будет сведен к абсурду. В самом деле, если ни одно из слов языка не обладает стабильным значением, то это же относится и к словам, которыми сформулирован тезис об отсутствии строгих правил употребления, о релятивности значения. В таком случае тезис о том, что значение есть употребление либо сам становится релятивным и не раскрывает суть функционирования языка, а значит, и теряет свою теоретическую весомость, либо же в отношении слов, при помощи которых данный тезис сформулирован, нельзя сказать, что их значения релятивны, скорее, наоборот, они вполне строго определены, что и позволяет ясно выразить содержание концепции позднего Витгенштейна.

Вслед за М. Даммитом мы склоняемся к выбору второго элемента представленной выше альтернативы: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе (имеются в виду исследования позднего Л. Витгенштейна. – *В.Л.*), которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [18. Р. XI]. Если это так, то содержание тезиса позднего Витгенштейна о релятивности значения вступает в противоречие с его позиционированием в рамках теоретической концепции. Теоретическая концепция, где формулируется этот тезис, опровергает его своим существованием. Здесь мы наблюдаем явление, которое К. Кордиг – один из современных эпистемологов – назвал «самореферентной непоследовательностью» (*self-referential inconsistency*) [19].

Таким образом, аналитический реализм демонстрирует логическую несостоятельность того, что С. Крипке назвал скептическим решением проблемы следования правилу [16], которое опиралось на тезис о релятивности значения и проясняло функционирование языка на его основе.

Структура аналитического реализма: содержательный аспект

Аналитический реализм в формальном аспекте обосновывает правоту реализма только косвенно, указывая на логическую несостоятельность про-

тивоположного способа построения эпистемологических концепций – анти-реализма. Однако формального аспекта исследований недостаточно. Обосновывать реализм следует не только косвенно, через приведение к абсурду противоположного, но и прямо, через поиск аргументов, подтверждающих возможность адекватного, истинного знания об объективной реальности, истинного в корреспондентном смысле. Реализм должен показать возможность соответствия знаний познающего субъекта фактам объективной реальности. Реализм каким-то образом должен решать так называемую проблему доступа (The access problem), доказывать возможность для познающего субъекта адекватно отражать содержание объективной реальности. Именно эту задачу должен решать содержательный реализм, поэтому общая, интегральная концепция аналитического реализма должна иметь, кроме формального, содержательный аспект.

Проблема следования правилу в содержательном аспекте

В содержательном аспекте своего развития аналитический реализм должен настраиваться на поиски прямого решения проблемы следования правилу, поскольку, как уже было сказано, поздний Л. Витгенштейн – это самая радикальная антиреалистская концепция в контексте развития аналитической философии.

Почему так важно решать проблему следования правилу? Почему важно найти прямое решение? Для того чтобы обосновать возможность содержательного реализма, по крайней мере в контексте аналитической философии, необходимо представить такой взгляд на язык, где предложения языка будут иметь устойчивые референты в качестве фактов. Только так мы сможем обеспечить однозначность истинностной оценки предложений языка. Если этого не сделать, то наше познание, трактуемое как зависимое от частных языковых игр в локальных лингвистических сообществах, неминуемо погрузится в глобальный скептицизм и релятивизм. Собственно, это и происходит у позднего Л. Витгенштейна. Референты предложений определяются исключительно прагматически, контекстуально, *ad hoc*, по каждому конкретному случаю употребления. Все это происходит потому, что, по Витгенштейну, не существует устойчивого значения общих терминов, которое можно было бы использовать как правило применения данного термина в бесконечных случаях употребления. Само это значение формируется, по Витгенштейну, на основе употреблений, индуктивно. Раз так, то мыслимое субъектом значение всегда конечно, выведено из конечного числа способов употребления выражения. Здесь и возникает проблема следования правилу. Если мыслимое субъектом значение конечно, то, вообще говоря, оно неопределенно, мыслимые правила употребления обрывочны, следовательно, конкретное употребление выражения можно подвести сразу под два разных правила (значения), которые в данном употреблении не будут различаться. Отсюда возникает глобальная неопределенность значения (правила употребления), а значит, и неопределенность референтов слов и предложений.

Аналитический реализм в содержательном аспекте должен приложить усилия к тому, чтобы обосновать концепт стабильного, идеального значения языкового выражения, которое может схватываться субъектом. Именно такое значение сможет задавать стабильность референциальной связи слов и объ-

ектов, предложений и фактов не индуктивно, а, напротив, дедуктивно, наперед задавая референциальную область всем будущим бесконечным употреблениям слова (предложения). Если мы будем способны это сделать, то сможем и давать однозначную истинностную оценку предложениям языка, а значит, мы сможем исключить релятивизм и антиреализм.

Здесь следует подчеркнуть, насколько сложной оказывается эта проблема, и в этом смысле можно согласиться с Крипке о том, что Витгенштейну действительно удалось заострить скепсис в вопросах возможностей и границ нашего познания до предела. Например, обычная референциалистская семантика, напрямую связывающая слова и вещи, и соответствующая ей онтологическая концепция физикализма, научного реализма, не может обеспечить решение проблемы следования правилу. Казалось бы, мы устанавливаем референциальную определенность между словами и объектами, между предложениями и физическими фактами, например, в предложении «Это – стол», но на самом деле эта определенность обманчива, иллюзорна. Будущие употребления данного предложения радикально не ясны. Скажем, стол в японской культуре, как предмет мебели для чайной церемонии высотой чуть выше щиколотки, может выступить в качестве референта слова «стол», а может и не выступить, поскольку в его нынешнем значении, сформированном в конечном опыте европейской культуры, высота этого предмета четко не специфицирована, она принимается как нечто само собой разумеющееся, примерно в треть человеческого роста, но нигде однозначно не фиксируется. Отсюда следует, что и в данном конкретном употреблении, когда агент речи находится в рамках европейской культуры, у слова «стол» или у предложения «Это – стол» неясно значение как правило употребления и поэтому неясна референциальная область употребления. В данном конкретном случае употребления предложения «Это – стол» субъект не вполне отдает себе отчет в том, что он имеет в виду, что он называет, какому правилу он следует: правилу 'стол', которое включает предметы только европейской культуры, или правилу 'цтол' (если проводить аналогию с известным дефект-правилом 'квус' С. Крипке [16]), включающему предметы не только европейской, но и японской культуры, при условии, что с японской культурой он просто еще никогда не сталкивался, не знает о ее специфике. Если это так, то однозначная истинностная оценка его предложения как истинного или ложного во всех предполагаемых случаях употребления невозможна, следовательно, мы приходим к релятивизму. Такой лингвистический референциалист и онтологический физикалист оказывается эпистемологическим релятивистом.

Именно поэтому в поисках прямого решения проблемы следования правилу аналитический релятивизм тяготеет не к референциалистской семантике и физикализму, а к универсалистской семантике и платонизму. Только через фиксацию значения как идеальной, стабильной, универсальной сущности можно прийти к фиксации четких правил употребления слов и предложений, следовательно, и к однозначной дедуктивной (нисходящей) фиксации референциального поля слов и предложений, что обеспечит однозначную истинностную оценку предложений и позволит исключить релятивизм и антиреализм. Аналитический реализм заявляет, что реализм возможен только как лингвистический платонизм. Лингвистический платонизм должен быть основой любых реалистских взглядов, развиваемых в контексте традиции анали-

тической философии, ибо только эта концепция способна предоставить прямое решение проблемы следования правилу, а значит, показать несостоятельность наиболее радикальной антиреалистской концепции в аналитической философии – концепции значения как употребления позднего Л. Витгенштейна.

В связи с вышесказанным аналитический реализм обращает свой исследовательский взор на концепцию лингвистического платонизма современного американского аналитического философа Джерольда Катца [20]. Определенная работа по экспликации тезисов и аргументов концепции Д. Катца уже проделана [21]. Однако данные исследования, безусловно, нуждаются в дальнейшей разработке, представляя собой перспективу развития аналитического реализма в содержательном аспекте. Во-первых, это должен быть более детальный анализ и обоснование весомости аргументации Д. Катца. Во-вторых, это должен быть поиск коррелятов концепции Д. Катца с другими концепциями, разрабатываемыми в современной аналитической философии. И такая работа уже начата в отечественной философской среде. В частности, Е.В. Борисов указал на корреляцию концепции лингвистического платонизма Д. Катца и семантической концепции Д. Каплана [22]. В-третьих, должен быть поставлен общий вопрос о возможности построения семантической теории естественного языка и о том, какой вид должна иметь данная теория.

Заключение

Решение проблемы следования правилу в формальном и содержательном аспектах должно быть одной из наиболее актуальных задач эпистемологии XXI в. Представленный в данной статье проект концепции аналитического реализма намечает те пути, по которым возможно развитие эпистемологических исследований как в отечественной, так и в мировой философии.

Список источников

1. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; Москва, 2015.
2. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.
3. Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge : Harvard University Press, 1990.
4. Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002.
5. Джохадзе И.Д. Аналитический прагматизм Р. Брендома. М., 2015.
6. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 101–110.
7. Борисов Е.В. Является ли парадокс Ябло автореферентным? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 235–244.
8. Суrowцев В.А. Парадокс Ябло, автореферентность и математическая индукция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 262–268.
9. Нехаев А.В. Парадокс Ябло: лжет ли нам бесконечный Лжец? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 3. С. 206–218.
10. Платон. Тезетт // Платон. Сочинения в 4 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. Т. 2. С. 229–327.
11. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16 – 62.
12. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
13. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики : в 3 т. Самара : Самар. ун-т, 2005. Т. I.

14. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.
15. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2018.
16. Крунке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005.
17. Wittgenstein's Lectures. Cambridge, 1932–35. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
18. Dummett M. The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1991.
19. Kordig C. Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 20, № 2. P. 207–216.
20. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1990.
21. Ладов В.А. Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // Прахема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 97–110.
22. Борисов Е.В. Контекстуальность в семантике Каплана и Катца // Прахема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 111–117.

References

1. Meillassoux, K. (2015) *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingence]. Translated from French by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
2. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Putnam, H. (1990) *Realism with a Human Face*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Niiniluoto, I. (2002) *Critical Scientific Realism*. Oxford; New York: Oxford University Press.
5. Dzohadze, I.D. (2015) *Analiticheskiy pragmatizm R. Brendoma* [R. Brandom's Analytic Pragmatism]. Moscow: RAS.
6. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/9
7. Borisov, E.V. (2019) Is Yablo's Paradox Self-Referential? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 235–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/20
8. Surovtsev, V.A. (2019) Yablo's paradox, self-reference, and mathematical induction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 262–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/24
9. Nekhaev, A.V. (2019) Yablo's Paradox: Is The Infinitive Liar Lying to Us?. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56(3). pp. 88–102. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956351
10. Plato. (2007) Teetet [Theaetetus]. In: Losev, A.F. & Asmus, V.F. (eds) *Platon. Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Plato. Collection of Works]. St. Petersburg: Mysl'. pp. 229–327.
11. Russell, B. (2006) *Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov* [Mathematical Logic as Based on the Theory of Types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.
12. Tarski, A. (1956) The Concept of Truth in Formalized Languages. In: Tarski A. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.
13. Whitehead, A. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki* [Principia Mathematica]. Vol. I. Translated from English by Y.N. Radaev, A.V. Ershov, R.A. Revinskiy, I.S. Frolov. Samara: Samara State University.
14. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/5
15. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow: AST.
16. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Wittgenstein, L. (1979) *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–35*. Oxford: Basil Blackwell.
18. Dummett, M. (1991) *The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
19. Kordig, C. (1983) Self-Reference and Philosophy. *American Philosophical Quarterly*. 20(2). pp. 207–216.
20. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
21. Ladov, V.A. (2022) Gottlob Frege's semantics in modern analytic philosophy. *Praxema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 97–110. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-97-110
22. Borisov, E.V. (2022) Contextuality in Kaplan's and Katz's semantics. *Praxema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 111–117. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-111-117

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, зав. лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ladov V.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Logical and Philosophical Researches of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Leading Researcher of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Professor of the Department of Humanitarian Problems of Informatics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 20.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 1(091), 1(075)

doi: 10.17223/1998863X/68/4

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ РЕЛЯТИВИЗМА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Сергей Витальевич Никоненко

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
serg_nikonenko@rambler.ru*

Аннотация. Исследуются основания исторического релятивизма, предпосылки которого заложены в критике идеи всеобщей истории и универсальных методов исторического исследования. В историческом релятивизме происходит отказ от идеи дескрипции в пользу идеи репрезентации и постулируется множественность интерпретаций. Исторический нарратив понимается как «рассказ». Исторический релятивизм подвергается критике с позиций умеренного плюрализма интерпретаций.

Ключевые слова: релятивизм, история, аналитическая философия, нарратив, дискурс

Благодарности: проект РНФ № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»

Для цитирования: Никоненко С.В. К вопросу о дискурсивном характере исторического языка: исследование оснований релятивизма в аналитической философии истории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 35–44. doi: 10.17223/1998863X/68/4

Original article

ON DISCURSIVE CHARACTER OF HISTORICAL LANGUAGE: THE INVESTIGATION OF THE BACKGROUNDS OF RELATIVISM IN ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY

Sergei V. Nikonenko

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
serg_nikonenko@rambler.ru*

Abstract. The subject of the article is the study of the foundations of historical relativism that arose during the “linguistic turn” in analytical philosophy. The aim is to try critically analyze three theoretical propositions:

1. The prerequisites of historical relativism are already laid down in early analytical philosophy, in the criticism of the idea of universal history and universal methods of historical research;
2. There is a rejection of the idea of description in favor of the idea of representation, and, as a result, a plurality of interpretations is postulated;
3. The main theoretical achievement of historical relativism is the understanding of the historical narrative as a “story”. A new discursive understanding of the language of historians is emerging in the analytical tradition.

According to judgments of supporters of historical pluralism in analytical philosophy, there is a certain ontology of history, the essence of which boils down to the assumption of an ineradicable diversity of communities, epochs and cultural formations in the history of mankind. The following distinction can be proposed: unlike supporters of pluralism,

historical relativists introduce into history the idea of the randomness of socio-cultural phenomena, which entails an apology for the multiplicity of interpretations. The historical world turns out to be random through the prism of a certain historical language devoid of essentialist patterns. The pluralism of interpretations corresponds to the random multiplicity of historical formations. The criteria for the truth and persuasiveness of the historical interpretation no longer relate to the objectivity of the described event, but to the plausibility of the proposed narrative. An increase in the number of historical interpretations will not give tangible progress in the study. The pluralistic position seems to be more constructive, since, avoiding universalism, it does not exaggerate the fabrication of interpretations. Relativism turns out to be a paradigm, not a theoretical attitude; it is a metaphysical position. If we present history in the form of stories, then this entails the transformation of the subject of history itself. The historian seeks not to recreate, but to organize the past in a discursive form within the framework of historical relativists. The object of history is thereby transformed: history is not a description of events in the past, but the construction of a discourse about historical experience.

Keywords: relativism, history, analytical philosophy, narrative, discourse

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00174

For citation: Nikonenko, S.V. (2022) On discursive character of historical language: the investigation of the backgrounds of relativism in analytical philosophy of history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 35–44. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/4

Критика «субстантивистской» философии истории

Существует распространенное мнение, что исторический релятивизм возникает и формируется, начиная с 1960-х гг., под влиянием витгенштейнианских и неопрагматистских идей. Мы тоже придерживаемся этой точки зрения, но хотим ее несколько расширить. По нашему мнению, в аналитической философии с самого начала ее существования в «латентной» форме присутствовал если не релятивизм, то плюрализм и «антисубстантивизм» в отношении как идеи всеобщей истории, так и возможности объективного исторического описания. К примеру, Б. Рассел пишет: «Я думаю, ход истории подчинен законам и, возможно, для достаточно мудрого человека предопределен, но нет того, кто мудр достаточно. Ход истории слишком сложен, чтобы мы могли его просчитать; и человек, утверждающий, что сделал это, – шарлатан» [8. С. 117]. Ранний Рассел считает, что, если и возможно объективное историческое описание, оно может быть отнесено к анализу конкретных событий, очевидно наблюдаемых явлений, социальных, которые можно так или иначе задокументировать и подтвердить. Идею же всеобщей истории Рассел расценивает как теоретически бесперспективную. Можно предположить, что философ запрещает нам выстраивать эссенциалистские паттерны относительно прошлого. Тем самым, дескриптивизм в истории возможен и является верной теоретической стратегией против универсализма.

Для аналитической философии истории также характерна критика «перспективизма», или описания прошлого, с позиции, согласно которой причины прошлого оказываются следствиями настоящего. А. Данто «разворачивает» этот аргумент, выдвигая с позиции «непосредственного участника» исторического события. К примеру, работая с суждением «Петрарка дает начало Ренессансу», Данто отмечает: «*Не существует* опыта, верифицирующего данное предложение, если под верификацией мы подразумеваем пережива-

ние в опыте того, что описывается данным предложением» [5. С. 66]. Критика универсализма и субстантивизма в истории разворачивается в предположении, что история не может быть написана с позиций долженствования и детерминизма, «пролонгированного» из настоящего в будущее. Поэтому правильно было бы утверждать не то, что Петрарка дал начало Ренессансу, а то, что своей деятельностью и взглядами Петрарка создал некоторые условия в области литературы, культуры, философии, вызвавшие некоторые трансформации средневекового мирозерцания. Но даже такое предположение следует принимать осторожно; ведь вполне возможно выстраивание альтернативного концептуального ряда. К примеру, подавляющее большинство историков относят Боккаччо к представителям Возрождения; однако вполне допустим и нарратив отнесения итальянского писателя к представителям Средневековья (тем более учитывая прозвище писателя: «средневековый»). Тем самым, историк оказывается бессильным рассмотреть исторические события в том виде, «как они на самом деле происходили», а также придать историческим событиям строгие детерминации.

Как мы полагаем, в суждениях сторонников исторического плюрализма в аналитической философии присутствует определенная «онтология» истории, суть которой сводится к предположению о неискоренимом разнообразии сообществ, эпох и культурных образований в истории человечества. Основоположником этой точки зрения можно считать А.Н. Уайтхеда, хотя подобные суждения можно обнаружить у Рассела, Мура, Александра и других ранних аналитиков. Уайтхед пишет: «Опасна проповедь единообразия. Различия между нациями и расами необходимы человечеству для того, чтобы сохранить условия, при которых возможно успешное развитие <...> Разнообразие среди человеческих сообществ необходимо для возникновения побудительных мотивов и материальных условий для Одиссеи человеческого духа» [12. С. 270]. Уайтхед учит о том, что «приключения идей» приводят к тому, что понятия, столь сильно окрашиваемые в цвета эпохи, приобретают коннотации, свойственные исключительно этой эпохе. Это и по сей день вдохновляет многочисленные «микроисторические» проекты.

За плюралистической риторикой стоит явно выраженная плюралистическая онтология истории. Наиболее откровенно ее аргументирует К. Поппер, который пишет: «Единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории <...> Реальной историей человечества, если бы таковая была, должна была бы быть история всех людей, а значит, история всех человеческих надежд, борений и страданий, ибо ни один человек не более значим, чем любой другой. Ясно, что такая реальная история не может быть написана» [7. С. 312]. С нашей точки зрения, присутствуют явные теоретические затруднения даже в приложении одного и того же исторического концепта к постепенно изменяющейся реальности. Возьмем понятие «Римская империя». Оно обозначает юридически одно и то же государство, которое просуществовало с 27 г. до н. э. до 476 г. (или до 1453 г., как считают некоторые историки, рассматривающие Византию как государство – преемника Римской империи). Трудности начинают возникать, когда мы покидаем это юридическое определение. Вполне логичным оказывается теоретическая стратегия выделения

исторических периодов и царствований (династий), в рамках которых юридически одна и та же Римская империя фактически оказывается весьма разными государствами. Подход сторонников плюрализма как раз и заключается в элиминации или ослаблении «охватывающих» понятий, придании им «матричного», дискурсивного, а не «сущностного» характера. В историческом исследовании необходимы, но далеко не всегда оправданы обобщающие труды с условным названием «Римская армия»; гораздо перспективнее более конкретные исследования с условными названиями: «Боевой порядок римской армии», «Устройство военных лагерей в Древнем Риме», «Жизнь и быт римских легионеров» и т.п. Причины упадка всеобщих исторических исследований мы и обсудим в следующем разделе.

Интерпретативный характер исторического описания: история как репрезентация

Не так легко усмотреть грань, которая разделяет плюрализм и релятивизм в историческом исследовании вследствие значительной общности этих позиций. Можно предложить следующее определение: в отличие от сторонников плюрализма, исторические релятивисты вносят в историю идею случайности социокультурных явлений, что влечет за собой апологию множественности интерпретаций. Плюралисты констатируют гибель идеи всеобщей истории с бесстрастным сожалением и весьма скупы в допущении альтернативных точек зрения, тогда как релятивисты возводят размножение толкований на пьедестал.

Предпосылки исторического релятивизма присутствуют у ранних аналитиков. Собственно, идея случайности в истории вовсе не рортиевская, а раселианская. «Мы не можем проигнорировать ту роль, которую играет так называемая случайность, иначе говоря, обычные обстоятельства, которые могут породить большие следствия. Великая война была вызвана многими причинами, но не неизбежными причинами», – пишет Рассел [14. Р. 7]. Схожей точки зрения придерживается и Л. Витгенштейн, который подмечает: «Думая о будущем мира, мы всегда предполагаем, где он окажется, если будет двигаться в том же направлении, в каком, по нашему разумению, движется сейчас. О том же, что мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно меняется, мы не думаем» [4. С. 414]. Для наглядности давайте сравним два только что приведенных суждения с высказыванием М. Оукшотта, причисленного к классикам исторического релятивизма. Он пишет: «Однако „историческое“ прошлое носит иной характер. Это сложный, трудный для понимания мир, мир без единства чувств и ясного сюжета: в нем события не имеют единого образца и замысла <...> Это мир, целиком состоящий из случайностей <...> Это картина, вычерченная во множестве разных измерений» [6. С. 152]. Текстологическое сопоставление, с нашей точки зрения, позволяет допустить, что суждение Оукшотта имеет разве что риторические отличия; оно высказано догматическим, а не скептическим тоном. Но по своей сути мы видим последовательно выраженную индетерминистскую позицию, в рамках которой роль значимости исторической непредсказуемости и случайности резко возрастает.

Положение об исторической случайности, по-видимому, все меньше и меньше относится к самой реальности исторических событий и все больше и

больше становится предустановкой языкового дискурса. Исторический мир «оказывается» случайным сквозь призму определенного исторического языка, лишённого эссенциалистских паттернов. В этом контексте Рорти лишь подытоживает индетерминистскую логику аналитического исторического релятивизма, когда пишет о большинстве современных теоретиков истории: «Такие авторы говорят нам, что вопрос „Что значит быть человеком?“ должен быть заменен на вопросы типа „Что значит жить в богатом демократическом обществе XX в.?“ и „Как может член такого общества быть чем-то более, чем просто исполнителем роли, разыгрываемой по заранее написанному сценарию?“ Этот историцистский поворот помог нам освободиться, постепенно, но основательно, от теологии и метафизики – от искушения искать избавления от времени и случая» [9. С. 17]. Тем самым, в историческом релятивизме идея случайности может быть отнесена онтологически ко всей истории, но лингвистически – лишь ко всеобщей истории, к «макроистории». На уровне «микроистории» язык исторических описаний может допускать значительное количество предположений, верифицирующих, детерминирующих или оправдывающих те или иные события. Правда, за пределами дескрипции власть подобных детерминаций исчезает.

В такой философии истории множественность интерпретаций является а priori установленной позицией. Плюрализм интерпретаций соответствует случайной множественности исторических образований. Как отмечает Рорти, «целью становится не Единственно Верное Описание, а расширение репертуара альтернативных описаний» [9. С. 67]. Релятивистское содержание данной точки зрения заключается, по-видимому, не в плюрализме самом по себе, а в предписании порождать такой плюрализм во что бы то ни стало. Получается, что чем больше интерпретаций исторических событий мы сможем предложить, тем «лучше», «объективнее» и «более разносторонне» будут освещены эти события. С нашей точки зрения, такие идеи обрисовывают свойственную лингвистическому релятивизму теоретическую модель, согласно которой критерии истинности и убедительности исторической интерпретации относятся уже не к объективности описываемого события, а к правдоподобности предложенного нарратива.

Подобная теоретическая модель может быть уязвима на уровне практики исторического исследования. При изучении того или иного конкретного раздела (например «упадка греческих полисов», «появления мануфактур», «возникновения движения эмансипации» и т.п.) набор точек зрения далеко не столь многочисленный, как полагают сторонники релятивизма. Как правило, в конкретно взятый момент развития исторической науки число альтернативных точек зрения редко превышает число пять; обычно же ведется теоретический спор между двумя-тремя интерпретациями. Ограничение интерпретаций, происходящее не намеренно, а естественным путем, представляется более здоровой позицией, нежели требуемое релятивистами «размножение» гипотез. Но Ф.Р. Анкерсмит судит иначе: «Интерпретативный способ наблюдения прошлого может быть признан как таковой только при наличии *других* путей наблюдения прошлого <...> Следовательно, максимум ясности в историографии может быть получен только благодаря *быстрому увеличению количества* исторических интерпретаций, а не в результате попыток уменьшить их число» [1. С. 174]. Полагаем, что увеличение количества исторических

интерпретаций не даст ощутимого прогресса в исследовании. Плюралистическая позиция представляется более конструктивной, поскольку, избегая универсализма, она не муссирует фабрикацию интерпретаций там, где в этом нет необходимости. Сам по себе императив Анкерсмита о множественности интерпретаций оказывается догматической позицией.

Сторонники исторического релятивизма по-новому ставят проблему субъекта исторического описания. Они уходят от предположения, что конкурирующие между собой историки мыслят в рамках одних и тех же концептуальных установок. «Ведь истина в том, что нет никакого определенного лица, спрятанного за различными масками каждого рассказчика истории, будь он историк, поэт, романист или создатель мифов», – пишет П. Мунц [13. Р. 16]. Проясним эту точку зрения. Допустим, есть историки А, В и С, интерпретирующие одно и то же событие. По Мунцу, неверно считать, что эти историки исходят из одних и тех же теоретических установок. Нет универсального субъекта наподобие абсолютного духа, к которому могут быть отнесены все «рассказчики». Складывается ситуация постмодернистского эклектизма, проявляющаяся на категориальном уровне. Ситуация усугубляется тем, что историки А, В и С вовсе не судят в единой теоретической плоскости. Что это означает? Например, историки А и В судят по поводу категории Х. Но в мировоззрении историка С эта категория не является существенной; он ее игнорирует, а судит о другой категории Y. Несложно догадаться, что возникает разнообразный спектр возможных интерпретаций внутри дискурса.

В релятивистском фаллибилизме присутствует нарочитая цель: разгром любой формы историзма, выведенной с универсальных точек зрения. Взамен в качестве императива постулируется множественность конкурирующих интерпретаций. Х. Уайт описывает эту множественность так: «Не существует аподиктически определенных теоретических оснований, опираясь на которые можно было бы обоснованно вынести суждение о превосходстве одной из этих форм над другими как более «реалистической»; как следствие этого, мы обязаны выбирать между конкурирующими интерпретативными стратегиями при любой попытке рефлексии над историей-в-целом; как вывод из этого, наилучшие основания для предпочтения одного видения истории другому являются эстетические и моральные, нежели эпистемологические» [11. С. 20]. Правда, при таком мнении всегда следует держать в уме иронию Дж. Тоша, который подмечает: «Как это часто случалось в прошлом, непримиримые критики исторической науки часто воюют с ветряными мельницами. Историки всегда отличались способностью воспринимать некоторые аргументы критиков „правдивости“ своей дисциплины. Они далеко не так привержены единому историческому субъекту, как предполагают некоторые критики» [10. С. 176]. Ирония Тоша, пожалуй, относится к императиву Уайта об «обязанности» выбора между альтернативами.

Сделаем вывод: интерпретативный характер описаний в рамках исторического релятивизма становится неотъемлемым условием, которое не вырабатывается в процессе исследования, а априорно предпосылается ему. Релятивизм оказывается «парадигмальной», а не теоретической установкой; это метафизическая позиция, никак не вытекающая из логики конкретно-исторического исследования, а предпосланная ему.

История и дискурс: понятие «рассказ» как сущность исторического релятивизма

Выше мы установили, что с позиций исторического релятивизма на первый план выходит создание многочисленных исторических интерпретаций. Здесь же мы затронем вопрос о том, как с таких позиций оформляется историческая концепция, в каком виде она существует.

Прежде всего следует понять, что в рамках исторического релятивизма итоговый результат уже не представлен в форме «теории». На первый план выходит лингвистическая составляющая, когда исторический нарратив приобретает черты связного повествования с определенной точки зрения. «Спрашивать о значении некоего события в *историческом* смысле этого термина – значит ставить вопрос, на который можно ответить только в контексте *завершенного рассказа*», – пишет А. Данто [5. С. 20]. Термин «story» означает не просто рассказ наподобие литературного произведения или преподнесенной частной истории. Мы выделяем две существенных черты представления истории в форме рассказа:

1. Первично лингвистическое содержание. Исторический рассказ не должен пониматься как «концептуальное» построение.

2. Холистическая точка зрения; рассказ обладает завершенным в себе контекстом.

Исторические повествования становятся индивидуальностями; дискурсивность их проявляется в том, что для их понимания нужно быть готовым разделять установки языка, на котором они сформулированы. Оригинальность здесь становится императивом; каждый новый рассказ интересен, прежде всего, тем, что не содержится в предыдущих рассказах. «Невозможно сопоставить историческую репрезентацию прошлого, данного в тексте как целом, с исторической реальностью, как мы поступаем в случае суждения. Вместо этого мы должны понимать исторический текст как замещение, данное нам здесь и сейчас, отсутствующего прошлого. Вместо объективной, публично доступной и воспринимаемой исторической реальности, которая дана историкам, когда они говорят о прошлом и обсуждают его, у нас есть исторические репрезентации, предложенные историками в качестве ее замещений», – пишет Анкерсмит [3. С. 372]. Такая позиция, как нам кажется, содержит в себе одно преувеличение. В самом деле, Римская империя для историка вряд ли является «установленным объектом». Скорее, это общепринятый концепт, равно как и общий исторический дискурс. Получается, что Анкерсмит излишне поспешно отбрасывает стремление историка описать, если не то, как события происходили на самом деле, то то, как эти события имели место вне зависимости от любых интерпретаций в будущем. Дискурсивный и ценностный характер исторических фактов, как мы полагаем, еще не гарантирует, что подобные факты могут стать репрезентациями, а не отражениями объективного положения дел.

Если представлять историю в форме рассказов, то это влечет за собой трансформацию самого предмета истории. Это отмечает Дж. Тош: «В своей крайней форме история культуры – и особенно „лингвистический поворот“ – очевидно, во многом подрывает традиционные основы исторической науки. Возникла совершенно новая идея, что репрезентация – это единственно воз-

можная область исторического исследования» [10. С. 259]. Тош совершенно оправданно связывает между собой идеи лингвистического поворота и воображения. Ведь именно воображение является в рамках культуры по преимуществу языковым феноменом. А репрезентации, в свою очередь, освободившись от верификационных критериев, приобретают автономность.

Именно поэтому в рамках учения исторических релятивистов историк стремится не к воссозданию, а к организации прошлого в дискурсивной форме. Используя категорию Д. Дэвидсона, первостепенной оказывается не содержание, а концептуальная схема. Только эта схема уже оказывается не «концептуальной», а нарративистской, символической. Репрезентации задают наше восприятие прошлого. В самом деле, процессы над ведьмами актуальны для средневекового общества, но вряд ли для нашего общества. В свою очередь, проблемы ядерного разоружения актуальны для нас, но ничего не значат для средневековых людей. Тут, правда, скрывается утонченная софистика: репрезентация «перетягивает» на себя в том числе и не-дискурсивные элементы (к примеру, любые бесспорно зафиксированные действия). Битвы, коронации, эпидемии, учредительные акты трансформируются из «событий» в «символы», т.е. тоже воспринимаются как часть репрезентации. Нам представляется явно преувеличенным могущество «интеллектуального историка», а представление событий в форме репрезентаций малопродуктивно. Вместе с тем совершенно очевидна логика исторических релятивистов: они не хотят оставлять «в тылу» своих нарративов не подконтрольные дискурсу исторические факты; они стремятся уйти от реалистической схемы разделения на факты и описания. «Историк использует такие понятия, как „интеллектуальное движение“, „Ренессанс“, „социальная группа“ или „промышленная революция“ для того, чтобы „одеть прошлое“. Прошлое показывается при помощи таких сущностей, которые не составляют части самого прошлого», – пишет Ф. Анкерсмит [2. С. 130]. Только оказывается, что одеяния прошлого некритично выдаются за само прошлое. Здесь Анкерсмит выступает с предельно откровенной антиобъективистской позицией. Он отмечает, что «прошлое» не является реальным объектом, каким оно было для историзма. Объект истории, тем самым, трансформируется: *история – не описание событий в прошлом, а конструирование дискурса по поводу опыта о событиях в прошлом.*

Ведущие сторонники исторического релятивизма зачастую видят определенные проблемы, возникающие в связи с релятивизмом в дискурсивном характере языка историков. Они пытаются убедить нас в том, что речь идет не просто о «рассказах», а об изначальной слитности, неразличимости события и его языкового или опытного представления. Как однажды выразился Х. Патнэм, любые наши данные изначально концептуально инфицированы. Само историческое событие оказывается неотделенным от его репрезентации. Поэтому мы готовы признать, что идея метафорического слияния предмета и описания, отказа от мышления в форме исторического дескриптивизма является продуктивной теоретической стратегией. Правда, с одной оговоркой: если при этом отказаться от исторического релятивизма. Иначе нам станет трудно найти какой-либо определенный смысл истории. Элементы в рамках исторического нарратива могут оказаться представленными столь разнообразными способами, что вряд ли окажется возможным сохранить теоретический контроль над нарративом.

Список источников

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2014. 432 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Оукиотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М. : Идея-Пресс, 2002. 288 с.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс ; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 528 с.
8. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев : Port-Royal, 1996. 368 с.
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М. : Рус. феноменол. о-во, 1996. 282 с.
10. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М. : Весь мир, 2000. 296 с.
11. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
12. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.
13. Munz P. The Shapes of Time. Middletone : Wesleyan University Press, 1978.
14. Russell B. Freedom and Organization. 1814–1914. London : George Allen and Unwin, 1934.

References

1. Ankersmit, F.R. (2003a) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Ankersmit, F.R. (2003b) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
3. Ankersmit, F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Translated from English. Moscow: HSE.
4. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Moscow: Gnozis.
5. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.
6. Oakeshott, M. (2002) *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in Politics and Other Essays]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
7. Popper, K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa."
8. Russell, B. (1996) *Filosofskiy slovar' razuma, materii i morali* [Dictionary of Mind, Matter, Morals]. Translated from English. Kyiv: Port-Royal.
9. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Translated from English. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
10. Tosh, J. (2000) *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. Aims, Methods and New Direction in the Study of Modern History]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
11. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. The Historical Imagination in the 19th Century]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Collected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
13. Munz, C. (1978) *The Shapes of Time*. Middletone: Wesleyan University Press.
14. Russell, B. (1934) *Freedom and Organization. 1814–1914*. London: George Allen and Unwin.

Сведения об авторе:

Никоненко С.В. – профессор, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikonenko S.V. – Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 161.1, 162.5, 165.0

doi: 10.17223/1998863X/68/5

ЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Людмила Сергеевна Сироткина

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия,
lyusir.ru@mail.ru*

Аннотация. Развивается когнитивный подход к логической процедуре (ЛП). Решается проблема структурного анализа ЛП: устанавливаются отношения между понятиями ЛП и логической операции; характеризуются последовательные и модульные, линейные, циклические и разветвленные процедуры; выделяются внелогические компоненты ЛП. Вводится понятие формы ЛП, дифференцируются нормативные и дескриптивные формы. Характеризуется значение структурного анализа процедур для разработки психолого-педагогических приложений.

Ключевые слова: логическая процедура, логическая операция, когнитивный подход, психологизм, логическая ошибка

Для цитирования: Сироткина Л.С. Логическая процедура: взгляд через призму когнитивной парадигмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 45–55. doi: 10.17223/1998863X/68/5

Original article

A LOGICAL PROCEDURE: A VIEW THROUGH THE PRISM OF THE COGNITIVE PARADIGM

Lyudmila Sergeevna Sirotkina

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
lyusir.ru@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of elaboration a fragment of the logical procedure theory. It is based on the cognitive approach. Within the framework of this approach, logical procedure (LP) is considered as a system of actions or operations aimed at constructing or transforming a certain logical object. The cognitive approach to LP is concretized on the basis of the methodology of analyzing the intellectual problems solutions. The article develops the ideas proposed in the paper “Epistemological status of a logical procedure: logical vs cognitive?” (Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science, No. 60) and is focused on the structural analysis of logical procedures. The author differentiates LP and a logical operation: a logical operation is considered as an elementary LP, not divided into components. The connection between a logical operation and LP is explicated as a subordination: every logical operation (and any set of interrelated operations) is LP, however, it is not true that any LP is a regularized set of logical operations and only them. In the structures of LP can be found the cognitive components that are not logical. The article proposes classifications of LPs based on their structural characteristics. LPs are divided by the number of procedural elements into simple (equivalent to logical operations) and composite ones. By the connections between structural elements the author differentiates linear, cyclic and branched LP. Various types of LP are illustrated by algorithms of specific procedures. The concept of the form of LP is introduced. LP-form is understood as the organization of sub-procedures in their fixed subsequence, which ensures

the thought movement towards the sought result. The normative (providing a logically correct result) and descriptive (characterizing the unfolding of LP in natural thinking) forms of LP are differentiated. Author distinguishes and describes the relationships (identity, similarity, partial resemblance, distinction) between normative and descriptive forms. The destruction of the normative form in the natural fulfillment of LP is considered as a source of logical fallacies. The author substantiates the importance of the structural analysis of LP for the development of practical applications of LP-theory.

Keywords: logical procedure, logical operation, cognitive paradigm, logical fallacy, conceptualization procedure, conclusion

For citation: Sirotkina, L.S. (2022) A logical procedure: a view through the prism of the cognitive paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 45–55. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/5

Введение

Проблема сущности, сферы разворачивания логических процедур (ЛП) не имеет однозначного решения: формальная [2, 3] или неформальная [4, 5] их интерпретация определяется в первую очередь, психологической или антипсихологической установкой исследователя. Однако можно с уверенностью утверждать: ЛП производится тогда, когда перед некоторым агентом (вне зависимости от его онтологического статуса) возникает (на уровне сознательного, бессознательного или внесознательного отражения) та или иная задача – ЛП становится инструментом (или частью инструмента) ее решения. «Погружение» ЛП в контекст достижения агентом некоторой информационной цели через конструирование рассуждения обуславливает возможность интерпретации ЛП:

- как процесса, следовательно, как структурного образования – упорядоченной совокупности взаимосвязанных процедур [6. С. 175];

- как преобразования данных через соотнесение с искомым – как процесса решения проблемы (задачи) [7. С. 47];

- как процесса, обращенного к логическим объектам, следовательно, как некоторой не- или нормативной процессуальной системы, обеспечивающей направленное движение к объекту с определенными логическими параметрами.

В случае выполнения ее рассуждающим субъектом ЛП оказывается погруженной в когнитивный контекст и выступает как часть процесса познания. В настоящей статье автором развивается когнитивная интерпретация ЛП, предложенная в [1]. Предметом анализа являются структурные характеристики процедур¹.

Структурные характеристики ЛП

Рассматриваемая как решение некоторой логической задачи ЛП есть процесс соотнесения данных с известными параметрами искомого преобразования данных на основе этого соотнесения, «вычерпывания» новых при-

¹ В качестве языка описания ЛП используется естественный язык: во-первых, учитывая принятую расширенную трактовку множества ЛП [1], есть основания предполагать, что на данный момент не все ЛП могут быть корректно промоделированы в искусственных языках; во-вторых, из рассмотрения мы не исключаем разворачивание ЛП в естественном мышлении; в-третьих, представление структур ЛП средствами естественного языка открывает возможности построения разнообразных приложений разрабатываемого фрагмента теории.

знаков данных вплоть до достижения решения задачи [7]. Процесс анализа через синтез осуществляется «пошагово» (через систему взаимосвязанных операциональных единиц) – в структурном отношении ЛП представляет собой некоторую упорядоченную определенным образом совокупность субпроцедур, каждая из которых необходима, а все вместе достаточны для получения искомого результата. В качестве иллюстрации рассмотрим типичную для понятийных рассуждений (Д.В. Зайцев и Н.В. Зайцева характеризуют ее как «универсальный познавательный механизм типизации объектов» [8. С. 28]) процедуру установления отношений между некоторым объектом мысли и объемом понятия. Подведение под понятие включает следующие субпроцедуры:

1. Разложение основного содержания понятия на составляющие его простые признаки – исключение некоторых логических союзов из термина, выражающего содержание понятия, образование нескольких предикаторов/функторов.

2. Последовательное приписывание полученных признаков рассматриваемому объекту – образование высказываний, в которых: на месте субъекта – термин, обозначающий рассматриваемый предмет; на местах предикатов – предикаторы/функторы, фиксирующие выделенные признаки.

3. Определение (не)присущности признаков данному объекту – установление истинности образованных простых высказываний.

4. Индуктивное обобщение относительно присущности объекту всех или только некоторых признаков – оценка множества значений образованных высказываний.

5. Установление для пары {объект; множество} отношения (не)принадлежности – образование высказывания о принадлежности или непринадлежности предмета множеству – объему понятия.

Всякая ЛП может быть описана в виде последовательности субпроцедур. Однако ЛП могут существенно отличаться сложностью структур и состоять из одной или нескольких субпроцедур, каждая из которых, в свою очередь, членится или не членится на более простые структурные элементы.

ЛП и логическая операция

В тривиальном случае ЛП отождествляется со своим структурным элементом, выступая в качестве не членимой на составляющие логической операции (ЛО). ЛО представляют собой базовые структурные элементы ЛП и ее субпроцедур. К ЛО могут быть, в частности, отнесены: порождение сложного высказывания из двух простых посредством введения логического союза, отрицание высказывания, преобразование простого высказывания через изменение его количества или качества, объединение классов, образование высказывания из высказывательной формы посредством введения квантора и др. Всякая ли ЛП есть упорядоченная совокупность ЛО и только их?

Рассмотрим, в частности, решение задачи поиска заключения в условно-категорическом умозаключении. В случае осуществления средствами естественного языка процедура включает следующие элементы¹:

¹ Как правило, в естественном мышлении процедура носит свернутый характер, части ее не осознаются и не вербализуются субъектом.

1) анализ высказываний, определение их логических признаков: структуры, отношений между простыми в составе сложного, макроструктуры сложного высказывания, качества простого;

2) соотнесение простого высказывания с выявленными макроструктурными компонентами сложного – определение «функции» простой посылки в отношении сложного высказывания;

3) отрицание или утверждение антецедента или консеквента – конструирование заключения.

Процедура состоит из трех субпроцедур. Субпроцедура 1, в свою очередь, есть множество процедур, каждая из которых обеспечивает вычленение некоторого признака высказывания, необходимого для поиска заключения. При условии выражения заданных суждений в «классической» форме (каждый компонент высказывания имеет нормативные локализацию и способ выражения) субпроцедуры 2 и 3 являются операциями (субпроцедура 1 – совокупностью нескольких ЛО). Однако если форма выражения суждения не совпадает с нормативной (изменен порядок частей, союзы не сформулированы явно и др.), то когнитивная сложность анализа условий логической задачи возрастает и ведет к усложнению структуры субпроцедур¹ – некоторые из них не являются операциями. Аналогично решается проблема оценки структурных элементов вышеописанной процедуры подведения под понятие. В когнитивно сложных случаях (например, при имплицитности союзов и нетривиальности языковых выражений – частей исходного термина) процедура исключения союзов предполагает эвристическую процедуру поиска «границ» каждого простого предикатора/функтора через содержательный анализ (возможно, и преобразование) выражений языка и смысловых связей между ними. В структуре данной ЛП выделяются субпроцедуры (например, установление истинности/ложности образованных простых высказываний), которые не являются логическими.

Анализ структур ЛП позволяет задать отношения между ЛП и ЛО следующим образом²:

- всякая ЛО есть ЛП;
- всякая совокупность взаимосвязанных ЛО есть ЛП;
- неверно, что всякая ЛП есть совокупность взаимосвязанных ЛО и только их³.

По структурной сложности ЛП, таким образом, делятся на два вида: простые – логические операции, состоящие из одной нечленимой субпроцедуры; составные – ЛП, включающие не менее двух субпроцедур. Существенными признаками составной ЛП являются связи между ее компонентами (действиями или операциями) и обусловленный ими тип структуры ЛП. Охарактеризуем их.

¹ Подобное явление обнаруживается, в частности, при изменении нормального порядка следования антецедента и консеквента. Агент строит умозаключение, ориентируясь на прямой порядок: в качестве антецедента рассматривает высказывание, находящееся на «первом» месте. При внешнем указании на наличие ошибки попытка дополнительного анализа лишь в некоторых случаях приводит к обнаружению источника ошибки.

² Предложенная трактовка отношений ЛП и ЛО требует корректировки устоявшейся квалификации процедур с понятиями, как ЛО (например, [9. С. 83]), в силу их структурной сложности.

³ Помимо ЛО ЛП включает когнитивные процедуры, не относящиеся к логическим, – в качестве объекта они имеют: а) лексические или грамматические признаки языковых конструкторов; б) признаки объектов отражаемой реальности.

Типы связей субпроцедур в структуре ЛП

Свойства результативности (конечности), дискретности, массовости, детерминированности ЛП позволяют рассматривать последовательность действий в ЛП как алгоритм, обеспечивающий получение логического объекта определенного типа. При этом к рассматриваемым последовательностям оказываются применимыми характеристики алгоритмов.

Опишем процедуру построения разделительно-категорического умозаключения:

1. Категоризация посылок как сложного дизъюнктивного и простого высказываний.

2. Процедуры с разделительным высказыванием (анализ структуры): выделение дизъюнктов, определение их логических отношений (не или включающие дизъюнктивные связи¹).

3. Установление отношений простой посылки с частью сложного высказывания (эквивалентность/отрицание одного из дизъюнктов).

4. Отрицание/утверждение второй части разделительной посылки (или установление невозможности вывода).

В представленной единственно допустимой последовательности каждая субпроцедура имеет строго фиксированное место, обуславливая возможность следующей. Структура алгоритма линейна, а сам он носит жесткий (детерминированный) характер. Иными признаками обладает последовательность действий/операций, направленных на придание фиксированного смысла терминам языка в случае реального определения: процедура предполагает n -кратное ($n > 0$) воспроизведение процесса оценки образованного термина как (не)находящегося во взаимоднозначном соответствии с заданным множеством (образуемого признака как (не)выполняющего функцию выделения класса из универсума) и поиска части видового отличия в случае отсутствия данного отношения. Алгоритм имеет циклическую структуру [10]. ЛП подведения под понятие предполагает получение одного из двух возможных результатов – алгоритм приобретает разветвленный характер.

На множестве ЛП выделяются процедуры, структура которых «конструируется» из двух или большего числа групп субпроцедур – модулей. В частности, в составе определения (для случая конструирования родовидовой дефиниции) выделяются обобщение и поиск видового отличия; в структуре деления – поиск основания деления, процедура с выделенным признаком, образование членов деления; подведение под понятие включает процедуру определения и установления отношений признаков единичного объекта и основного содержания понятия. В состав модулей могут входить действия и операции, существенно отличающиеся по эпистемологическим характеристикам, в частности по объекту оперирования. Данная особенность позволяет выделить модульные и последовательные сложные ЛП: при модульной структуре некоторые субпроцедуры только в составе модуля обеспечивают дальнейшее развертывание ЛП.

¹ В случае выражения дизъюнктивного высказывания в естественном языке, допускающем нечетное употребление союзов, данная процедура может носить нелогический характер и предполагать анализ (не)возможности одновременной истинности дизъюнктов.

Имеет смысл различать микро- и макроструктуру ЛП: микроструктура отражает строение ЛП на уровне всех входящих в нее субпроцедур, а макроструктура – на уровне укрупненных процессуальных единиц или процедуры в целом. При нормативной макроструктуре особенности микростроения ЛП могут обусловить как логическую корректность, так и неправильность результата процедуры. Некорректность макроструктуры является маркером замены или существенного искажения ЛП.

Совмещение двух классификаций ЛП дает виды процедур, представленные на рис. 1.

Рис. 1. Виды ЛП

Структурные особенности ЛП должны учитываться при разработке практических приложений теории ЛП, а именно эвристик для ЛП различных типов, а также соответствующих обучающих техник на основе теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина.

Форма ЛП

Всякая ЛП характеризуется множеством субпроцедур и связей между ними, а также способом организации субпроцедур в составе целого. ЛП однозначно определяется ее структурой – при изменении структуры образуется иная ЛП вне зависимости от сохранения или модификации типа и качественных особенностей ее результата¹. Структура некоторой ЛП может принимать различные формы (варианты организации частей в составе целого) в зависимости от особенностей развертывания.

Под формой ЛП будем понимать представимую в виде схемы организацию субпроцедур в виде их фиксированной последовательности, обеспечивающей движение мысли к искомому результату. При одной структуре ЛП возможна вариативность локализации тех или иных субпроцедур – формы ЛП могут быть различными.

При допущении возможности осуществления ЛП в естественном мышлении необходимо принять во внимание существенные различия в характере разворачивания той или иной ЛП в реальном мыслительном процессе [5, 11]. Философы прошлого (Анри и Николь, Дж. Дьюи, С.И. Поварнин, др.), современные ученые (Н.А. Подгорецкая, Д. Халперн, М.А. Холодная, К.И. Manktelow, D.E. Over и др.) отмечают распространенность некорректных решений логических задач в естественном мышлении (см., например, [12]).

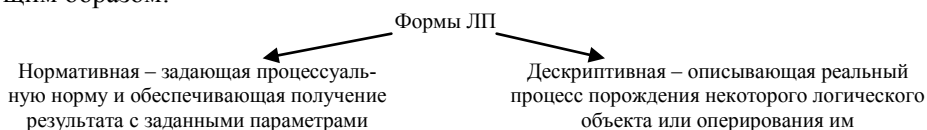
¹ Так, обобщение понятия можно произвести на основе процедур с содержанием исходного понятия или процедур с объемом [11. С. 109]. При этом множества субпроцедур существенно отличаются друг от друга и ЛП не являются тождественными.

Источником ошибок, среди прочего, являются некоторые особенности поиска решения задачи: естественные ЛП могут обладать формами, отличными от тех, которые обеспечивают логически корректный результат. В качестве иллюстрации приведем процедуру построения утверждающего модуса условно-категорического умозаключения¹:

- 1) членение сложной посылки (предложения²) на составляющие ее (его) высказывания (предложения);
- 2) установление идентичности простой посылки (предложения) одной из частей сложного высказывания (предложения);
- 3) воспроизведение «свободной» части сложной посылки (предложения)³.

В приведенной последовательности опущена субпроцедура установления отношений между частями сложной посылки. В результате правильное решение обнаруживается лишь в случае *modus ponens*; в ситуации утверждения в простой посылке консеквента сложная задача решается неправильно⁴.

Вышесказанное дает основания дифференцировать формы ЛП следующим образом:

Логическая (нормативная) форма ЛП – теоретический конструкт, обладающий следующими признаками:

а) для ЛП эксплицитно заданы: а) множество субпроцедур, каждая из которых необходима, а все вместе достаточны для получения искомого результата; б) отношения между субпроцедурами;

б) организация субпроцедур обеспечивает «сохранение истины» [13. С. 153], или увеличение степени достоверности знания [14. С. 188], или конструирование объекта с такими параметрами, при выражении присущности ему которых в форме высказывания последнее приобретет значение «истина»;

с) пункты а, б выполняются для всех логических субпроцедур в структуре ЛП.

Выполнение а, б, с для некоторой процедуры однозначно определяет ее характер как нормативно логический.

Нормативная форма ЛП не описывает реально производимые человеческим мышлением интеллектуальные процедуры – она задает модель, реализация которой в естественном рассуждении придает ему характер логически

¹ Данные получены в ходе проведенных автором в 2020 г. экспериментальных исследований развития логической культуры мышления (респонденты 15–18 лет).

² В данном случае термин «предложение» используется в значении «синтаксическая единица естественного языка».

³ При этом, если утвердительная простая посылка представляет собой антецедент условной, «рассуждение» респондента кажется идентичным свернутому нормативному. Однако самоотчеты респондентов свидетельствуют о зачастую имеющей место подмене процедуры построения вывода процедурой манипулирования языковыми конструктами: испытуемые указывают на «повтор» одной части предложения, влекущий необходимость повтора другой его части.

⁴ В нашем исследовании (2020 г.) в 90,6% таких задач респонденты в качестве заключения формулировали антецедент условной посылки.

корректного. Между нормативной и дескриптивной формами некоторой ЛП возможны отношения, представленные в таблице.

Отношения нормативных и дескриптивных форм ЛП

Отношение	Характеристика
Тождество	• Равенство нормативного и дескриптивного множеств субпроцедур на макро- и микроуровне; • совпадение (идентичность) связей между субпроцедурами; • совпадение качественных характеристик результатов ЛП; • возможные отличия в количестве повторений соотносимых субпроцедур в циклических ЛП
Подобие	• Дескриптивное множество субпроцедур составляет правильную часть нормативного (имеет место сокращение процедуры); • связи между субпроцедурами тождественны; • качественные характеристики результатов ЛП совпадают
Частичное сходство (симилятивность)	• Нормативная и дескриптивная последовательности субпроцедур «пересекаются», причем область пересечения составляет некоторый значимый для получения результата с искомыми параметрами фрагмент ЛП; • возможно сохранение макропараметров результата (например, формы высказывания в заключении силлогизма) при нарушении микрохарактеристик (например, количества или качества такого высказывания или изменение функций входящих в него терминов на противоположные – субъектной на предикатную или наоборот); • совпадение всех параметров результатов процедур случайно
Дистинктивность	• Множества субпроцедур или отношений между ними в нормативной и дескриптивной формах ЛП не пересекаются, или область пересечения составляет незначимый для получения результата с искомыми параметрами фрагмент ЛП – происходит «вырождение» ЛП до какой-либо ее части или замещение ЛП иной познавательной процедурой; • совпадение макро- и микропараметров результата с нормативными случайно

Прикладные вопросы структурного анализа логических процедур

Многими исследователями подчеркивается отсутствие прямой связи между постижением основ логической науки и формированием структур логически корректного мышления [13. С. 169]. С другой стороны, история философской и психолого-педагогической мысли дает образцы обоснования значения теоретико-логической подготовки для становления логической культуры мышления как способности к нормативному осуществлению мыслительных процедур (например, У.С. Джевонс, Дж. Дьюи, Н.Ф. Талызина, К.Д. Ушинский, Д. Халперн). Спор вокруг данного отношения не завершён – развивающий потенциал логики как учебной дисциплины остаётся неподтверждённым.

Не ставя задачу осуществить всесторонний анализ обозначенной проблемы, подчеркнем: логическая нормативность мыслительных процедур формируется в ходе интеллектуальной практики мыслящего субъекта, и ее параметры определяются теми социальными факторами, которые оказывают на этот процесс регулятивное воздействие. Если интеллектуальная среда обеспечивает своевременную и продуктивную трансляцию образцов логичности, логическая культура – по крайней мере, на уровне логической интуиции – войдет в «фонд» базовой культуры личности. Единственным инструментом контроля качества транслируемых воздействий является логическая теория как экспликация законов и правил корректного построения мысли.

Почему же столь многочисленны факты, опровергающие влияние освоения логической теории на рост индивидуальной рациональности? Логика в той ее части, которая, как правило, включается в содержание институционализированного образования, задает нормы для результатов мышления, но не для процесса – процесс поиска логического объекта остается за пределами рефлексии. Путь решения проблемы видится в ориентации общего логического образования не только на результаты, но и на ведущий к ним процесс. Как отмечал еще в начале XX в. С.И. Поварнин, нужно «изложить и приспособить правила логики так, чтобы их легче и удобнее всего было применять к практике» [15. С. VIII].

В этом смысле разрабатываемые нами элементы теории ЛП могут служить инструментом ориентации содержания непрофильных курсов логики на задачи формирования основ индивидуальной культуры мышления. Предлагаемый фрагмент теории открывает ряд существенных для решения данной задачи возможностей:

1. Понятие формы ЛП функционально в качестве инструмента анализа структур естественных (суб)логических процессов: моделирование последних и соотнесение полученных моделей с нормативными ЛП позволит эксплицировать конкретные источники разнообразных логических ошибок естественного мышления, возникающих при оперировании логическими формами мысли.

2. Анализ нормативных логических форм ЛП позволит сконструировать эвристики (алгоритмы выполнения ЛП), обеспечивающие функционирование естественных ЛП в нормативном формате, исключающем или значительно снижающем вероятность логической ошибки.

3. Общая теория ЛП может выступить методологическим основанием анализа имеющихся и разработки новых технологий формирования умственных действий с заданными параметрами.

Заключение

Таким образом, отметим: разработка элементов теории ЛП может выступить существенным компонентом меж- и трансдисциплинарных исследований организации интеллектуальных процессов в аспекте анализа проблемы роста индивидуальной и надындивидуальной рациональности.

Список источников

1. Сироткина Л.С. Эпистемологический статус логической процедуры: логическое vs когнитивное? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 15–23.
2. Брюшинкин В.Н. Логика и процедуры поиска вывода // Логические исследования. Вып. 16. М. ; СПб. : ЦГИ, 2010. С. 85–105.
3. Дьюкова Е.В., Любимцева М.М., Прокофьев П.А. Об алгебро-логической коррекции в задачах распознавания по прецедентам // Машинное обучение и анализ данных. 2013. Т. 1, № 6. С. 705–713.
4. Павлов К.А. О концепциях логики и смысле моделирования «логических рассуждений» // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 93–117.
5. Подгорецкая Н.Ф. Изучение приемов логического мышления у взрослых. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1980. 150 с.
6. Pešić J. Logički i epistemološki pristup kritičkom mišljenju // Psihologija. 2007. Vol. 40 (2). P. 173–190.

7. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 147 с.
8. Зайцев Д.В., Зайцева Н.В. Исчисление понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 26–33.
9. Логика : учебник / под ред. А.И. Мигунова, И.Б. Микиртумова, Б.И. Федорова. М. : Проспект, 2010. 680 с.
10. Сироткина-Примак Л.С. Логико-когнитивные структуры операций с понятиями : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2012. 20 с.
11. Сироткина Л.С. Логические модели аналитических обобщений и ограничений понятий // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12. Сер.: Гуманитарные науки. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 105–114.
12. Batt M., Trognon A., Jonveaux T.R., Vernant D., Jonveaux P. Dialogical history of a logical fallacy spontaneously produced during a predictive medicine consultation. Role of the causal connective Puisque in a discussion // Journal of Pragmatics. 2014. Vol. 61. P. 120–141.
13. Карпенко А.С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития // Логические исследования. 2004. Т. 11. С. 149–171.
14. Сергеев В.М. Когнитивные модели в исследовании мышления: структура и онтология знания // Интеллектуальные процессы и их моделирование / отв. ред. Е.П. Велихов, А.В. Чернавский. М. : Наука, 1987. С. 179–193.
15. Поварнин С.И. Логика. Общее учение о доказательстве. Петроград, 1916. 224 с.

References

1. Sirotkina, L.S. (2021) Epistemological Status of a Logical Procedure: Logical vs Cognitive? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 15–23. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/2
2. Bryushinkin, V.N. (2010) Logika i protsedury poiska vyvoda [Logic and inference search procedures]. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 16. pp. 85–105.
3. Dyukova, E.V., Lyubimtseva, M.M. & Prokofiev, P.A. (2013) Ob algebro-logicheskoy korektsii v zadachakh raspoznavaniya po pretseidentam [On algebraic-logical correction in case recognition problems]. *Mashinnoe obuchenie i analiz dannykh – Machine Learning and Data Analysis*. 1(6). pp. 705–713.
4. Pavlov, K.A. (2009) O kontseptsiyakh logiki i smysle modelirovaniya “logicheskikh rassuzhdeniy” [On the concepts of logic and the meaning of modeling “logical reasoning”]. *Filosofskiy zhurnal*. 2(3). pp. 93–117.
5. Podgoretskaya, N.F. (1980) *Izuchenie priemov logicheskogo myshleniya u vzroslykh* [The study of logical thinking techniques in adults]. Moscow: Moscow State University.
6. Pešić, J. (2007) Logički i epistemološki pristup kritičkom mišljenju. *Psihologija*. 40(2). pp. 173–190.
7. Rubinstein, S.L. (1958) *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [On thinking and ways of its research]. Moscow: USSR AS.
8. Zaitsev, D.V. & Zaitseva, N.V. (2019) The calculus of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 26–33. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/3
9. Migunov, A.I., Mikirtumov, I.B. & Fedorov, B.I. (2010) *Logika* [Logic]. Moscow: Prospekt.
10. Sirotkina-Primak, L.S. (2012) *Logiko-kognitivnye struktury operatsiy s ponyatiyami* [Logico-cognitive structures of operations with concepts]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kaliningrad.
11. Sirotkina, L.S. (2010) Logicheskie modeli analiticheskikh obobshcheniy i ogranicheniy ponyatiy [Logical models of analytical generalizations and limitations of concepts]. *Vestnik RGU im. I. Kanta*. 12. pp. 105–114.
12. Batt, M., Trognon, A., Jonveaux, T.R., Vernant, D. & Jonveaux, P. (2014) Dialogical history of a logical fallacy spontaneously produced during a predictive medicine consultation. Role of the causal connective Puisque in a discussion. *Journal of Pragmatics*. 61. pp. 120–141.
13. Karpenko, A.S. (2004) Predmet logiki v svete osnovnykh tendentsiy ee razvitiya [The subject of logic in the light of the main trends in its development]. *Logicheskie issledovaniya*. 11. pp. 149–171.
14. Sergeev, V.M. (1987) Kognitivnye modeli v issledovanii myshleniya: struktura i ontologiya znaniya [Cognitive models in the study of thinking: the structure and ontology of knowledge]. In: Velikhov, E.P. & Chernavskiy, A.V. (eds) *Intellektual'nye protsessy i ikh modelirovanie* [Intellectual processes and their modeling]. Moscow: Nauka. pp. 179–193.

15. Povarnin, S.I. (1916) *Logika. Obshchee uchenie o dokazatel'stve* [Logics. The general doctrine of proof]. Petrograd: [s.n.].

Сведения об авторе:

Сироткина Л.С. – кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: lyusir.ru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sirotkina L.S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: lyusir.ru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 07.08.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)(47)
doi: 10.17223/1998863X/68/6

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Н.А. БЕРДЯЕВА

Владимир Анатольевич Бойко¹, Игорь Валентинович Лихоманов²

¹ *Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, vboyko100@gmail.com*

² *Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск, Россия, graingar@yandex.ru*

Аннотация. Н.А. Бердяев рассматривал войну как феномен преимущественно духовного порядка, как факт противоречивой и раздвоенной духовной реальности, анализировал ее в онтологическом, этическом, антропологическом контекстах. Глубина и многогранность этого анализа позволяет говорить о философии войны Бердяева. Прослеживается развитие представлений русского мыслителя о природе и характере войны, о влиянии войны на человека и общество.

Ключевые слова: русская философия, Бердяев, война, зло, русская идея

Для цитирования: Бойко В.А., Лихоманов И.В. Философия войны Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 56–69. doi: 10.17223/1998863X/68/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF WAR

Vladimir A. Boyko¹, Igor V. Likhomanov²

¹ *Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, vboyko100@gmail.com*

² *Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk, Russian Federation, graingar@yandex.ru*

Abstract. N.A. Berdyaev repeatedly turned to the war theme throughout his creative life. His reflections about the war supplemented, elaborated, deepened various interconnected and superimposed fundamental existential problems and, first of all, the problem of presence of evil in the world. Berdyaev considered war, par excellence, as a phenomenon of spiritual order, as a fact of inconsistent and bifurcated spiritual reality. The Russian thinker analyzed war in ontological, ethical, anthropological contexts. The depth and versatility of this analysis allow to speak about Berdyaev's philosophy of war. The article traces the development of Berdyaev's ideas concerning the nature and character of war, the influence of war on the person and society. Already in his early works an idealized image of the knight

as an embodiment of the noble human type, as an alternative to the bourgeois vulgarity and philistinism is formed. In the beginning of the First World War he writes a lot about the positive influence of war on the formation of national consciousness, on actualization of the person as a necessary condition of realization by the nation of its own global historic mission. Berdyaev believes in the great historic mission of Russia – to become a connecting link between the East and the West, to unite two streams of world history. However, gradually he leaves these illusions. Berdyaev connects degradation of Russia and Russian people with war and the revolution which followed it. In modern war he sees the mass carnage deprived of positive sense, the powerful factor of people's dehumanization and depersonalization, collective hypnosis. The Russian thinker concludes that "mechanization" of war leads to the negation of the person. Modern totalitarian war cancels the positive effects of former wars and becomes absolute evil.

Keywords: Russian philosophy, Berdyaev, war, evil, Russian idea

For citation: Boyko, V.A. & Likhomanov, I.V. (2022) N.A. Berdyaev's Philosophy of War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 56–69. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/6

Рубеж XX–XXI вв., а также первые десятилетия нового века насыщены вооруженными конфликтами различного характера и масштаба. Если в начале 1990-х гг. еще высказывались надежды на «конец истории», на прекращение глобального противостояния центров «мировой силы» и, как результат, на сокращение организованного вооруженного насилия в мире, то очень скоро эти надежды рухнули. Войны по-прежнему широко используются для разрешения межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, а степень угрозы их эскалации до новой крупномасштабной войны резко возросла. Это связано в первую очередь с перераспределением центров «мировой силы», повлекшим за собой частичное разрушение системы международной безопасности, сложившейся в период холодной войны, а также с общим ростом напряженности в мире.

Появление новых видов оружия, новых информационно-коммуникационных систем значительно изменило *характер* войны. Это обстоятельство, а также рост числа военных конфликтов и возрастание военных угроз в глобальном масштабе, стимулировали развитие военной мысли. Обилие концепций и моделей современного военного конфликта поражает многообразием и различием подходов. Но общим для всех них является стремление увязать в едином концептуальном пространстве военные (оперативно-тактические и стратегические), военно-технические, военно-политические и военно-психологические факторы.

Тем временем философское осмысление войн «эпохи постмодерна» значительно отстает от иных теоретических подходов в сравнении с началом XX в., когда грандиозная мировая драма, спровоцированная в 1914 г. выстрелами в Сараево, заставила многих отечественных философов и военных теоретиков обратиться к проблемам истоков и сущности войн вообще, а также характера Первой мировой войны в частности. Война как объект философского анализа присутствует в трудах С.Л. Франка, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова, В.Ф. Эрн, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева. В то же время опыт Первой мировой войны показал военным теоретикам недостатки профессионального образования и пробудил в них интерес к философской проблематике военного дела. К слову сказать, термин «философия войны» как обозначение системы философских знаний, связан-

ных с постижением феномена войны, был предложен военными, а не философами – профессором Военной академии РККА в 1920-х – начале 1930-х гг. А.Г. Снесаревым и участником Гражданской войны, а позднее выпускником французской военной школы Сен-Сир А.А. Кресновским. Определенный вклад в философское осмысление войны внесли отечественные военные теоретики А.А. Свечин, Н.Н. Головин, Б.М. Шапошников и др.

Н.А. Бердяев, пожалуй, больше других русских философов Серебряного века интересовался войной. На протяжении значительной части своей творческой биографии он систематически обращался к военно-философской проблематике. К сожалению, этот аспект его наследия до недавних пор мало привлекал внимание отечественных и зарубежных специалистов. Лишь в последние годы, главным образом в связи со столетием Первой мировой войны, в отечественной научной периодике вышел ряд публикаций, посвященных данной теме [1–3]. В этих статьях адекватно, хотя и с различной степенью полноты, отражены представления Бердяева о войне. Общим недостатком указанных работ является наличие смысловой «лакуны» между отношением Бердяева к войне и тем, что можно назвать «ядром» его религиозной философии, а именно – учением о несотворенной свободе и хилиастическим «видением» конце света и тысячелетнего Царства Божия на земле. Без выявления внутренней связи между «ядром» философских взглядов Бердяева и комплексом его военно-философских идей анализ последних, очевидно, не полный и будет носить описательный характер. Главная цель данной статьи – ликвидировать обнаруженную «лакуну», рассмотреть взгляды Бердяева на войну в контексте развития его основных философских идей.

Интерес Бердяева к военно-философской проблематике во многом был обусловлен его происхождением и воспитанием. Его дед, участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, отличился в Кульмском сражении (1814 г.), а позднее был избран атаманом казачьего войска Донского. Отец Бердяева – офицер и, мало того, офицер-кавалергард, человек, принадлежавший к военной аристократии. Он и сына своего желал видеть военным, отдав его в кадетский корпус [4. С. 153]. И хотя сын разрушил планы отца, увлекшись политикой и философией, военно-аристократическая «закваска» во многом предопределила интенциональность его мысли, в том числе и специфику *философии войны* как важного аспекта становления его философского мировоззрения. Это утверждение, казалось бы, противоречит явно выраженной нелюбви Бердяева к военщине, о чем он писал в своих воспоминаниях. Но то, что отвергалось им сознательно, было имманентно включено в творческое движение его мысли, отчетливо проявлялось в поведении Бердяева, ощущавшего себя «рыцарем» в сражениях «духа». «Некоторая воинственность моего характера, – признавал он, – целиком перешла в идейную борьбу, в сражения в области мысли» [5. С. 26].

Впрочем, сама эпоха, насыщенная вооруженным насилием, принуждала русского мыслителя обратиться к военно-философской проблематике. Ведь любая война, тем более мировая, предельно обостряет проблему зла в мире – ключевую для Бердяева философскую проблему. Для него, как для христианского философа, проблема зла есть проблема оправдания Бога. Если этот мир создан Богом, который есть абсолютное добро (сверхдобро), то почему в мире торжествует зло, достигающее своего предельного выражения в убий-

стве человеком человека, тем более в массовом убийство людей на полях сражений?

Бердяев признавался, что в трагические моменты мировой истории его вера в Бога иногда помрачалась, и его воображению предстал *злой* Бог исторического христианства. Того христианства, которое придумало ад и вечные муки, объективируя в них «садистические комплексы» человека. «Были минуты, когда я отвергал Бога, – вспоминал Бердяев, – были мучительные минуты, когда мне приходило в голову, что, может быть, Бог зол, а не добр, злее меня, грешного человека...» [5. С. 337]. В этой борьбе с самим собой формировалась его религиозно-философская концепция примата несотворенной свободы над бытием, во внутреннем логическом отношении к которой находятся важнейшие философские воззрения Бердяева, в том числе его взгляды на войну, его *философия войны*.

Традиционную христианскую теодицею русский мыслитель отвергает, поскольку она «все превращает в божественную комедию, в игру Бога с самим собой» [6. С. 55]. Надеясь человека свободой выбора между добром и злом, всеведущий Бог не мог не предвидеть результатов своего решения, воцарения зла и страданий в мире. Следовательно, Бог *ответствен* за зло и никакие схоластические уловки не могут его оправдать. Решение проблемы теодицеи, предложенное Бердяевым, снимает очевидное противоречие между Богом как абсолютным добром и злом, которое царит в мире, им же созданным. Зло есть порождение свободы. Но свобода не дарована человеку Богом; источник ее происхождения вне Бога-Творца – в Божественном Ничто, из которого рождается Святая Троица. Творение мира Богом из Божественного Ничто – уже вторичный акт. Вот предельно ясное и конкретное изложение фабулы этой божественной мистерии: «Из бездны, из Божественного Ничто рождается Троичный Бог, и Ему противостоит свобода ничто. Он творит из ничто мир и человека и ждет от них ответа на свой зов, ответа из глубины свободы» [6. С. 58]. Ответом становится *грехопадение* бытия.

Поврежденное в своих основах бытие распадается на *царство необходимости* (физическую природу), где нет никакой свободы, и *человечество*, наделенное свободой. Но так как природа человека двойственна и изначально повреждена, то «непросветленная» свобода порождает зло мира. Творец бес силен его предотвратить, поскольку свобода имеет независимый от него источник происхождения в изначальной «бездне Ничто» и вошла в мир непроизвольно (в силу того что Бог творил бытие из «ничто», в котором «укоренена» свобода). Таким образом, нет вины Бога в страданиях человечества и наличии зла в мире. Бог есть свет во тьме, «просветляющий» бытие, но не навязывающий ему выбор между тьмой и светом. У Бога, пишет Бердяев, меньше власти над миром, чем у полицейского [5. С. 177]. Он не правит миром, как абсолютный монарх, а дает миру (человеку) возможность *завершить творение*. Человек может откликнуться на зов Бога и *завершить творение*, а может поддаться соблазнам «непросветленной» свободы, что приведет к гибели бытия в силу его углубляющегося распада на все более частные (отвлеченные от изначального единства) и изолированные компоненты. «Свобода человека, – отмечает Бердяев, – предполагает возможность неудач христианства в истории», т.е. «будущее не детерминировано, не фатально ни в сторону зла, ни в сторону добра» [7. С. 220, 225].

Двойственная природа бытия, пребывающего в «силовом поле» двух источников и стихий, пронизывающих его ткань, – *тьмы* изначального единства («Ничто») и божественной «просветленной» свободы – сказывается на его структуре, которая бесконечно «двоится» в истинных и ложных формах. «Истина» и «ложь», «добро» и «зло» не только *соотносительны*, не могут существовать друг без друга, но и *относительны* в том плане, что «истина» и «добро», «ложь» и «зло», в свою очередь, «двоятся», в результате чего любая «истина» может стать «ложью», а любое «добро» обернуться «злом». Следовательно, зло непобедимо в пределах мироздания, но отсутствует за его пределами, где царит абсолютное добро («сверхдобро»), вне времени и пространства, *вне истории*, в Царстве Божьем! «„Добро“ и „зло“, – формулирует Бердяев основной парадокс этики, – коррелятивны, и в известном смысле можно сказать, что „добро“ возникло лишь тогда, когда возникло „зло“, и падает с падением „зла“» [6. С. 71]. Но этого мало: в пределах самого бытия «добро легко оборачивается злом, превращается в зло», тогда как «зло имеет положительное значение, потому что оно вызывает высшую творческую силу добра для своего преодоления», а следовательно, «возможность зла есть условие добра» [6. С. 78].

Исходя из этой *онтологии* добра и зла, русский мыслитель рассматривает феномен войны. Зло мира есть источник войны, фундаментальная причина, порождающая войну. А так как зло неустранимо в пределах бытия, то неустранима и война, которая неизбежно сопровождает человеческую историю *от ее начала и до конца*. «Недаром, – отмечает Бердяев, – Апокалипсис пророчествует о войнах. И не предвидит христианство мирного и безболезненного окончания мировой истории» [8. С. 180]. Надежды на вечный мир тщетны; пока длится история человечества, будут существовать и войны.

Но война, хотя она есть порождение мирового зла, *сама злом не является*. Война – это *трагедия*, которая лишь *выявляет* «зло, живущее в каждом из нас» [8. С. 181]. Война проявляет все темное и агрессивное, что накапливается в человечестве, и ответственность за войну лежит на каждом человеке, независимо от его отношения к ней. Война изобличает зло мира, не создавая взамен более совершенной жизни. Поэтому «благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне, – утверждает Бердяев, – не допустимо и безнравственно» [8. С. 183]. Милитаризм, романтизирующий и обоготворяющий войну, он решительно осуждает. Но равным образом он отвергает и пацифизм как желание избавиться от ответственности за мировое зло и войну.

Ложь пацифизма состоит в том, что абсолютные нравственные ценности применяются к относительному бытию, где нет ничего абсолютно истинного. В падшем мире добро и зло относительны, ситуативны и взаимобратимы. «Навязывание абсолютного закона относительной жизни есть доктринерство, лишенное всякого внутреннего смысла» [8. С. 183]. Это не значит, что абсолютные ценности утрачивают универсальное значение. Но следование им, без учета конкретных обстоятельств, оборачивается отрицанием этих ценностей: добро может обратиться злом и наоборот. Например, на войне, отмечает Бердяев, жалость к одним людям способна обернуться гибелью других людей, причем в гораздо большем количестве. Не понимая сущности войны как *проявления* зла, пацифисты усугубляют зло мира. Война – это *прорвавшийся*

нарыв, позволяющий вытечь скопившемуся в мировом организме «гною». Длительный мир, тем более мир вечный, к которому они безуспешно призывают, отравляет общественный организм, все больше и больше пропитывая его злом изнутри.

Христианское отношение к войне двойственно: война свидетельствует о зле, выявляет зло, коренящееся в основах бытия, но она же искупает зло не только страданием и смертью, но и ответным пробуждением добра. Жизнь в посюстороннем мире русский философ воспринимает как борьбу, но в ходе этой борьбы преодолевается зло и «происходит восполнение жизни». Война, согласно Бердяеву, «одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы» [9. С. 237]. Она разворачивается не только в пределах бытия, но и в трансцендентных сферах, где «ангелы Божьи воюют с ангелами сатаны» [9. С. 249]. Война имманентна мирозданию и не прекратится до окончательного «просветления» бытия и его вхождения в Царство Божье, уже вне пределов физической реальности, вне пределов земной истории.

Рациональное оправдание войны, полагает Бердяева, невозможно, «ибо поистине народы периодически должны сходить с ума, чтобы воевать» [9. С. 238]. Но христианское сознание признает иррациональные истоки бытия и не восстает против войны, так как видит в ней не только проявление зла, но также его искупление и преодоление. Война есть «порождение греха и искупление греха» [9. С. 238]. Таким образом, хотя война, будучи порождением зла, явление всецело отрицательное, она имеет или, во всяком случае, может иметь, *положительный смысл!*

С чем связывает Бердяев этот положительный смысл? Война, убежден мыслитель, актуализирует *личностное начало*, актуализирует в человеке наиболее ценные качества – мужество, храбрость, самопожертвование, героизм. Война «пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду...» [8. С. 18]. Война формирует и воспитывает нацию как *сверхиндивидуальную личность*, имеющую свое «историческое задание» в провиденциальном божественном замысле. Для отдельного человека, тем более неверующего, видящего в физической смерти конец всего, война лишена смысла. Только на сверхиндивидуальном уровне она обретает цель и смысл, лежащие за пределами физического существования отдельного человека. И точно так же, как единственна и неповторима человеческая личность, единственна и неповторима сверхиндивидуальная личность – нация.

Каждая крупная нация имеет в провиденциальном плане свое «историческое задание» или «идею». Она стремится универсализировать эту «идею», распространить ее на другие народы и нации. Так возникают империалистические войны, которые являются «могущественным средством объединения человечества» [9. С. 237]. Империализм, по Бердяеву, есть *ложная* форма человеческого единства. Но в бесконечно двоящемся бытии истина и ложь двоятся. «Ложь» империалистического универсализма есть оборотная сторона его «истины», обусловленной тем, что через распри и войну человечество движется к единству.

Такое понимание положительного смысла войны приводит Бердяева к отрицанию возможности ее *этических* оценок. Он считает, что не бывает войн «справедливых» или «несправедливых». Морализаторский подход при-

знает и оправдывает лишь *оборону* как форму самозащиты. Но, в рамках философской концепции Н. Бердяева, ответственность за войну несут *все ее участники*, хотя и в неравной мере. Нападение извне может быть (а нередко и является) расплатой за прежнее зло, творимое той стороной, которая подверглась нападению. Поэтому «нельзя сказать, что в этой борьбе один народ целиком представляет добро, а другой народ целиком представляет зло. Один народ может быть лишь относительно более прав, чем другой» [8. С. 193]. Борьба каждой нации за реализацию своей «идеи» оправдана в трансцендентном плане ее историческим (провиденциальным) заданием. Однако исход этой борьбы не предопределен в истории, как не предопределена и судьба бытия в целом. Нация может реализовать свою «идею», но может и не справиться с этой миссией.

Энтузиазм и воодушевление, охватившие Бердяева с первыми залпами орудий на фронтах мировой войны, отмечает китайский исследователь Ли Цзоюань, трудно объяснить одним только всплеском национального шовинизма и патриотических чувств [10. С. 94, 99]. Бердяев допускал высказывания в шовинистическом духе и в нем действительно государственный победил на время социалиста и певца свободы [11. С. 198]. И все же глубинные, экзистенциальные причины его позитивного восприятия войны были обусловлены горячей верой в то, что для России пришел тот роковой час, когда она может приступить к исполнению своего исторического предназначения, своего провиденциального задания.

Чтобы понять ход размышлений Н.А. Бердяева, надо иметь в виду, что к началу Первой мировой войны философ находился во власти *эсхатологических ожиданий* и *хилиастических надежд*. Он – один из *русских пророков* рубежа XIX–XX вв.: писателей, поэтов, философов и религиозных деятелей, наделенных острым чувством приближающейся мировой катастрофы. В предвоенной культурной атмосфере, нервной, полной мистических озарений и апокалиптических предчувствий, его воображением завладел *мираж* тысячелетнего Царства Божия на земле, предсказанного в «Откровении Иоанна». Здесь как бы соткались в единое целое апокалипсические видения Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева, под влиянием которых произошло религиозное «обращение» Бердяева.

Для него, как и для В.С. Соловьева, мировая война служила прологом к завершению человеческой истории, к переходу человечества в иное качественное состояние – Царство Божие на земле, которое есть *подлинная теократия* в противоположность *ложным теократиям* католицизма и православия. Позитивная роль войны в этой драме конца света должна, по его мнению, заключаться в том, чтобы положить начало формированию культуры *высшего* типа, синтезу культур Востока и Запада. Возникновение такой культуры даст человечеству возможность подняться на *всепланетный* уровень самоорганизации, когда возможно будет решить проблему «овладения и управления всей поверхностью земного шара» [8. С. 147].

Культурный синтез Востока и Запада Бердяев противопоставляет «всесмешению» народов, ведущему к утрате их культурного своеобразия, растворению друг в друге и превращению их в аморфную «культурную среду», равномерно «растекающуюся» по планете. Результатом синтеза должна стать резко очерченная, выразительная и внутренне глубоко дифференцированная

культура высшего типа, для кристаллизации которой необходим определенный географический «центр». Таким центром, по мнению Бердяева, будет Константинополь, и Россия должна отвоевать этот город у турок. «В Константинополе, – писал он, – точка пересечения Востока и Запада» [8. С. 130]. После завершения мировой войны именно здесь начнется второй акт драмы конца света, «явится в мире богочеловеческий центр, от которого пойдет процесс благодатного завершения истории» [12. С. 290]. Конечно, истинная теократия, сложившаяся вокруг этого центра, не сможет охватить все человечество, а будет только «оазисом среди враждебной пустыни» [12. С. 289]. Но ее появление в мире откроет «путь в Новый Иерусалим», т.е. в хилиастическое тысячелетнее Царство Божие.

Ключевая роль России в эсхатологии Н. Бердяева не ограничивается отвоеванием Константинополя. Запад и Восток не могут, полагал он, сами по себе преодолеть барьер взаимного отчуждения и непонимания. Поэтому требуется «катализатор» культурного синтеза и лишь Россия может осуществить эту миссию. Историческое призвание России – быть «мостом», который объединит Запад и Восток в культуру высшего типа, – обусловлено объективными свойствами восточного христианства и русского народа. Исключительная «отзывчивость», «всечеловечность», готовность принять и вместить в себя «чужое» как свое делают русский народ идеальным «проводником» и «катализатором» всемирного религиозно-культурного синтеза. С другой стороны, православие, несмотря на многочисленные исторические прегрешения, сохранило истину о богочеловеческой природе Христа, тогда как западные христиане, по мнению Бердяева, в значительной мере ее утратили. Именно православие открывает путь новому откровению – «третьему завету Святого Духа», истинной и окончательной «религии богочеловечества», в которой осуществится *глобальный религиозный синтез* как христианских, так и нехристианских вероучений и практик.

Осознание народом того, что замыслил о нем Бог в вечности, поднимает на высший уровень развития его национальное сознание, оно «переходит все пределы и достигает вершин в сознании мессианском» [9. С. 114]. Довоенная Россия не была готова к той всемирно-исторической роли, какая, по мнению не только Бердяева, но и многих других русских мыслителей, была ей предназначена в божественном замысле. Русская нация не выработала в себе необходимые для этого качества, не стала полноценной сверхиндивидуальной *личностью*, как не являются в массе своей личностями и русские люди с их невыразительной, размытой физиогномикой. Исторические условия, в которых складывался русский народ, не позволили ему развить в себе такие «мужественные» черты, как чувство чести, личное достоинство, ответственность, благородство, аристократизм, характерные для европейских народов черты. Бердяев связывал их появление со средневековой культурой рыцарства, формировавшей и развивавшей в европейцах личностное начало. Русский народ веками воспитывался в терпении, покорности, в смиренной и пассивной готовности принять любую, даже глубоко чуждую ему деспотическую власть. Эти черты русского народа Бердяев характеризовал как «женственные» («бабьи»). Их исток он усматривал в темной «дионисийской стихии», по происхождению своему восточной, противостоящей «аполлоническому», «мужественному» западному влиянию.

Становление нации как сверхиндивидуальной личности нуждается, по мнению русского философа, в заключении «брака» между мужским и женским «началами», в достижении гармонии через «просветление» и «оформление» дионисийской «женственности» аполлонической «мужественностью». Но, так как обстоятельства национальной истории не позволяли русскому народу достичь этой гармонии прежде, то лишь мировая война способна выковать русский народ как полноценную личность и актуализировать его мессианскую роль в мировой истории. «С войнами, – утверждал Бердяев, – связана выработка мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства» [9. С. 240]. Он был убежден, что «мировая война выведет Россию из... безвыходного круга, пробудит в ней мужественный дух, покажет миру мужественный лик России...» [8. С. 16].

Эмоционально-окрашенный эсхатологический оптимизм Н. Бердяева, ярко отразившийся в его статьях 1914–1915 гг., со временем, начал блекнуть. Чем дольше длилась война, тем меньше оставалось у него иллюзий относительно ее благотворного влияния на национальное самосознание. Вместо того чтобы пробуждать в человеке личностное начало, мировая война стала мощным фактором дегуманизации и деперсонализации народных масс. «Война воспитала насильников», а не рыцарей [7. С. 163]. Новые виды оружия, используемые на полях сражений, радикально изменили *характер* войны. На смену противоборству лицом к лицу, где победа зависит от личных качества воина, его мужества, твердости и силы духа, пришло массовое уничтожение противника «вслепую», на далеком расстоянии с использованием пулеметов, танков, авиации, дальнобойной артиллерии, газовых атак. Убийство врага превратилось в рутинную операцию, не вызывающую никаких эмоций и не требующую от воина напряжения психических и нравственных свойств. Все это, по мнению Бердяева, разлагает те положительные качества, что формируют и воспитывают личностное, мужественное начало: «Наибольшей остроты достигает процесс дегуманизации в современной технике войны, которая более не нуждается в человеческой доблести» [7. С. 172]. Вместо того чтобы увеличивать ценность человеческой личности, тотальная война, вовлекшая в свою орбиту всю нацию, девальвировала ее, «человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью» [7. С. 168].

Не оправдались надежды Бердяева и на консолидацию народа (нации) перед лицом внешней опасности. На фронте и в тылу процветали воровство, коррупция, nepотизм. «Оргия хищнических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великой мировой войны, – отмечал он в 1915 г., – есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России» [8. С. 79]. Война всколыхнула, привела в состояние брожения источник мирового зла – «темную хаотическую стихию Востока», которая, по выражению Н.А. Бердяева, «бурлит» в социальных недрах России, грозя ей скорыми бедами [8. С. 58].

Недолгий период воодушевления, пережитый многими представителями русской интеллигенции в первые дни революции 1917 г., которая, по их мнению, должна была оздоровить нацию и вдохновить ее на дальнейшее продолжение войны, вскоре кончился для Бердяева полным крахом всех его ожиданий и религиозно-мистических озарений. Подводя год спустя горькие

итоги, он писал: «Мировая война не разрешила никаких задач и кончилась дурным миром» [9. С. 251]. Его вера в русский народ и в его историческое предназначение, казалось, была теперь безнадежно подорвана: «Русский народ не выдержал великого испытания войной. <...> Русский народ оказался банкротом» [9. С. 32]. Разочарование Н. Бердяева было так велико, что он пришел к полному отрицанию отечественной религиозно-философской традиции, центр которой составляла проблематика «Русской Идеи» как божественного замысла о всемирно-историческом предназначении России. Хилиастический мираж Царства Божия на земле, в утверждении которого она должна была играть ключевую роль, развеялся перед его внутренним взором без следа. «Русские иллюзии окончились безобразной оргией», – писал теперь Бердяев [13. С. 750]. В приступе самоуничтожения он заявлял о *полной правоте* Чаадаева, о том, что русским мыслителям, да и вообще русским людям, «необходимо покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, правду культуры, суровую правду закона и нормы» [13. С. 653].

В годы эмиграции Н.А. Бердяев вновь и вновь обращался к теме войны, к философии войны. Его представления о несотворенной свободе как источнике неуничтожимого в пределах бытия мирового зла получили концептуальное завершение. Однако выводы, к которым он приходит накануне Второй мировой войны, заметно отличаются от прежних. Теперь он исходит из давнего, но не имевшего принципиального значения в его ранних работах тезиса о возрастании зла и многообразия форм его проявления в мировой истории. С возрастанием зла трансформируется как общество, так и война. Философскую проблематику войны, подчеркивает Бердяев, нельзя рассматривать отвлеченно, «отделяя ее от социального строя и духовного состояния общества» [14. С. 578]. Перемены, которые произошли в военном деле, а также в мировом сообществе с 1914 г. по конец 1930-х гг., изменили его взгляды не только на характер, но и на природу войн. Если раньше он считал войну лишь *проявлением* зла, писал о *положительном* влиянии войны на отдельного человека и на воспитание национального самосознания, то теперь война в ее современном виде представляется ему проявлением «бестиализма», охватившего человечество, имеет всецело *сатанинскую* природу. Войны, которые ведут в XX в. тоталитарные государства посредством механизированных армий, оснащенных оружием гигантской разрушительной силы, переворачивают систему ценностей. Теперь не война служит интересам людей, но «люди существуют для войны» [14. С. 577]. Тоталитарная государственная «машина», частью которой является армия, нацелена на подавление личностного начала. А война, которая ведется с использованием разрушительного современного оружия дальнего действия, превращается в массовую бойню, лишенную какого-либо позитивного смысла. «Современная война есть страшная проза, а не поэзия, – пишет Бердяев, – и в ней преобладает беспросветная обыденность» [14. С. 579].

В этой «прозе» войны подвергаются эрозии и разрушению личностные характеристики военнослужащего, так как рутинный характер выполняемой им «работы» не требует их актуализация. Современные войны, в отличие от войн прошлого, Н. Бердяеву «напоминают не дуэль, а убийство из-за угла» [14. С. 581]. «Смешно говорить, – продолжает он, – о военных доблестях

в современных химических войнах, истребляющих мирное население» [14. С. 580]. Война превращается в его глазах в предельную форму *аперсонализма*, стирающего личностные характеристики в индивиде. Но все, что противно личностному началу, что нацелено на его разрушение и уничтожение, по его мнению, есть зло в чистом, рафинированном виде.

Задолго до создания атомной бомбы он предвидел возможность появления оружия массового поражения, гораздо более страшного, чем отравляющие газы. Это оружие, будучи использовано, приведет к уничтожению большей части человечества и сделает невозможным дальнейшее продолжение войн. Таким образом, «вечный мир» все-таки *может* наступить, но лишь как результат глобальной катастрофы, которая поставит человечество на грань уничтожения. Это принудительное прекращение вооруженного противоборства не излечит человечество от воинственных инстинктов, а лишь переключит их в другую область [14. С. 582]. Зло, укорененное в изначальной стихии «ничто», проистекающее из несотворенной и «непросветленной» свободы, не может быть побеждено в пределах исторического времени. Победа над злом возможна только вне пределов истории, вне пределов исторического и космического времени.

Как видим, взгляды Бердяева на природу и характер войны к концу 1930-х гг. существенно изменились сравнительно с тем, что он высказывал в дореволюционный период. Понимание и оправдание войны как этически нейтрального *способа проявления* зла в мире, «изобличающего ложь» и вызывающего ответное проявление добра, сменилось ее полным отрицанием.

В юности Бердяев разделял романтическое отношение к войне, которое критиковал позднее, в 1914–1917 гг. Его представления о совершенной личности как об *аристократе духа*, как о святом или рыцаре, предполагали в характере такого рода личности определенную меру *воинственности*, которую философ, как мы помним, обнаруживал и в самом себе. Царство Божие, говорил он, достигается не одним лишь созерцанием, но путем творческих свободных усилий личности. Процесс нравственного становления личности Бердяев рассматривает сквозь призму рыцарского идеала, включающего в себя храбрость, героизм, самопожертвование, понятие о чести, служение трансцендентным целям [15. С. 116]. Соотнося этот идеал с проблемами современного мира, он убеждал и других, и себя в необходимости его актуализации [16. С. 97]. Война пробудит в русских людях то мужественное, рыцарское начало, без которого божественный замысел о предназначении России служить катализатором планетарного синтеза Востока и Запада не может быть воплощен.

Историческая действительность разрушила не только хилиастический мираж Бердяева, но и его веру в позитивное влияние войны на пробуждение личностного начала как в людях, так и в нациях. «Машинизация» хозяйственной сферы разрушает органическую связь человека с природой, «косит все живое» и в конечном счете должна, как предрекает философ, разрушить и заменить человеческое тело [9. С. 259]. «Машинизация» войны деструктурирует личность, превращая человека в придаток механизма уничтожения, разрывает в пространстве действия военнослужащего с их результатом: убийство людей превращается для него в последовательность механических операций, не вызывающих эмоционального и нравственного отношения к

тому, что он делает, и тех необходимых качеств, которые в прежние эпохи формировали личность рыцаря-воина. Многомиллионные национальные армии, пришедшие на смену профессиональным наемным войскам, представляют собой бюрократические «машины», подавляющие личностное начало, как подавляют его и тоталитарные режимы, создавшие эти армии.

Война, в виду изменившегося ее характера, становится не только проявлением зла, но и злом *как таковым*. Усиливаясь в мире, зло отменяет положительные эффекты, что были связаны с войнами прошлого. «Если войны прежних веков связаны были с личной храбростью, – пишет Бердяев, – то это совершенно неприменимо к современным тотальным войнам» [14. С. 579]. Тем не менее, как и раньше, он отвергает «буржуазный» пацифизм, «который не только бессилён победить войну, но и может означать более низкое состояние, чем война» [14. С. 584]. Пацифизм критикуется философом как проявление трусости, боязнь катастроф, мещанская любовь к спокойной и обеспеченной жизни; между тем «есть мир, который подлее войны, не всякой ценой допустимо покупать мир» [14. С. 584]. Чтобы эффективно противостоять войне, человек должен быть воином. Воинственность, направленная на противоборство злу, на достижение трансцендентных целей, в персонализме Бердяева по-прежнему является одним из важнейших качеств совершенной личности.

Размышления Бердяев о войне, ее природе, характере и будущности не утратили значения в наши дни. Современные виды оружия далеко превосходят те, что использовались при его жизни. «Машинизация» военного дела с появлением дистанционно управляемой и частично автоматизированной робототехники, а также баллистических ракет, крылатых ракет, лазерного и космического оружия обострила проблему нравственной ответственности человека на войне. Заменяя прямое вооруженное противоборство людей противоборством военной техники, современная война испытывает растущую нужду в *военных бюрократах*: дисциплинированных, исполнительных, но лишенных инициативы, ответственности, мужества перед лицом не только врага, но и своего командования.

С другой стороны, *характер* современных высокотехнологичных войн радикально отличается от тотальных войн первой половины XX в. И анализ феномена войны, как справедливо отмечал Бердяев, должен учитывать эти изменения. Развитие информационно-коммуникационных систем превращает каждую боевую единицу современной армии (в том числе и каждого отдельного бойца) в «подвижную крепость», оснащенную электроникой, броней, оружием и гаджетами. Передвигаясь в составе небольших групп, бойцы, их командиры могут и должны самостоятельно принимать решения относительно своих действий в различных ситуациях. Разнесенный характер боевых действий диктует повышенные требования к таким человеческим качествам, как личная храбрость, разумная инициатива, ответственность и пр. Таким образом, развитие военного дела носит противоречивый характер: наряду с усилением бюрократизации, нивелирующей личностное начало, возрастает роль личностных характеристик воина, которые столь высоко ценил Николай Бердяев.

Список источников

1. Гаман Л.А. Н.А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 41–47.

2. Тимофеев А.И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 85–93.
3. Иванова С.И. Проблема войны в творчестве Н.А. Бердяева // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2017. № 4. С. 202–208.
4. Гulyga A.B. Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. 316 с.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 448 с.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 23–422.
7. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Дух и реальность. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 157–226.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М. : Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918. XVI, 240 с.
9. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. С. 19–303.
10. Ли Цзоюань. Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. М. : МАКС Пресс, 2010. 143 с.
11. Волкогонова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 411 с.
12. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1999. 464 с.
13. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. М. : Астрель, 2007. С. 488–846.
14. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 423–696.
15. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 2 (32). С. 108–119.
16. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 3 (33). С. 94–107.

References

1. Gaman, L.A. (2014) N.A. Berdyaev about war. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(29). pp. 41–47. (In Russian).
2. Timofeev, A.I. (2016) Nikolay Berdyaev: chelovechnost' i voyna [Nickolay Berdyaev: Humanity and War]. *Solov'evskie issledovaniya*. 1(49). pp. 85–93.
3. Ivanova, S.I. (2017) Problema voyny v tvorchestve N.A. Berdyaeva [The problem of war in N.A. Berdyaev's works]. *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika*. 4. pp. 202–208.
4. Gulyga, A.V (2006) *Tvortsy russkoy idei* [The Creators of the Russian Idea]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow: Kniga.
6. Berdyaev, N.A. (2003) *Opyt paradoksal'noy etiki* [An Essay in Paradoxical Ethics]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 23–422.
7. Berdyaev, N.A. (2003) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 157–226.
8. Berdyaev, N.A. (1918) *Sud'ba Rossii. Opyt po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. An Essay in the Psychology of War and Nationalness]. Moscow: G.A.Leman and S.I. Sakharov.
9. Berdyaev, N.A. (2012) *Filosofiya neravenstva* [The Philosophy of Inequality]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 19–303.
10. Li Zuoyuan. (2010) *Metafizika russkoy idei v tvorchestve F.M. Dostoevskogo, V.S. Solov'eva, N.A. Berdyaeva* [Metaphysics of the Russian Idea in the Works of Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Nikolay Berdyaev]. Moscow: MAKSS Press.
11. Volkogonova, O.D. (2010) *Berdyaev*. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Berdyaev, N.A. (1999) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and Community]. Moscow: Kanon+.
13. Berdyaev, N.A. (2007) *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva* [The Downfall of the Holy Russian Tsardom]. Moscow: Astrel'. pp. 488–846.
14. Berdyaev, N.A. (2003) *Opyt paradoksal'noy etiki* [An Essay in Paradoxical Ethics]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 423–696.
15. Boyko, V.A. (2017) The Conceptual Bases of N.A. Berdyaev's Knightly Ideal: The First Steps. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*. 2/2(32). pp. 108–119. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-108-119

16. Boyko, V.A. (2017) The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev in His Book “New Religious Consciousness and Society”. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3/2(33). pp. 94–107. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-94-107

Сведения об авторах:

Бойко В.А. – доцент, кандидат культурологии, доцент отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: vboyko100@gmail.com

Лихоманов И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск, Россия). E-mail: graingar@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Boyko V.A. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vboyko100@gmail.com

Likhomanov I.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: graingar@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.12.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 09.12.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/68/7

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В.Ф. ОДОЕВСКОГО: ЧУВСТВЕННОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

Полина Александровна Васинева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, polina.vasineva@gmail.com*

Аннотация. Анализируются педагогические идеи В.Ф. Одоевского через призму романтических представлений о мире и человеке, через связь чувственного и рационального аспектов в познании.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, романтизм, философия образования, чувственное познание, рациональное познание

Для цитирования: Васинева П.А. Романтические истоки педагогических идей В.Ф. Одоевского: чувственное и рациональное познание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 70–78.
doi: 10.17223/1998863X/68/7

Original article

THE ROMANTIC ORIGINS OF ODOEVSKY'S PEDAGOGICAL IDEAS: ON THE QUESTION OF SENSUAL AND RATIONAL COGNITION

Polina A. Vasineva

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
polina.vasineva@gmail.com*

Abstract. In this article I analyze the pedagogical ideas of V.F. Odoevsky in their connection with the Romantic ideas about the world and man. The main interest for me here is the connection between the sensual and rational aspects in the process of cognition. Despite the impossibility of a direct comparison of ideas, it is possible to draw parallels through the question of cognition and the concept of education as it was understood by the Romantics (Novalis in particular) and as it is presented and realized in the pedagogical works of V.F. Odoevsky.

The influence of Romanticism on Odoevsky can be summarized in the following points:

1) in the outlook, associated with the focus on the individual characteristics of man and child in the pedagogical process. Romanticism actualized in the history of thought the value of the individual. The concrete man and the phenomena of his being become more and more often a material for philosophical research. The focus on the human being increases its value, as well as the need to actualize the individual characteristics of each individual. In connection with this worldview approach, the view of education is also shifting.

The goal of preschool education according to Odoevsky is related to the formation and preparation of the apparatus of thinking, which he calls the “spiritual apparatus”. The formation of understanding in a child is the possibility of manifestation of the individual in him.

2) in the understanding that education is self-education in the first place. Odoevsky appeals in many ways to the independence of the child. Indeed, if education is perceived as a transfer

of knowledge, it will turn out that the child will always be in a dependent position on the teacher without the skill of forming ideas and the desire to analyze and compare facts independently. In Novalis this aspect is expressed in that “without perfect self-understanding a true understanding of others cannot be achieved”.

3) in the understanding of the correlation between the rational and the sensual in the process of cognition. Despite the lack of obvious continuity between Odoevsky's pedagogical ideas and the Romantics, one can trace the Romantic source of his reflections: following the Romantics, he reflects on the theme of thinking and feeling. However, if Romanticism strove to overcome the Enlightenment dictate of thinking, putting sensibility in the foreground, Odoevsky goes further and does not try to think them in opposition. This is indicated by his pedagogical position on the development of thinking in the period of the prevalence of emphasized sensuality in human life, in the period of childhood.

Keywords: V.F. Odoevsky, Romanticism, philosophy of education, sensual cognition, rational cognition

For citation: Vasineva, P.A. (2022) The romantic origins of Odoevsky's pedagogical ideas: on the question of sensual and rational cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 70–78. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/7

Интеллектуальный поиск В.Ф. Одоевского был связан с разнообразными вопросами науки, искусства и управления. Философский поиск в области гносеологии неразрывно связан у мыслителя с тематикой образования, педагогической деятельности, которая является системообразующей для его творчества в 30–40-е гг. XIX в. Помимо этого, вклад Одоевского является не только для него самого значимым, но и оказывает существенное влияние на представление о векторах развития педагогической деятельности в России XIX в. Этот вклад во многом остается не до конца оценен и исследован. Тем не менее педагогические идеи, высказанные Одоевским, не потеряли свою актуальность, а скорее наоборот – приобрели ее только сейчас, потому что оказались созвучны стратегическим задачам, которые ставит перед собой образование сегодня.

Помимо практико-ориентированных педагогических приемов взгляды Одоевского созвучны философской проблематике своего времени, хоть их фундаментальное содержание недостаточно глубоко артикулировано в исследовательской литературе. Образованность и широта взглядов князя-мыслителя связывает его с романтиками и Шеллингом. И несмотря на то что активное увлечение романтизмом пришлось на ранний период творчества, справедливо говорить о выборе этого направления в качестве мировоззренческого ориентира в период интеллектуального становления мыслителя. Напрямую романтическим можно однозначно назвать творческий этап кружка Любомудров, продолжавшийся примерно до 1830 г. Далее Одоевского начинают увлекать другие идеи и направления, педагогический этап связан более с необходимостью реализации конкретных проектов: он был членом-основателем Общества древнерусского искусства, одним из членов-учредителей Русского географического общества. Как глава Комитета попечительства руководил организацией сети детских приютов в Санкт-Петербурге и других городах России.

Одоевский, вдохновлявшийся романтиками на определенном отрезке своей творческой биографии, транслировал и так или иначе интерпретировал их идеи. Поэтому справедливо возникает вопрос: насколько можно сопоста-

вить раннеромантические идеи об образовании с педагогическими взглядами В.Ф. Одоевского? Задача прямого сопоставления педагогических идей русского мыслителя с романтиками – непростая, так как последние не ставили перед собой цель развития педагогической теории. Тем не менее возможным оказывается провести параллели через вопрос познания и концепт образования, как его понимали немецкие романтики (в частности Новалис) и как он представлен и реализуется в практико-ориентированных работах В.Ф. Одоевского.

Романтизм как мощное духовное течение своего времени во многом повлиял на все сферы человеческого бытия. После романтиков под другим углом начинают оценивать феномены человеческого бытия: искусство, религию, философию, политику, музыку, архитектуру, в конце концов, саму жизнь в ее многогранных проявлениях. Этот изменившийся ракурс восприятия уже существующих феноменов и понятий получает прививку нетрадиционного подхода, неклассической рациональности. Также под пристальным взглядом оказался феномен человека, его бытия и самоощущения в мире, его становления. Как раз в этом аспекте романтическая идея сближается с педагогикой как наукой о воспитании и обучении человека.

Что же касается вопроса дихотомии чувственного и рационального, то в романтизме он решается однозначным образом и показательно представлен словами Новалиса о том, что «истинный поэт всеведущ, он – действительный мир в миниатюре» [1. С. 168]. У поэта есть преимущество перед ученым, так как первый владеет непосредственным инструментом – переводит чувственный материал в слово, в то время как ученый должен сначала овладеть методами науки, категориальным аппаратом и т.д.

Одоевский, вдохновленный идеями Шеллинга и романтиков, начинает смотреть на ключевые для своих исследований проблемы как бы их глазами, через призму «другого разума» [2]. Однако его идеи обладают значительной долей самобытности и уникальности. Тем не менее обобщить мысли о влиянии романтизма на Одоевского можно в следующих пунктах: 1) в мировоззренческом, связанном с ориентацией на индивидуальные особенности человека и ребенка в педагогическом процессе; 2) в понимании того, что образование – это самообразование в первую очередь; 3) в вопросе соотношения рационального и чувственного в процессе познания.

Несмотря на то что ранний немецкий романтизм в свою теорию не включил педагогику, косвенно можно выявить моменты, связанные с идеями об образовании как становлении личности. Остановимся на них подробнее.

Идеал романтического образования – это самообразование: путь, который проходит личность, обретая свою целостность и ценность. Потому в романтической литературе так популярен образ путешественника. Это всегда герой, который совершает духовный подвиг и меняет свою личность, раскрывая ее сущностный потенциал. Романтический герой всегда проходит путь становления в одиночку, даже если формально путешествует не один. На это указывает часто авторский нарратив, который раскрывается глазами героя и через внутренний мир героя и его духовных изменений. Именно таких героев можно встретить в романе «Сердечные излияния отшельника, любителя прекрасного» В.-Г. Вакенродера, в романе «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика, в романе «Генрих фон Офтердинген» Новалиса.

В связи с вышесказанным образование и познание представлены в картине мира романтизма как путь, дорога. Потому свою популярность и актуальность в это время обретают новые литературные формы: роман-путешествие, роман в виде путевых заметок, дневник-путешествие, которые приходят на смену, а скорее в дополнение, к роману воспитания. Эту мысль подчеркивает Ф. Шлегель: «Следовало бы пожелать, чтобы молодые любители истины почаще могли бы выбирать кругосветное путешествие вместо школы, – не только чтобы обогатить свой гербарий, но чтобы воспитать в себе подлинную мудрость жизни» [3. С. 236].

Путь романтического героя всегда связан с проникновением в сущность через материю: от природы к духу, от сенсительного к интеллигентному. Исследователь С.В. Тураев подчеркивает это, проводя сравнение романтизма с эпохой Просвещения: «...если для просветителей „воспитание“ означало формирование личности под воздействием внешних факторов, то для романтиков *Bildung* это, прежде всего, самораскрытие, саморазвитие» [4. С. 212].

Посредством метафоры пути в романтизме раскрывается образовательная проблематика, путь и путешествие становятся смыслообразующими звеньями для формирования личности, для ее образования. Таким образом, образование в романтизме – это, прежде всего, путь индивидуального развития личности. Все остальное является лишь условием для формирования собственного интереса к окружающей действительности.

Подобным образом характеризует Одоевский педагогический процесс. Он дает учителям и воспитателям наставления, предполагающие, «чтобы ученик смотрел сам, а не вы на него; ваше дело предохранить его от ложного взгляда» [5. С. 128]. Роль педагога в такой трактовке сводится к тому, чтобы быть фильтром и через себя пропускать идеи, которые могут быть восприняты учеником и отсеивать заведомо негативное. При этом мы видим, что роль педагога не сводится к выдаче ученику готового знания. Учитель должен уметь направить и научить ребенка ориентироваться, самостоятельно овладевая информацией и анализируя ее. Вдгонку к этому Одоевский формулирует главную задачу новейшей педагогики, которая сводится к тому, чтобы «направить умственное зрение по удобнейшему пути» [5. С. 129].

Оригинальность педагогических идей Одоевского связана с тем, что он систематизировал дошкольное образование. Его имя связано с организацией детских приютов в России и обеспечением педагогов дошкольного образования необходимой для воспитания и образования детей литературой. О роли дошкольного образования у Одоевского написано в работе «Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей». Этому этапу образовательной деятельности также посвящены основные труды: «Наука до науки. Книжка дедушки Ирины», «Азбука для употребления в детских приютах».

Одоевский определяет дошкольный этап как важный для формирования инструмента познавательной деятельности и называет его «духовным снарядом». Вся деятельность должна быть направлена именно на этот аспект становления детской познавательной активности.

Какие же важные моменты следует отметить в «Опыте...»?

Первый связан с тем, что Одоевский критикует обучение как накопление фактов. Этот момент распространяется не только на дошкольную педагогику,

но и на весь образовательный процесс. «Впрочем, цель не переменилась: всем хотелось как можно скорее набить голову ребенка фактами, или сентенциями, как будто сумку. Следствия такого направления понятны и очевидны: ребенок видит игрушку, картинку и тем и ограничивается; видеть под игрушкою мысль есть такой процесс, для которого у него еще не приготовлено снаряда» [5. С. 122]. На этапе раннего детства ребенок представляет собой образец чистой чувственности. «Видеть под игрушкою мысль» как раз означает для Одоевского связь чувственного и рационального, которую необходимо закрепить. В этом и заключается, по сути, цель дошкольного образовательного процесса. Одоевский выступает приверженцем разумного подхода в образовательной деятельности и указывает, что количество в вопросе педагогики никогда не сможет перерасти в качество. Знать многое и знать суть вещей и процессов – это два качественно различных итога образовательной деятельности.

При этом количество и качество оказываются тесно связаны, так как знать и разуметь, по Одоевскому, являются взаимодополняющими элементами единого процесса: «Можно знать букву всех наук и не уметь выговорить разумного слова науки; но нельзя ничего разуметь, если ничего не знаешь. Никакое отдельное знание, ни химия, ни физика, ни психология (отдельно), не дают полного понятия о предмете, ибо каждый предмет требует для своего уразумения всех наук или по крайней мере разумно достаточного сопряжения их элементов» [5. С. 136–137]. В целом Одоевский описывает тенденцию развития научного знания за счет все большего расчленения предмета познания между различными научными дисциплинами, каждая из которых изучает предмет с одной стороны, а не в его целостности. Знание со времен возникновения науки как таковой углубляется, впоследствии становится очевидным, что его объем перестает вписываться в рамки одной дисциплины. Так появляются различные направления исследования одного и того же предмета, различные науки. Однако и в рамках одной науки знание начинает разрастаться, создавая условия для возникновения различных дисциплин внутри одной предметной области. Тем не менее бесконечное деление предмета исследования – это скорее путь удаления от самого предмета. Поэтому современная ситуация указывает нам на обратную тенденцию, все чаще актуальными становятся междисциплинарные исследования. Тем временем в философии подобную попытку предпринял Макс Шелер в начале XX в., когда задумал свой проект философской антропологии. Весь пафос проекта заключался в том, что к началу XX в. знаний отдельных наук, занимающихся проблемой человека, накопилось так много, что они, по сути, разорвали на части предмет исследования. При этом каждая из наук не в состоянии была ответить на вопрос, что же такое человек, охватить его в своей сущностной целостности. Философская антропология должна была выступить той междисциплинарной областью, которая связала бы данные всех наук о человеке и ответила, наконец, на вопрос, поставленный еще Кантом: что есть человек?

Становление философской антропологии, напомним, относится к началу XX в. Одоевский же еще в XIX в. описывает схожую проблематику раздробленности научного знания, его обособленности в различных науках. Это явление создает сложности для образовательного процесса. Потому как отдельные предметы воспринимаются и преподносятся педагогами изолированно

друг от друга. Процесс образования действительно превращается в накопление фактов, и запоминание выступает главной компетенцией ученика. Одоевский видит в этом неэффективность процедуры. И как раз дошкольный период считает важным для формирования компетенции, связанной с разумным постижением окружающей действительности и с преломлением описанной выше тенденции.

Далее следует второй момент, характеризующий цель дошкольного образования. Она связана с формированием и подготовкой аппарата мышления. Ничему не надо учить на этом этапе, знания вторичны по сравнению с тем, что ребенок может при должном подходе получить ключ к любому знанию: «...все первоначальное воспитание (начиная с четырехлетнего возраста) должно быть не передача знаний, но усовершенствование того снаряда, которым приобретаются знания» [5. С. 122]. Одоевский апеллирует к самостоятельности ребенка. И действительно, если воспринимать обучение как передачу знаний, то окажется, что ребенок всегда будет в зависимом от учителя положении без навыка формирования идей и желания самостоятельно анализировать и сопоставлять факты. И наоборот, «человек, умеющий учиться, выучится всему в короткое время, что бы ни понадобилось ему в продолжении жизни, как человек, умеющий писать, может писать что угодно и чем угодно» [5. С. 122].

В переведенных на русский язык источниках йенских романтиков немало написано об образовании как таковом, однако есть фрагмент Новалиса, посвященный цели образования. В нем автор высказывает, по сути, ту же мысль: необходимость самостоятельности в процессе познания, которая выражена у романтика как необходимость самопонимания и самопознания. «Высшая цель образования – овладение своей трансцендентальной самостью – Я своего я. Тем меньше следует пугаться недостатка чувств и понимания по отношению к другим людям. Без совершенного самопонимания настоящего понимания других достичь невозможно» [1. С. 91–92]. Для философии в целом мысль не новая, вспоминается сократический принцип познания. Согласно античному мировосприятию человек как микрокосм подобен макрокосму и в сжатом виде содержит все атрибуты мироздания. Поэтому если желать познать окружающий мир, необходимо начать с познания себя.

Третий момент крайне важен и связывает философские и педагогические взгляды Одоевского. При чтении «Опытов» становится понятным, что Владимир Федорович является приверженцем концепции врожденных идей и в своих педагогических воззрениях исходит из постулата духовных стихий, с которыми человек приходит в мир. Таким образом главную задачу при развитии «духовного снаряда» в ребенке Одоевский определяет так: «...заставить заговорить те стихии духовные, с которыми мы родимся, которые даже в грудном младенце проявляются в виде бессознательных побуждений, бессвязных мыслей и из которых впоследствии образуется то, что довольно неточно называется врожденными понятиями, но которых гораздо более, чем обычно полагают; навести ученика на ту дорогу, по которой он от бессознательных понятий может постепенно дойти до сознательных; то, что определенно представляется его душе, выразить определенным словом и связать то, что детскому уму представляется разрозненным, не имеющим между собою никакого отношения» [5. С. 124]. В другом месте работы мыслитель

довольно конкретно высказывается по поводу врожденных идей: «Повторяю, мы родимся с врожденными идеями, как семя родится с влечением образоваться в растение, и до них, наоборот, мы не можем дойти механическим отвлечением, но доходим лишь посредством жизненного процесса, точно так же, как из растения выделяется снова семя не механическим путем, но посредством органического процесса. Человеку невозможно довольствоваться сими бессознательными мыслями и побуждениями, ибо оставленные без действия они могут погибнуть, как семя непосеянное; они должны необходимо войти в область сознания и разума, как семя в недра земли» [5. С. 135–136]. Любопытно, что подобное сравнение с семенами растений является романтической метафорой, которую использовал Новалис в отношении своих фрагментов. Он говорил, что «эти фрагменты – литературные семена. Если даже некоторые колосья засохнут – какие-то все равно взойдут» [1. С. 111]. Новалис, как и Одоевский, имел в виду идеи, которые смогут получить свое развитие в определенных условиях. В.Ф. Одоевский при этом вряд ли сознательно ссылаясь на йенского романтика, однако описанный пример лишь подтверждает единое мировоззренческое основание двух мыслителей.

Одоевский продолжает философский сюжет о врожденных идеях, ярко представленный у Декарта. Спор о врожденных идеях между Декартом и Локком напрямую связан с развитием педагогических представлений в том числе, потому как говорит о значении опыта в целом и роли педагога в частности. Если предполагать, что ребенок рождается *tabula rasa*, то все знание он получает извне. И здесь важную роль играет окружение. Если же есть признание врожденности некоторых идей, то сам этот факт говорит об участии ребенка в процессе своего образования, так как именно собственные идеи ему предстоит актуализировать, в том числе самостоятельным усилием. И это два разных подхода в образовании. Одоевский не пытается доказывать врожденность идей, а исходит из этого как из общеутвердительного обстоятельства.

Четвертый момент связан с предыдущим пунктом и предполагает, что врожденные понятия нуждаются в условиях для их раскрытия: «...понятие о числе, о мере, о речи, об изяществе существует в душе человека, но это понятие может и не развиться, если потребность осуществить это понятие не будет удовлетворена окружающими обстоятельствами» [5. С. 125]. Обстоятельства, о которых говорит Одоевский, есть во многом образовательная среда. Именно потому он уделяет большое внимание подготовительному этапу, введению в образовательный процесс, начиная с дошкольной педагогики.

В.Ф. Одоевский формулирует задачу воспитания как развития способности к приобретению знаний. Подобную идею он подробно описывал в части о дошкольной педагогике, называя этот процесс развитием «духовного снаряда».

Примечательным образом Одоевский прописывает цель образования и в своей работе «Рассказы о божестве, человеке и природе»: «Уметь дать себе отчет в тех явлениях, которые вокруг нас, из которых слита вся наша жизнь, – есть цель всякого образования, на какой бы степени человек ни находился» [6. С. 239]. По сути, Одоевский говорит об осознанности на каждом этапе жизни человека и о самосознании. Таким образом, школьный этап в концепции Одоевского связан с формированием понимания как связи рационального и чувственного измерений в познании. Как раз этот момент связывает русского мыслителя с идеями романтизма. Исследователь философии образования

А.П. Валицкая в книге «Эстетика понимания» подчеркивает, что «со времен немецких романтиков <...> установлено, что понимание – это не только один из важнейших моментов познания, но особый творческий процесс, который возможен благодаря некоему сродству мировидения автора и читателя, причем интуиция и разум последнего открывают глубинные смыслы текста, предлагая новые, подчас неожиданные истолкования» [7. С. 23].

Этот параметр является необходимым элементом образовательного процесса: не просто знать, но и понимать, для чего это знание дается. Подобное понимание способно формировать интерес у ученика, что является немало-важным фактором успешности в педагогическом процессе.

Детальное рассмотрение педагогических взглядов В.Ф. Одоевского демонстрирует их актуальность для современной философии образования и для истории философии. Поэтому его идеи могут служить теоретическим основанием при разработке методических рекомендаций для современной школы. Так, общемировая практика показывает нарастание популярности философии для детей, направления, которое видит свою миссию в развития мышления у детей или, словами Одоевского, учит пользоваться «духовным снарядами». Рецепция и интерпретация Одоевским идей романтиков, связанных с образованием личности, важна для истории философии с точки зрения понимания становления интеллектуальной традиции философии образования в России в XIX в.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на отсутствие явной преемственности педагогических идей Одоевского у романтиков, все же прослеживается романтический исток его размышлений: вслед за романтиками он рефлексировал на тему мышления и чувствования. Однако если романтизм стремится подчеркнуть преодолеть просвещенческий диктат мышления, выставляя чувственность на первый план, Одоевский идет дальше, не пытается мыслить их в противопоставлении. На это указывает его педагогическая позиция развития мышления в период преобладания подчеркнутой чувственности в жизни человека, в период детства. Подобный подход характеризует Одоевского как зрелого мыслителя, который избавлен от романтической категоричности и, в отличие от романтиков, искусно сочетает теорию с практикой.

Список источников

1. *Новалис* Фрагменты. СПб. : Владимир Даль, 2014. 319 с.
2. *Ulrichs Lars-Thade*. Die andere Vernunft. Philosophie und Literatur zwischen Aufklärung und Romantik. Berlin : Akad.-Verl., 2011. 509 S.
3. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
4. *Тураев С.В.* Гёте и его современники. М. : ИМЛИ РАН, 2002. 237 с.
5. Одоевский В.Ф. Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей // Избранные педагогические сочинения / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В.Я. Струминского. М. : Учпедгиз, 1955. 368 с.
6. *Одоевский В.Ф.* Рассказы о божестве, человеке и природе // Избранные педагогические сочинения / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В.Я. Струминского. М. : Учпедгиз, 1955. 368 с.
7. *Валицкая А.П.* Эстетика понимания: способы созидания миров. СПб. : Алетея, 2019. 360 с.

References

1. Novalis. (2014) *Fragments* [Fragments]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Ulrichs, L.-T. (2011) *Die andere Vernunft. Philosophie und Literatur zwischen Aufklärung und Romantik*. Berlin: Akad.-Verl.

3. Schlegel, F. (1983) *Estetika. Filosofiya. Kritika* [Aesthetics. Philosophy. Criticism]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
4. Turaev, S. V. (2002) *Gete i ego sovremenniki* [Goethe and His Contemporaries]. Moscow: RAS.
5. Odoevskiy, V. F. (1955a) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Uchpedgiz.
6. Odoevskij V. F. (1955b) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Uchpedgiz.
7. Valitskaya, A.P. (2019) *Estetika ponimaniya: sposoby sozidaniya mirov* [Aesthetics of Understanding: Ways of Creating Worlds]. St. Petersburg: Aleteiya.

Сведения об авторе:

Васинева П.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: polina.vasineva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vasineva P.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: polina.vasineva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 141.4

doi: 10.17223/1998863X/68/8

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА В ЖИЗНИ АВТОРА И ГЕРОЕВ РОМАНА «БЕСЫ»

Виктор Михайлович Кондратьев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, kondrut@mail.ru

Аннотация. Выявляются значение и смысл парадоксального высказывания Ф.М. Достоевского о том, что он предпочел бы «оставаться со Христом, нежели с истиной». В произведении истина олицетворяет собой науку, внешний мир человека, а Христос представляет внутренний мир жизни человека. Достижению гармонии обоих миров препятствуют бесы, вселившиеся в людей. Единение с Христом, согласно логике произведения, избавит людей от бесов, а Россию – от социальных потрясений.

Ключевые слова: истина, бес, Христос, внутренний мир человека, внешний мир человека

Для цитирования: Кондратьев В.М. Проблема выбора в жизни автора и героев романа «Бесы» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 79–85. doi: 10.17223/1998863X/68/8

Original article

THE PROBLEM OF CHOICE IN THE LIFE OF THE AUTHOR AND THE CHARACTERS OF THE NOVEL “DEMONS”

Viktor M. Kondratyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, kondrut@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to clarifying the sense and meaning of a paradoxical statement of F.M. Dostoevsky, who said that he would prefer “to stay with Christ rather than truth”. He expressed this idea in 1854 in a letter to N.D. Fonvizina. This idea was reproduced in his “Demons” novel, in a dialogue between Shatov and Stavrogin. In the novel, truth epitomizes science, the external world of the human being, whereas Christ represents the world of his/her internal life. And every person realizes his/her choice between the values of these worlds. Characterizing this choice, the author of the paper turns to the work “The Will to Believe” by William James, according to whom, a choice is true when it “belongs to the category of living, necessary and important”, that is, when it contributes to achieving harmony in the person’s life. The problem of harmony turns out to be central in the human being’s life as in the choice between truth and Christ. Setting off science against religion by the characters of “Demons” leads to disharmony of their life, to social conflicts. The way of their resolution in the XIX century was seen by many, including Slavophiles, “in the requirement of larger rapprochement of religion with the lives of people and nations” (I.V. Kireevsky). Indeed, the harmony of the external and internal worlds of the believer’s life is possible if we understand the external world as the “Kingdom of God”, which “is within” the person (Luke 17: 20–21). But the values of the inner world of the person are opposed by natural goods, without which the person cannot live, and most often they were the source of conflicts. Therefore, Stavrogin’s assertion that “the goal of the entire popular movement... is exclusively the search for God...” is untenable. In the absence of God, demons can take His place in the inner world of the person. And only the involvement with a “Great Thought”, according to Stepan Verkhovensky, will save the person from demons, whereas the achievement of harmony in both worlds of human life will rescue Russia from social disturbances. This seems to be the real meaning of the “Demons” novel. In the

information age, the external world overshadows the world of human inner life, and it is our task to take this threat into account.

Keywords: truth, demons, Christ, the inner world of man, the external world of man

For citation: Kondratyev, V.M. (2022) The problem of choice in the life of the author and the characters of the novel "Demons". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 79–85. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/8

Введение: основные вопросы исследования

В данной статье речь идет о жизненно важном выборе, определяющем судьбу человека. Примером такого выбора в данном случае является решение Достоевского «оставаться со Христом, нежели с истиной», даже если ему докажут, «что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа», высказанное им в письме Н.Д. Фонвизиной в 1854 г. [1. С. 176]. В романе «Бесы» эту мысль воспроизводит Шатов в разговоре со Ставрогиним: «...не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» [2. С. 238]. Как же понимать нам смысл этих высказываний писателя? Каково в данном случае значение слов *истина* и *Христос*? Правомерно ли их противопоставление? Что служит основанием их сравнения? Какую роль в жизни человека играет выбор между Истиной и Христом? Каков действительный смысл романа «Бесы»?

Ответить на заданные вопросы, основываясь на методологии философского познания, является целью данной статьи. Достижение поставленной цели зависит как от нашего понимания той, далекой уже от нас эпохи XIX в., так и от выявления значения исходных понятий: вера, выбор, истина, религия, наука, человек, бес, бог, Христос, внутренний и внешний мир жизни человека.

Основания анализа проблемы выбора

В анализе значения исходных понятий оттолкнемся от статьи У. Джеймса «Воля к вере», опубликованной в сборнике его работ 1896 г. [3]. Вера, согласно исследователю, есть вид гипотезы, которая может быть *живой* или *мертвой*. «Живая гипотеза производит впечатление реальной возможности на того, кому ее предлагают» [3. С. 9]. «Жизненность и мертвенность – не внутреннее свойство гипотез, – отмечает У. Джеймс, – но некоторое отношение их к тому, кто их придерживается, отношение, измеряемое готовностью данного лица к действию. Максимум жизненности гипотезы соответствует готовности действовать во что бы то ни стало; это-то и есть собственно вера, но и вообще в малейшей готовности действовать уже таится некоторая склонность к вере.

Далее, назовем решение в пользу той или другой гипотезы *выбором* [3. С. 10]. Готовность «действовать во что бы то ни стало» говорит и о наличии воли, а не только веры. И, если речь идет о познавательном выборе, то предметом его могут быть не только гипотезы, но и учения, теории. Однако, следуя логике У. Джеймса, не будем проводить различий между ними, полагая все их гипотезами. Данный подход позволил У. Джеймсу предложить следующую классификацию видов выбора, который «может быть: 1) *живым* или *мертвым*, 2) *необходимым* или *необязательным*, 3) *важным* или *заурядным*,

а для своих целей мы можем назвать выбор *истинным*, когда он принадлежит к разряду живых, необходимых и важных» [3. С. 10]. Следовательно, можно дополнить предложенную классификацию выбора четвертым видом: *истинным* или *ложным*. И истинным будет выбор, который способствует достижению гармонии указанных Джеймсом параметров. Или, исходя из идеи Джеймса, истинным можно считать выбор, который способствует гармонизации внешнего и внутреннего миров жизни человека. И не приходится сомневаться в том, что выбор Христа Достоевским У. Джеймс считал бы живым, необходимым и важным, т.е. истинным. Заметим только, что исследователь справедливо отмечает роль воспитания человека в принятии им решений. И, добавим мы, способность выбора быть *живым, необходимым и важным* определяется исторической эпохой, общественными и природными условиями жизни человека. Если блага человека, выражающие его природные потребности, существенно не изменяются в истории человечества, то ценности как искусственные блага изменяются радикально, что должно быть принято во внимание при анализе любого вида выбора. Заметим, ценности и блага различаются принадлежностью к внутреннему или к внешнему миру жизни человека. Именно это различие, в нашем понимании, позволяет Достоевскому предпочесть Христа *истине*. Математическое доказательство того, что «истина вне Христа», есть доказательство научное, и *истина* в данном случае олицетворяет собой науку, сферу объективного знания, внешнего человеку мира. Научный же мир становится достоянием внутреннего мира жизни человека, когда он осваивает или творит его, как это происходит, например, в жизни физиков или математиков. Но ни Достоевский, ни положительные герои «Бесов» в этом смысле не принадлежат миру науки, для них это внешний мир. Их же внутренний мир формируется в результате освоения ими религиозного и социального мира.

Проблема соотношения внутреннего и внешнего миров жизни человека волновала еще авторов книг Ветхого и Нового Заветов. Наиболее четко ее решение представил евангелист Лука в ответе Христа фарисеям. «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царство Божие, отвечал им: не придет Царство Божие приметным образом и не скажут: „вот оно здесь“, или „вот, там“. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20–21). Таким образом, Царствие Божие одновременно есть и вне и внутри человека. И выражение «быть с Христом» означает именно единство внутреннего и внешнего миров верующего человека. И если внешний мир для единоверцев один и тот же, то внутренний мир у каждого человека свой, сформированный особенностями его природы (здоровья), воспитания и жизни. Поэтому содержание единства человека с богом у каждого человека свое, особенное. Это единство включает в себя и понимание ценности его для человека. И верующий человек защищает свои религиозные ценности, главной из которых для христианина является образ Христа. О том, каким виделся этот образ Достоевскому в начале его творческого пути, во время посещения кружка Петрашевского (1848–1849 гг.), можно судить по известному письму Белинского Гоголю (1847 г.), которое молодой Достоевский читал членам кружка. В этом письме Белинский характеризовал православную церковь как опору власти и угодницу деспотизма и противопоставлял церкви образ Христа. Согласно Белинскому, Христос «первый возвестил людям учение свободы, равенства и брат-

ства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» [4. С. 515]. Должно быть, именно эти социальные ценности привлекали в то время Достоевского, определяли его выбор «быть с Христом» и в последующие годы. Однако представленное отношение Белинского к церкви разделялось далеко не всеми современниками. Так, один из основоположников славянофильства, учения, неоднократно упоминаемого в «Бесах», И.В. Киреевский видел «в требовании большего сближения религии с жизнью людей и народов» путь к достижению народного единства [5. С. 215]. В осуществлении этого требования видится решение социальных проблем и автору «Бесов». В частности, Достоевский устами героев романа обсуждает вопрос о зависимости национальной определенности человека от его веры. Так, Шатов обращается к Ставрогину с вопросом:

«Вы помните выражение ваше: „Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским“, помните это?

– Да? – как бы переспросил Николай Всеволодович.

– Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тем это одно из самых точнейших указаний на одну из главнейших особенностей русского духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть? Я напому вам больше, – вы сказали тогда же: „Не православный не может быть русским“» [2. С. 237]. Иначе сказать, для героев «Бесов» национальность человека определяется не только наличием в его внутреннем мире религиозной веры, а и определенным ее содержанием, разъединяющим людей.

Определение национальности через «одну из главнейших особенностей русского духа» выглядит сегодня странно, но оно характерно для религиозного человека XIX в., противопоставляющего разум и веру. Прислушаемся к аргументации Шатовым данного положения: «Ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков» [2. С. 238].

И обсуждение вопроса о возникновении религии служит в романе обоснованию второстепенной роли разума в истории человечества. «Мы знаем, например, что предрассудок о Боге произошел от грома и молнии, – вдруг рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина, – слишком известно, что первоначальное человечество, пугаясь грома и молнии, обоготворило невидимого врага, чувствуя пред ним свою слабость» [6. С. 44]. Да, скажем мы, зависимость человека от сил природы послужила основой возникновения религиозных верований, однако заметим, – от *неведомых* человеку сил. Неопределенность же природы веры служит основой сближения людей, а не разобщения и взывает к их разуму.

Итак, зависимость человека от внешних и неизвестной природы сил явилась основой возникновения страха за свою жизнь и создания в дальнейшем религиозных учений. Желание обезопасить себя привело, в конечном счете, к созданию представления о существовании *всемогущего* и *всезнающего*, имя которого – бог. «Цель всего движения народного, – подчеркивает Ставрогин, – во

всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особенный» [2. С. 238]. И эта особенность, заметим, служила основанием разобщения людей. Чтобы устранить это основание, нужно найти истинного бога. Наличие же у каждого народа своего собственного бога говорит о том, что истинный бог еще не найден.

Исканием бога всегда были озабочены верующие. Читаем в «Исповеди» Августина Аврелия: «Ищущие найдут Его, и нашедшие восхвалят Его. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе... <...> Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть место, куда пришел бы Господь мой?» [7. С. 8]. Чтобы искать бога, нужно иметь образ его, образ, создаваемый не только чувством страха, но и воображением как свойством разума человека, и в дальнейшей истории – имеющимися учениями о нем. Достаточно вспомнить о христологических дискуссиях IV–V вв. представителей арианства, несторианства, монофизитства, пелагианства. И сегодня, можем мы сказать, поиски истинного бога народами мира продолжают.

Другим основанием выбора между истиной и Христом, по мнению героев романа, является неспособность разума познать добро или зло. «Никогда еще не было народа без религии, т.е. без понятия о зле и добре. <...> Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука давала же разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунанука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода, войны, неизвестный до нынешнего столетия» [2. С. 239]. Слово «разум» обозначает здесь науку. И в таком случае нужно согласиться с высказанным положением: наука, например математика, не занимается определением *добра* и *зла*, это дело философии и теологии (религии). Поэтому те, кто выбирает лишь истину (науку), не способны различать добро и зло. И в оценке роли в жизни людей «полунануки» Достоевский прав. Большинство героев произведения таковыми и являются, включая отца и сына Верховенских. Они различаются отношением ко злу: сын творит зло, отец, более просвещенный, нет. И именно Степан Трофимович, обращаясь к образу свиней из Ветхого Завета, критически оценивает и свои, и сына действия: «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Это мы, мы и те, и Петруша... et les autres avec lui (и другие с ним. – В.К.), и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и „сядет у ног Иисусовых“... и будут все глядеть с изумлением...» [6. С. 282]. Возможно, этот фрагмент отражает действительную цель романа – исцеление русского народа, освобождение его от бесов. И одним из феноменов этого исцеления выступает мысль, высказанная старшим Верховенским: «Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение веро-

вать в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье, для всех и для всего... Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии. Безмерное и бесконечное так же необходимо человеку, как и та малая планета, на которой он обитает... Друзья мои, все, все: да здравствует Великая Мысль! Вечная, безмерная Мысль! Всякому человеку, кто бы он ни был, необходимо преклониться пред тем, что есть Великая Мысль» [6. С. 289]. Скорее всего, под Великой Мыслью здесь понимается мысль о боге, но она является нам и как неопределенная до конца, как бесконечная. Можно сказать, этим высказыванием признается значение неопределенности в жизни человека. И истолковывается эта неопределенность каждым человеком по-своему. Так, например, мы привычно противопоставляем добро и зло, свободу и зависимость, волю и насилие, власть и народ, бесов и ангелов, но это противопоставление не абсолютно, оно, в частности, зависит от времени и пространства их бытия. Вот как определяет себя Мефистофель из «Фауста» Гёте: «Часть вечной силы я, Всегда желавшей зла, творившей лишь благое» [8. С. 212]. И когда Фауст пытается уточнить пространственную определенность этой силы, то Мефистофель отвечает:

«Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.

Ведь это только вы мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

А я – лишь части часть, которая была

В начале все той тьмы, что свет произвела...» [8. С. 213].

Каждый человек в процессе жизни создает свой внешний и свой внутренний мир. Конечно, он отталкивается от внешнего объективного мира, одинакового для всех, но воспринимает он его в зависимости от своих знаний, индивидуально. В результате создается субъективный внешний мир человека, существующий одновременно с его внутренним миром – продуктом действия мышления, сознания и самосознания, рефлексии, эмоций. Отражением этого процесса служат следующие строки Николая Заболоцкого:

Два мира есть у человека:

Один, который нас творил,

Другой, который мы от века

Творим по мере наших сил [9. С. 276].

Тот мир, «который нас творил», нами еще не познан, не определен. Научное познание, как известно, бесконечно. Познание же на основе веры конечно, определено. И в этом суть различия между истиной науки и истиной веры.

Заключение

Наше обращение к антропологии, к религиозной литературе и к социальной философии XIX в., полагаем, приоткрыло тайну выбора Достоевским: «оставаться со Христом, нежели с истиной». Заметим также, что роль внутреннего мира в жизни человека исторически изменчива. В мифологическую эпоху более значимым для человека был внешний мир, в религиозную эпоху – внутренний. В наше время, в век Информации, внешний мир вновь заслоняет собой внутренний мир человека. И наша задача – способствовать гармонизации двух миров жизни человека.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Письма: 1832–1859 // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. XXVIII, кн. 1. Л. : Наука, 1985.
2. Достоевский Ф.М. Бесы : роман : в 2 т. Т. 1: Части первая и вторая (главы первая – пятая) / предисл., подгот. текста, примеч. Л.И. Сараскиной. М. : Моск. рабочий, 1993.
3. Джеймс У. Воля к вере : пер. с англ. / сост. Л.В. Блинков, А.П. Поляков. М. : Республика, 1997.
4. Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю. 3 июля 1847 // Избранные философские сочинения : в 2 т. М. : ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 512–522.
5. Киреевский И.В. Деятнадцатый век // Русская философия первой половины XIX в. : хрестоматия / сост., библиогр. ст. и примеч. Б.В. Емельянова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 208–227.
6. Достоевский Ф.М. Бесы : роман : в 2 т. Т. 2: Части вторая (главы шестая – десятая) и третья / предисл., подгот. текста, примеч. Л.И. Сараскиной. М. : Моск. рабочий, 1993.
7. Августин Аврелий. Исповедь // Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий : пер. с лат. М. : Республика, 1992. С. 7–222.
8. Гёте И.В. Сцены из Фауста // Избранные произведения. М. : Детгиз, 1963. С. 176–326.
9. Заболоцкий Н.А. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М. : Русская книга, 1996.

References

1. Dostoevsky, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 28(1). Leningrad: Nauka.
2. Dostoevsky, F.M. (1993a) *Besy: roman: v 2 t.* [Demons: novel: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mosk. rabochiy.
3. James, W. (1997) *Volya k vere* [The Will to Believe]. Translated from English by L.V. Blinkov, A.P. Polyakov. Moscow: Respublika.
4. Belinsky, V.G. (1948) *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected Philosophical Works]. Vol. 2. Moscow: OGIZ. pp. 512–522.
5. Kireevsky, I.V. (1987) *Devyatnadsatyy vek* [The nineteenth century]. In: Emelyanov, B.V. (ed.) *Russkaya filosofiya pervoy poloviny XIX v.* [Russian philosophy of the first half of the 19th century]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 208–227.
6. Dostoevsky, F.M. (1993b) *Besy: roman: v 2 t.* [Demons: novel: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mosk. rabochiy.
7. Augustine Aurelius. (1992) *Ispoved'* [Confession]. In: Augustine Aurelius, Abelard P. *Ispoved'. Istoriya moikh bedstviy* [Confession. History of my Disasters]. Translated from Latin. Moscow: Respublika. pp. 7–222.
8. Goethe, I.V. (1963) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Detgiz. pp. 176–326.
9. Zabolotskiy, N.A. (1996) *Stolbtsy i poemy. Stikhotvoreniya* [Columns and Poems. Poems]. Moscow: Russkaya kniga.

Сведения об авторе:

Кондратьев В.М. – доцент, кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: kondrut@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kondratyev V.M. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Institute for the Humanities, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kondrut@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 03.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научная статья

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/1998863X/68/9

ЕСТЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОПЫТА В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

Вячеслав Иванович Коротких

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
shortv@yandex.ru*

Аннотация. На основе анализа ведения, I и VIII глав «Феноменологии духа» рассматривается вопрос о месте «естественного сознания» в структуре субъекта опыта и его роль в становлении понятия философии у Гегеля, обосновывается единство естественного сознания и трансцендентального субъекта опыта в «Феноменологии духа».

Ключевые слова: философия Гегеля, «Феноменология духа», естественное сознание, опыт сознания

Для цитирования: Коротких В.И. Естественное сознание и проблема субъекта опыта в «Феноменологии духа» Гегеля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 86–94. doi: 10.17223/1998863X/68/9

Original article

NATURAL CONSCIOUSNESS AND THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF EXPERIENCE IN HEGEL'S “PHENOMENOLOGY OF SPIRIT”

Vyacheslav I. Korotkikh

*Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation,
shortv@yandex.ru*

Abstract. The article examines the problem of the structure of the subject of “experience of consciousness” in Hegel’s “Phenomenology of Spirit”. The author analyzes the relationship between “natural consciousness” (the “living” consciousness of an individual) that performs random experiences and the transcendental subject. In the structure of the transcendental subject there is the fundamental difference between “observing consciousness”, which Hegel designates as “we”, and consciousness as the subject of consideration. Although in the experience of “Sense-certainty” natural consciousness discovers the universal, and not the individual, which it held on, as its truth, it continues to be a necessary participant of experience. At each step of experience, the phenomenologist is identified with “observing consciousness”, while the changing content of natural consciousness acts as a subject of consideration. The movement of experience is guided by the “observing consciousness”, which sees not only the content of natural consciousness, but also the process of the emergence of its objectivity. The natural consciousness perceives this path as the path of “losing oneself”, although in reality it is also the path of its “cultural development”. The life of natural consciousness forms the “texture of history” as a prerequisite for the formation of the self-consciousness of Spirit. The unity of natural consciousness and the transcendental subject is restored in Absolute knowledge. The historical existence of Spirit in time

coincides with its comprehension in the “scientific process”. The conceptually grasped history becomes the starting point of speculative philosophy, and the achievement of this outcome is possible only as a result of the interaction of natural consciousness and the transcendental subject. In “Preface” Hegel returns to this topic in the context of demonstration that concept is an adequate form of philosophical knowledge, since the rational and discursive nature of philosophy corresponds to the historical dynamics of phenomenological experience.

Keywords: Hegel’s philosophy, Phenomenology of Spirit, natural consciousness, experience of consciousness

For citation: Korotkikh, V.I. (2022) Natural consciousness and the problem of the subject of experience in Hegel’s “Phenomenology of spirit”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 86–94. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/9

Понятие «естественное сознание» формально занимает скромное место в «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. В качестве субъекта опыта Гегель уже в первом предложении основного текста устанавливает трехчастную структуру¹, эволюция которой, как принято считать, приводит к его «снятию». Однако в действительности это понятие, указывающее на индивида как субъекта «случайных» опытов, из «Феноменологии...» также не исключается. Оно упоминается не только в I главе, но и во введении, написанном, по-видимому, после завершения работы над первыми тремя главами; более того, проблематика, связанная с ролью естественного сознания в феноменологическом опыте, обсуждается также в VIII главе (хотя сам термин здесь и не употребляется) и в предисловии, написанном уже после того, как текст произведения был отпечатан. Так, в VIII главе Гегель утверждает, что образуемая жизнью чувственного, т.е. того же естественного, сознания История является необходимой предпосылкой завершения получившего форму «Феноменологии» «научного процесса» (мысль, которая позднее получит известность благодаря образу совы Минервы (см.: [2. С. 56]), а предисловие дает материал для анализа связи естественного сознания с формой научного изложения, в частности, здесь обосновывается необходимость предоставления человеку средства восхождения к науке (философии). Таким образом, естественное сознание сохраняется в важнейших разделах «Феноменологии духа», и этот факт невозможно совместить с привычным представлением о его «снятии» уже на первых этапах опыта. И поскольку в VIII главе естественное сознание представлено в контексте рассмотрения природы философского знания, следует заключить, что анализ его места в «Феноменологии» составляет не только узкую историко-философскую задачу, но и является условием адекватного понимания гегелевской концепции философии, в частности его взглядов на отношение философии к жизни. Выходя за границы проблемного поля «Феноменологии», можно заметить, что Гегелю всегда было чуждо «гностическое» понимание духовной деятельности как, якобы, «привнесенной» в мир извне. Напротив, уже в ранних работах он стремится провести мысль, что духовные потребности человека вырастают из самой жизни (см.: [3]), поэтому и представляется оправданным обратиться к специальному анализу роли

¹ «„Мы“ – знание, составляющее „наш предмет“ – его предмет („непосредственное, сущее“») (см.: [1. С. 51]).

естественного сознания в процессе становления гегелевского понимания природы философского знания¹.

При этом следует признать, что замысел «Науки опыта сознания» предполагает именно научное, вскрывающее закономерности опыта, раскрытие предмета, в связи с чем в заключительных параграфах введения подробно рассказывается о том, как организовано изложение, каким образом последовательность отдельных опытов «возвышается до научного процесса» (см.: [1. С. 49]). К сожалению, сам Гегель не характеризует подробно связь естественного сознания с трансцендентальным субъектом опыта, однако, можно с уверенностью утверждать, что его подход к описанию опыта сознания принципиально отличается от тех современных философов способов оперирования понятиями, обозначения которых под его пером звучат, как правило, иронично – «дедущирование», «нахождение а priori» и т.п. (см.: [1. С. 55]). Движение трансцендентальных структур в нем непрерывно соотносится с «живым» сознанием, вследствие чего позднее Гегель будет говорить о нелепости предположений, будто индивидуум способен «выпрыгнуть из своего времени», а философия – «преодолеть современный ей мир», ведь всякий человек является «сыном своего времени», а философия лишь «постигает свою эпоху (*Zeit*) в мыслях» (см.: [4. S. 26]).

Анализ текста показывает, что естественное сознание выступает в «Феноменологии» то в качестве антагониста, то в качестве союзника совершающего опыта протагониста – трансцендентального субъекта. Так, высказывая «удивление» в связи с тем, что для сознания будто бы обладает несомненной истиной утверждение «реальности или бытия внешних вещей как *этих*, или чувственных» [5. S. 87]², тогда как в действительности в качестве истины чувственной достоверности выступает всеобщее, Гегель замечает, что «естественное сознание и само постоянно движется к тому же результату (всеобщему. – *B.K.*), который составляет ее („чувственной достоверности“ как трансцендентальной структуры. – *B.K.*) истину, и удостоверяется в этом на опыте» [5. S. 86]. Итак, естественное сознание, будучи «в-себе-всеобщим» (см.: [1. С. 58]), в опыте раскрывает эту свою внутреннюю природу, что и определяет направление его движения, ведущего, в конце концов, к Абсолютному знанию. Однако продолжение прерванной у нас цитаты выглядит, на первый взгляд, странно: «но только оно постоянно и забывает об этом, и начинает движение сначала» [5. S. 86]. Что значит забывает? Почему естественное сознание забывает достигаемый результат, всеобщее, в котором

¹ Рассмотрение заявленной темы приобретает и практическую значимость, его результаты востребованы в процессе преподавания философии, центральное место в котором занимает завершающаяся гегелевской системой классическая европейская философия. Демонстрация роли естественного сознания в феноменологическом опыте исключает возможность принятия как логицистского истолкования гегелевской системы, так и экзистенциально-антропологической интерпретации «Феноменологии» – подходов, которые с противоположных позиций искажают гегелевское понимание философии. Как будет показано далее, конституирование в «Феноменологии» логической предметности требует и «обратного действия» – «вспоминания-самоуглубления», т.е. исторической рефлексии духа, отсылающей его к естественному сознанию как к своему истоку; только равновесие указанных тенденций удерживает философию от вырождения в игру с абстракциями, а с другой стороны, предостерегает от недооценки философии как одного из универсальных образов человеческой культуры.

² Оригинал «Феноменологии духа» здесь и далее цитируется по изданию, воспроизводящему текст, представленный в рамках историко-критического издания (см.: [6]), однако, более доступному для отечественного читателя.

раскрывается его сущность? Прежде чем ответить на эти вопросы, обратим внимание еще на одно близкое по смыслу место: естественное сознание – это сознание, «еще заполненное и обремененное...» «естественными представлениями, мыслями и мнениями, сознание, которое «*непосредственно* (*geradezu*) приступает к исследованию, но вследствие этого на деле неспособно к тому, что оно пытается предпринять» [5. S. 70]. Если сознание не может достичь успеха, приступая к делу «непосредственно», то что же оно должно прежде совершить, чтобы избежать неудачи, «не забывать» достигаемого результата, начиная движение снова и снова, а последовательно и методично продвигаться вперед?

Дело в том, что само естественное сознание не может пройти путь опыта как научный процесс; стихийное выявление его внутреннего содержания в отдельных опытах выливается в Историю с ее повторениями и бессмысленной тратой сил. Для преодоления этой принципиальной трудности Гегель и моделирует феноменологическую ситуацию, намечая указанную выше структуру субъекта опыта: в естественном сознании выделяется отдельная инстанция, задачей которой становится не столько наблюдение попадающего в сферу сознания содержания, сколько точная фиксация и осознание этого процесса; подчеркнем – она выделяется в самом естественном сознании, которое и остается носителем всех трансцендентальных структур, а потому и не может «исчезнуть», оказаться «окончательно снятым». В этой связи анализ естественного сознания как сферы разворачивания феноменологического опыта представляется принципиально важным для адекватного истолкования гегелевского учения о философии, и еще одним аргументом в пользу такого взгляда является то, что Гегель возвращается к теме естественного сознания как раз в тех разделах книги – VIII главе и предисловии, где он оказывается перед необходимостью подводить итог своим поискам природы и формы философского знания.

В тексте эту инстанцию Гегель обозначает как мы, для нас (хотя иногда это местоимение используется им и в обычном смысле, как приглашение к размышлению над тем или иным вопросом), тогда как сознание, остающееся объектом рассмотрения (по содержанию это и есть естественное сознание), – как оно, ему¹. Поскольку автор (а затем и читатель) должны занять место именно в том пункте, который соответствует этой новой искусственно созданной инстанции, чтобы «опыт сознания» вообще начался², ее можно назвать нашим сознанием в отличие от самого сознания как предмета рассмотрения³.

¹ Гегель настойчиво использует для их различения винительный и дательный падежи, что, к сожалению, не всегда можно воспроизвести в русских переводах, в связи с чем и оказывается неизбежным дублирование немецких местоимений (см.: [7]).

² В «Феноменологии духа», замечает А.Д. Власов, «само изображение есть уже побуждение (и пробуждение) к жизни изображаемого» [8. С. 8].

³ Следует констатировать, что роль «мы» или «нашего сознания» в «Феноменологии» до сих пор представлена в научной литературе явно недостаточно, хотя в последние десятилетия и появлялись отдельные работы на эту тему (см., например, [9–12]). Гегелевское понятие структуры субъекта опыта сознания должно выступать и в качестве принципа анализа структуры произведения, поскольку каждое из трех «действующих лиц» повествования – наше сознание, само сознание и предмет – проходит один и тот же с формальной точки зрения путь опосредствования бытия и иного, завершающийся бесконечностью (см.: [13]).

Лежащая в основе всего замысла «Науки об опыте сознания» идея моделирования феноменологической ситуации путем указанного «расслаивания» сознания, по-видимому, была настолько естественной для Гегеля в период работы над произведением, что она находит в тексте самые разные выражения и вплетается в различные контексты, например: «Сознание есть, с одной стороны, сознание предмета, а с другой – сознание самого себя; сознание того, что есть для него (ihm) истинное, и сознание своего знания об этом» [5. С. 74] и т.п. Насколько оригинален этот гегелевский замысел? Думается, можно смело утверждать, что никто ни до ни после автора «Феноменологии духа» не осуществлял подобный замысел столь последовательно и масштабно, пытаясь охватить все образы сознания, нашедшие отражение в истории человеческой культуры. С другой стороны, гегелевская идея «Науки об опыте сознания» наследует всем тем тенденциям новоевропейской философии, которые были связаны с понятием трансцендентального субъекта, оказываясь, может быть, самым рафинированным их выражением¹.

Вернемся, однако, к гегелевским характеристикам естественного сознания и обратим внимание на то, что само это выражение один раз встречается в I главе, трижды во введении и ни разу во всех последующих разделах основного текста, появляясь снова (дважды) только в предисловии. Хотя чувственная достоверность открывает всеобщее (правда, абстрактное) как свою истину и, как могло бы показаться, места для естественного сознания в опыте не остается, в действительности на каждом из его этапов предшествующие образы сознания – в качестве упомянутых «носителей» трансцендентальных структур – продолжают выступать в роли естественного сознания по отношению к последующим; они – предмет рассмотрения и критики последних, но также и их субстрат, носитель добываемых в опыте новых знаний, и его устранение означало бы разрушение важнейшего условия опыта. В этом пункте открывается принципиальный недостаток известных нам исследований и комментариев «Феноменологии духа»², восполнить который мы и стремимся в предлагаемой статье: естественное сознание и за пределами чувственной достоверности остается «живым» субъектом опыта, что еще раз станет очевидным в VII и VIII главах, поскольку в Религии откровения и Абсолютном знании – двух формах самосознания Духа – все содержание предшествующего опыта воспроизводится в качестве воспоминания-самоуглубления (см.: [1. С. 388, 401, 434]), субъектом которого может выступать только естественное сознание.

Вместе с тем впечатление «исчезновения» естественного сознания, которое остается у читателя после I главы, также не является случайным, более

¹ М.К. Мамардашвили отмечает, что Кант «различает две, казалось бы, совершенно тождественные вещи: знание о чем-то и восприятие этого знания в качестве знания о чем-то» [14. С. 116], настаивая на том, что «феномен осознания не есть то содержание, которое осознано. Термины и указания будут одни и те же, но иметься ввиду будет нечто другое. Другой срез того же самого: когда мы взглядом, заданным извне, рассматриваем предмет и нас, познающих этот предмет. Это операция сопоставления некоего предмета с неким взглядом, данным в мире» [14. С. 108–109]. Если не принимать во внимание последнее высказывание, которое звучит несколько «экзистенциалистски», то можно сказать, что это описание относится и к «Феноменологии духа».

² А.Д. Власов ограничивает сферу действия «естественного сознания» главами I–IV (см.: [8. С. 145]), тогда как большинство комментаторов склонялись к тому, что оно вытесняется из феноменологического опыта «постепенно», хотя, разумеется, самые решительные изменения в его положении также связываются с движением от чувственной достоверности к рассудку.

того, и само оно, впадая, как выражается Гегель, в сомнение и отчаяние, оплакивает свою судьбу; однако оно сохраняется в качестве элемента структуры субъекта опыта, приобретая на каждом из этапов опыта новый облик. Эта подвижная природа естественного сознания находит отражение в контексте обсуждения положений о скептицизме и образовании сознания. Скептицизм – неизбежный спутник естественного сознания¹, причем «только скептицизм, направленный на весь объем являющегося знания, делает дух способным исследовать, что есть истина, побуждая отчаиваться в так называемых естественных представлениях, мыслях и мнениях... которыми еще заполнено и обременено сознание» [5. S. 70]. Хотя естественное сознание оказывается «лишь понятием знания или нереальным знанием» и предстоящий путь опыта «имеет для него негативное значение», так что «реализация понятия... представляется ему, скорее, потерей самого себя» (см.: [5. S. 69]), тем не менее этот путь есть и «осознанное понимание неистинности являющегося знания, для которого (ihm) самым реальным является то, что поистине представляет собой, скорее, лишь нереализованное понятие» [5. S. 69]. Обратим внимание на выражение осознанное понимание («die bewußte Einsicht»). Кто является субъектом осознания – естественное сознание или та инстанция трансцендентальной структуры, которую мы назвали нашим сознанием? – Думается, самым испытываемым естественным сознанием, это же оно раздваивается (знаменательная игра слов «der Zweifel» и «die Verzweiflung») на образ сознания, развенчанный в опыте, и новый образ, возникающий в результате его обращения (die Umkehrung). Последний на каждом из этапов и принимает эстафету, которую команда феноменологических гештальтов приносит к финишной черте – Абсолютному знанию.

Допустим ли подобный вывод? Посмотрим на гегелевскую характеристику естественного сознания, данную в контексте обсуждения статуса будущей «Феноменологии духа»: «Поскольку же предмет этого изложения составляет лишь являющееся знание, то кажется, что само оно не есть свободная, движущаяся в свойственной ей форме наука, а может с этой точки зрения рассматриваться как путь естественного сознания, пробивающегося к истинному знанию, или как путь души, которая проходит полный ряд своих форм (Gestaltungen) в качестве уготованных ей ее природой ступеней, с тем чтобы возвыситься до духа, достигнув благодаря полному познанию (Erfahrung) самой себя знания того, что она есть в себе самой» [5. S. 68–69]. Итак, в «Феноменологии» именно естественное сознание пробивается к истинному знанию, оно же – душа – проходит ряд форм и возвышается до духа, очищается до знания своей сущности.

Конечно, было бы неправильно безоговорочно отождествлять это сознание с естественным сознанием I главы; между трансцендентальными структурами и живым сознанием как их носителем складываются тонкие отношения, прояснение которых составляет непростую задачу. И все же можно утверждать, что, например, та же сформулированная Гегелем идея образования, предполагающая, кроме прочего, и необходимость, говоря словами Гёте,

¹ К. Дюзинг указывал на связь чувственной достоверности с античным скептицизмом (см.: [15]), хотя последний, как правило, заканчивал как раз чистым ничто и имел мало общего со скептицизмом как феноменологической диалектикой, т.е. универсальной самокритикой сознания, представленной у Гегеля.

пройти через все эпохи мировой культуры, не может быть целью трансцендентального субъекта, а это позволяет видеть в сознании, достигающем Абсолютного знания, именно естественное сознание, пусть и сопровождаемое – или даже ведомое – сконструированным трансцендентальным субъектом опыта; повторим, что историческое бытие духа во времени, провозглашаемое Гегелем предпосылкой его постижения в форме понятия в науке (философии), соткано именно жизнью естественного сознания.

Однако в VIII главе мы встречаем и более неожиданные размышления философа, касающиеся места непосредственного сознания (т.е. того же естественного сознания) в философии. Он говорит об открывающейся в науке необходимости «отрешения формы чистого понятия» и «переходе понятия в сознание» (см.: [5. S. 565]). Основание этого – непосредственное равенство познавшего себя, постигшего свое понятие духа, с самим собой. Заметим, что связь непосредственности и отрешения понятия является одной из самых загадочных сторон гегелевской философии. Наиболее известен этот сюжет на материале «Энциклопедии», в которой логическая идея, достигнув непосредственности – синтезировав все свои определения в абсолютной идее, – отпускает себя в природу (см., например, [16]). Но здесь, в последних параграфах «Феноменологии духа» (названной уже этим именем), мы встречаемся сразу с тремя возможными формами этого труднообъяснимого события (которое, по шутливому выражению Маркса, заставило гегельянцев «так страшно ломать себе голову»): переход в начало опыта сознания, переход в природу и переход в историю. И применительно к первому случаю Гегель говорит о возвращении к началу «Феноменологии» – к *достоверности непосредственного* или к *чувственному сознанию* (см.: [5. S. 565]).

Если ограничиваться контекстом рассматриваемого фрагмента, то можно указать на гегелевское диалектическое (конкретное) понимание тождества как основание подобного хода мысли: тождество уже содержит в себе различие, понятие уже сняло в процессе становления свою противоположность; непосредственность – итог процесса опосредствования, а поэтому и движение знания предполагает возвращение к началу – естественному сознанию. Последнее здесь воистину воскрешается, поскольку только таким способом можно разорвать непосредственность отношения Абсолютного знания к самому себе, т.е. сохранить его конкретность, богатство содержания. Легко понять, что его философское (рациональное) постижение доступно только в дискурсивно описываемом становлении (отсюда и берет начало гегелевская апология понятийного характера философского познания, развернутая в предисловии), поэтому «змея и кусает себя за хвост»: Абсолютное знание, свернувшись в непосредственность самотождественности, возвращается к естественному сознанию как к своему истоку.

Укажем в этой связи на знаменательную (и, кажется, до сих пор остававшуюся незамеченной исследователями) переключку упоминавшегося в начале статьи забвения [5. S. 86], прерывающего опыт естественного сознания и вытягивающего его в измеряющуюся веками и тысячелетиями Историю, и «вспоминания-самоуглубления» (Er-Innerung) духа (см.: [5. S. 566]), которое служит его зеркальным отражением и противовесом в едином движении Истории-Феноменологии; этот единый круг – «die begriffne Geschichte» (см.: [5. S. 567]), – смыкающийся и снова разрывающий себя в

точках чувственной достоверности и Абсолютного знания, и есть найденное мыслителем в «Феноменологии духа» основание венчающей духовную жизнь человека спекулятивной философии, достижение которого было бы невозможно вне деятельной роли естественного сознания в движении феноменологического опыта.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения. М. : Соцэкгиз, 1959. Т. IV. 440 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Plotnikov N. *Gelebte Vernunft. Konzepte praktischer Rationalität beim frühen Hegel*. Stuttgart ; Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2004. 415 S.
4. Hegel G.W.F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse* // Werke in 20 Bänden. Fr. a. M. Suhrkamp, 1989. Bd. 7. 523 S.
5. Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. Stuttgart : Philipp Reclam jun, 1987. 596 S.
6. Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes* / Hrsg. von W. Bonsiepen und R. Heede // *Gesammelte Werke*. Bd. 9. Hamburg : Meiner, 1980. 526 S.
7. Коротких В.И. Русские переводы «Феноменологии духа» и проблема передачи гегелевской мысли в современном философском языке // Философская мысль. 2016. № 8. С. 82–92.
8. Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа). М. : МИФИ, 1997. 540 с.
9. Dove K.R. Hegel's Phenomenological Method // *The Review of Metaphysics*. 1970. Vol. 23, № 4. P. 615–641.
10. Marx W. *Die Dialektik und die Rolle des Phänomenologen* // *Hegel-Jahrbuch*, 1974. Köln : Pahl-Rugenstein, 1975. S. 381–387.
11. Marx W. *Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in «Vorrede» und «Einleitung»*. Fr. am M. : Vittorio Klostermann, 1981. 136 S.
12. Parry D.M. *Hegel's Phenomenology of the "we"*. New York : P. Lang, 1988. 272 p.
13. Коротких В.И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля. М. : ИНФРА-М, 2011. 383 с.
14. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М. : Аграф, 2002. 320 с.
15. Düsing K. *Die Bedeutung des antiken Skeptizismus für Hegels Kritik der sinnlichen Gewißheit* // *Hegel-Studien*. 1973. Bd. 8. S. 119–130.
16. Wandschneider D., Höhle V. *Die Entäusserung der Idee zur Natur und ihre zeitliche Entfaltung als Geist bei Hegel* // *Hegel-Studien*. 1983. Bd. 18. S. 173–199.

References

1. Hegel, G.W.F. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. IV. Moscow: Sotsekgiz.
2. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'.
3. Plotnikov, N. (2004) *Gelebte Vernunft. Konzepte praktischer Rationalität beim frühen Hegel*. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.
4. Hegel, G.W.F. (1989) *Werke in 20 Bänden*. Vol. 7. Frankfurt am Mein: Suhrkamp.
5. Hegel, G.W.F. (1987) *Phänomenologie des Geistes*. Stuttgart: Philipp Reclam jun.
6. Hegel, G.W.F. (1980) *Gesammelte Werke*. Vol. 9. Hamburg: Meiner.
7. Korotkikh, V.I. (2016) Russkie perevody "Fenomenologii dukha" i problema peredachi gegelevskoy mysli v sovremennom filosofskom yazyke [Russian translations of the "Phenomenology of the Spirit" and the problem of transferring Hegelian thought in modern philosophical language]. *Filosofskaya mysl'*. 8. pp. 82–92.
8. Vlasov, A.D. (1997) *Slovar' po filosofii Gegelya (Fenomenologiya dukha)* [Dictionary of Hegel's Philosophy (Phenomenology of Spirit)]. Moscow: MIFI.
9. Dove, K.R. (1970) Hegel's Phenomenological Method. *The Review of Metaphysics*. 23(4). pp. 615–641.
10. Marx, W. (1975) *Die Dialektik und die Rolle des Phänomenologen*. *Hegel-Jahrbuch*. 1974. Köln: Pahl-Rugenstein. pp. 381–387.
11. Marx, W. (1981) *Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in "Vorrede" und "Einleitung."* Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
12. Parry, D.M. (1988) *Hegel's Phenomenology of the "we"*. New York: P. Lang.

13. Korotkikh, V.I. (2011) *“Fenomenologiya dukha” i problema struktury sistemy filosofii v tvorchestve Gegelya* [“Phenomenology of Spirit” and the Problem of the Structure of the System of Philosophy in the Works of Hegel]. Moscow: INFRA-M.

14. Mamardashvili, M.K. (2002) *Kantianskie variatsii* [Kantian Variations]. Moscow: Agraf.

15. Düsing, K. (1973) Die Bedeutung des antiken Skeptizismus für Hegels Kritik der sinnlichen Gewißheit. *Hegel-Studien*. 8. pp. 119–130.

16. Wandschneider, D. & Höhle, V. (1983) Die Entäusserung der Idee zur Natur und ihre zeitliche Entfaltung als Geist bei Hegel. *Hegel-Studien*. 18. pp. 173–199.

Сведения об авторе:

Коротких В.И. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: shortv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Korotkikh V.I. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: shortv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2021;

одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022

The article was submitted 06.02.2021;

approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научная статья
УДК 17.03
doi: 10.17223/1998863X/68/10

ДВЕ НЕМЕЦКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Василий Леонидович Курабцев

*Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, Россия,
kurabtsev@mail.ru*

Аннотация. Анализируются аксиологические оппозиции (дихотомии) двух немецких идеологий – государственно-националистической и экзистенциально-гуманистической. Выявляются те сущностные акценты ценностей, которые одних немцев вдохновляли на агрессивно-насильственную деятельность, а других – на, скорее, противоположную активность. В заключение обоснована повторяемость идеологий и исторических событий.

Ключевые слова: аксиологические оппозиции, государственно-националистический, экзистенциально-гуманистический, брутальность, человечность, расизм, национализм, антирасизм, интернационализм, гуманизм, экзистенциализм

Для цитирования: Курабцев В.Л. Две немецкие идеологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 95–107. doi: 10.17223/1998863X/68/10

Original article

TWO GERMAN IDEOLOGIES

Vasilii L. Kurabtsev

Moscow Region State University, Moscow, Russia, kurabtsev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the axiological oppositions (dichotomies) of two German ideologies – state-nationalist and existential-humanistic. The work is aimed at identifying the philosophical and ideological foundations of the history of Germany in the XIX – first half of the XX centuries. They are connected, first of all, with the struggle of two German ideologies that asserted opposite axiological values. The task is to identify those essential accents of values that inspired some Germans to aggressive and violent activity, and others to rather the opposite activity. The first axiological opposition of ideologies is almost anti-Christianity and Christianity. The doubtfulness of Hegel’s “Lutheranism” and the spiritual Christianity of Francis of Assisi and Hesse are shown. The second opposition is brutality and humanity. The arguments of Hegel’s brutality and rigidity and the humane motives of Hesse’s ideology are presented. The third is militarism and anti-militarism. The article shows the assessment of wars by a number of German thinkers, Hegel and the reverse assessment by Hesse. It shows Hesse’s struggle to awaken a sense of responsibility among the German people after 1945. The fourth opposition is revolutionism and anti-revolutionism in two ideologies. The fifth is the racism and nationalism of the German thinkers, Hegel and Hesse’s anti-racism and internationalism. The sixth dichotomy is the totalitarian spirit and the anti-existentialism of Hegel and humanism, as well as Hesse’s existentialism. Hesse defends a person’s personal choice, *personal path*, sometimes even in spite of the state, society, nation. In conclusion, the repeatability of ideologies and historical events is justified. The dichotomies of nationalism and globalism, fanaticism and pragmatism and others are shown; the change of the principles of existence and types of morality in the “spiritless” world.

Keywords: axiological oppositions, state-nationalist, existential-humanistic, brutality, humanity, racism, nationalism, anti-racism, internationalism, humanism, existentialism

For citation: Kurabtsev, V.L. (2022) Two german ideologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 95–107. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/10

Немецкий народ в европейской и мировой истории последние две тысячи лет играл значительную роль. В XX в. две мировые войны развязала прежде всего Германия, решая вопросы «жизненного пространства», колониальных приобретений, господства в Европе и мире, развития своей нации и культуры. Каковы же философско-идеологические основания этих событий? Они видятся связанными, прежде всего, с борьбой двух немецких идеологий, утверждавших противоположные *аксиологические ценности*. Автор не ставил целью детально показать весь противоречивый идеологический процесс в Германии, даже на протяжении «всего лишь» XIX–XX вв., его задача – выявить те *сущностные акценты ценностей*, которые одних немцев вдохновляли на агрессивно-насиловательную деятельность, а других – на, скорее, противоположную активность.

Первые акцентированные ценности, весьма сильные и характерные для Германии последних двух веков, – *государственно-националистические идеи*, причем нередко с аргументированным военным (как бы необходимым) уклоном. У истоков немецкого национализма оказались крупные мыслители – Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) (основатель концепции самого национализма, хотя он и не поддерживал его программу) и Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), считающийся отцом-основателем немецкого национализма. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» понимал нацию метафизически – не столько как продукт природы и истории, сколько как особую идею Бога с присущим ей неповторимым языком и миссией в мире. Немцев он наделял многими добродетелями: верностью, сдержанностью, смелостью, светлой головой и справедливым умом.

Не удивительна и позиция Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), касающаяся Германии, – это особая великая страна в сердце Европы, объединяющая «Срединную Европу» (будущий термин пангерманизма). Античная философия, в его понимании, продолжилась именно в немецкой философии. А высшее достижение четырех всемирно-исторических царств – «примирение ...объективной истины и свободы» – реализовалось исключительно «северным началом *германских народов*» [1. С. 441].

Современник Гегеля и Гёте, Эрнст Мориц Арндт (1769–1860) высказывался еще более откровенно и в духе национализма, а также антисемитизма и славянофобии. В своей «Речи о мире» Арндт называл немцев «пупом» и «сердцем» Европы. При этом, оказывается, войны нужны, ибо без них народ погружается в ничтожность и лень. А чтобы этого не произошло, немцам надо вернуться во времена благородных варваров – древних германцев. Причину разрушения связи с германцами Арндт усмотрел в классической литературе (т.е. во многом в общечеловеческой нравственности). Между тем Мать-Природа особенно глубоко связана с нордической расой. Арндт сожалеет о том, что немцы поддались «лжеучениям» гуманизма и космополитизма.

Идеи Арндта, Гегеля и других националистов были подхвачены (или высказаны во многом независимо) многими мыслителями Германии: Карлом фон Клаузевицем (1780–1831), Фридрихом Ницше (1844–1900) (оправдание войны), Освальдом Шпенглером (1880–1936), Генрихом фон Трейчке (1834–1896), Хельмутом Карлом Бэрнхардом фон Мольтке, Мольтке Старшим (1800–1891) и др. У Кольмара фон дер Гольца (1843–1916) можно прочесть следующее: «Германия еще не достигла зенита», «время покоя еще не настало и что предсказание о последней решительной битве за существование и величие Германии не есть химера, распространяемая честолюбцами» [2. С. 440].

Разумеется, немцы были не единственными европейцами, кто высказывался в духе национализма и расизма, – это также швед Челлен с его геополитическими идеями, французы Гобино и Лапуж (расовая теория), англичанин Хьюстон С. Чемберлен и др.

Мартин Хайдеггер (1889–1976) тоже, причем тайно, в своих «Черных тетрадах», возвеличивал «национальных героев», сравнивая нацистов с древними греками. Он признавал свой народ «метафизическим», причастным к Бытию, и не сомневался, что другой народ Германии, а именно евреи, предательски уводит от Бытия к сущему.

Вторая идеология – *экзистенциально-гуманистическая* – тоже имела своих героев. Из них особо выделяется немецко-швейцарский писатель и гуманист Герман Гессе (1877–1962). В его понимании Германская республика начала 30-х гг. не может не вызывать «глубокого недоверия». «Это беспочвенное и бездуховное государство возникло из вакуума, из всеобщей усталости после войны» (после Первой мировой войны) [3. С. 199].

Гессе зовет свою нацию к человечности и христианству и сражается за эти идеалы с Гегелем, нацистами и едва ли не с большинством своего народа. И его пребывание даже в нейтральной Швейцарии было опасным. «В годы войны мы здесь, в швейцарском „раю“, каждый день могли ждать „добрососедского“ визита коричневых бесов и что в нашем раю нас, людей из черного списка, уже ждала тюрьма или виселица» [3. С. 286].

В государственно-националистической и экзистенциально-гуманистической идеологиях Германии явственно проступают более *конкретные ценностные оппозиции*: почти антихристианство – христианство, brutality – человечность, милитаризм – антимилитаризм, радикализм – антирадикализм, расизм и национализм – антирасизм и интернационализм, тоталитарный дух и антиэкзистенциализм – гуманизм и экзистенциализм.

Почти антихристианство – христианство

Изначально, с европейского и немецкого гуманизма XV в., наиболее часто гуманистами оказывались критически мыслящие христиане, например Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536), который предпочитал национальному энтузиазму позицию гражданина мира и выступал против всякого насилия и войн. Морально-идеологическая близость к христианству обнаруживается у Фридриха Шиллера (1759–1805), Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), Иммануила Канта (1724–1804). Кант был убежден, что ход истории неизбежно ведет к прогрессу, к идеальному гражданскому обществу («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском отношении»). В сочинении «О вечном

мире» он предполагал возможность вечного мира на основе «великого народного союза», конфедерации правовых государств.

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832), как гуманист, как человек, при всей противоречивости своего героя Фауста и личной противоречивости, всегда верил «в победу благородного над злым», был «личностью с неистребимым этическим потенциалом, для которой лишь „совесть – светило нравственного дня“» (см.: Гёте. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 466).

Нередко христианство мыслителей достигало такого уровня пересмотра христианских ценностей, что оказывалось едва ли не *антихристианством*. Например, Г.В.Ф. Гегель неоднократно говорит о себе: «Я лютеранин и хочу остаться им» [4. С. 126]. Однако вопрос о его христианстве проблематичен. Он учился в Тюбингенской лютеранской семинарии, а там преобладало ироничное отношение к чудесам Библии. То есть к самому существенному в Священном Писании. Жак Д'Онт пишет, что в основном «в душе *итифтлера* перевешивало христианство, но иногда... язычество», например Вакх или Сократ [5. С. 65]. Католическую схоластику Гегель оценивал как «несвободное» мышление. После окончания семинарии служить пастором он не пожелал, поскольку реальная церковь «предает „божественное начало“» [5. С. 92]. А в письме к Шеллингу «общим домом» назвал «невидимую церковь». Д'Онт уверен, что «невидимая церковь – это франкмасонство» [5. С. 121], впрочем, неподтвержденное у Гегеля.

В Швейцарии он создает сочинение «Жизнь Иисуса» (1795), в котором, согласно Д'Онту, Христос представлен без сверхъестественных чудес и напоминает «учителя кантианской морали» [5. С. 110]. В своих лекциях по философии религии Гегель «довольно грубо посмеялся над католической концепцией Евхаристии» [5. С. 320].

Не есть ли это просто лютеранство? Гегель говорит: «Причастие, согласно лютеранскому пониманию, есть нечто божественное лишь в вере, во вкушении, а не почитается как святые дары; точно так же образ святого есть для нас только камень или предмет» [4. С. 127]. В целом «христианские» ценности Гегеля таковы: нравственность, а не святость; брак, а не святость безбрачия; «обладание имуществом и деятельностью», а не «святость бедности и ее праздности»; служба государству, а не «святость послушания, чуждого всяким обязанностям и правам, порабощения совести»; свобода духа, а не «религия несвободы» [6. С. 376].

Для монахов и других «благочестивых людей» у Гегеля находятся только такие слова: «жалкие создания», «вши или паразитические растения». У них «овечья кротость», «паралитичная и трусливая кротость» [5. С. 190, цит. Гегеля]. А главное – у монахов нет никакой энергии и деятельности для целей всеобщего, для Разума!

Тайна святого Франциска Ассизского, который «верил, что открыл тайну жизни и она – в том, чтобы *стать слугой, стать вторым* (выделено мной. – В.К.), а не первым» [7. С. 45], – полная противоположность тайне жизни человека в понимании Гегеля. И в конце концов даже Бог Гегеля оказался *только* Абсолютной Идеей, творящей «мир и человека *в целях самопознания* (выделено мной. – В.К.)», причем с чудовищными затратами человеческих индивидуальностей, поколений и сил [8. С. 16]. И.А. Ильин так выразил соотношение живого Бога и разумного Абсолюта Гегеля: «Сущность Божия

превышает пути и судьбы Субстанции в мире» [9. С. 499]. К тому же, согласно Ильину, Бог – Един, а Субстанция Гегеля – непрерывно внутренне раздваивается.

И в результате получилось *неполное, двусмысленное и сомнительное христианство*. Может быть, даже антихристианство? Ведь истина Гегеля (Абсолютная Идея) – это абсолютный разум, самопознающий и самораскрывающийся. *Вне* Второй Ипостаси, *вне* Добра, *вне* Любви, *вне* милосердия, кротости и смирения.

Другой немец – Герман Гессе, тоже протестант из рода южнонемецких проповедников и миссионеров, говорил иначе: «Я индивидуалист и считаю христианское благоговение перед каждой человеческой душой самым лучшим и самым святым в христианстве» [3. С. 277].

В статье «Толстой и Россия» (1915) он написал: «Если же теперь, размышляя о будущем, мы исключим из своего европейского понимания Россию и русскую сущность, мы тем самым отсечем себя от глубокого и мощного источника». Этот источник – православное христианство. «От России к нам вновь приходит столь мощный поток душевности, изначально христианской любви, по-детски непоколебимой жажды искупления, что наша европейская литература внезапно обнаруживает узорность и мелочность» [3. С. 66].

Не предсказал ли Гессе в письме к Альфреду Шленкеру (1915) будущее Европейского Союза? Он написал о том, что объединенная Европа – это лишь «подготовительная ступень истории человечества». «Понадобятся культура души и глубокие религиозные ценности, а они лучше развиты у русских и азиатов. Национализм не может быть идеалом» [3. С. 74].

А для Гегеля, скорее всего, Россия была чем-то презренным. Ведь полагал же он, что победители Наполеона – из отсталых и реакционных стран. «Гегель их с ксенофобским презрением именует „казаками“, „хорватами“, „чувашами“, бранными, на его взгляд, словами» [5. С. 311].

Для многих же других мыслителей XIX – первой половины XX в. христианство еще более ненужный акцент: это и Ницше, и Клаузевиц, и идеологи войны и нацизма. К. Клаузевиц утверждал, что не следует стеснять себя никакими ограничениями в ситуации войны, никакими нормами международного права и общечеловеческой морали. «Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд» [10. С. 14].

Брутальность – человечность

Брутальность, жесткая воинственность, воля к власти разлиты во многих немецких учениях (Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Маркс, Г. Штегеман и др.). Например, Штегеман в работе «Война» (1939–1940), критикуя Клаузевица, написал о том, что сущность войны – беспощадная и беспредельная «демония», без всяких смягчений, исключительно с духом уничтожения.

Гегель, предположительно, – один из предтеч этой жесткости. Характерен биографический эпизод с лишением фамилии Гегель незаконнорожденного сына Луи (Людвига). Мальчик был принят в семейство Гегеля, но однажды он был уличен в краже ничтожной суммы – 60 пфеннигов. «Гегель впал в ярость», перевел мальчика на «девическую фамилию матери: Фишер» [5. С. 228] и исключил из семейства.

Второй эпизод – личная встреча философа с «цареубийцей, одним из самых беспощадных „террористов“» [5. С. 90] французским генералом Карно. После встречи Гегель назвал генерала «приятным стариком». И всегда праздновал взятие Бастилии и в целом Французскую революцию конца XVIII в.

Третий эпизод – *мизогинизм* философа. «Различие между мужчиной и женщиной такое же, как между животным и растением» [1. С. 241]. Женщины, в его понимании, для постижения «философии и некоторых произведений искусства, требующих всеобщего... не созданы»; «к женщинам образование приходит неведомыми путями» [1. С. 241]. Впрочем, и мужчина мало что значит, если он определяется своими «частными особенностями», склонностями. «Временное, преходящее... мало представляет собою истинную действительность, как и *частные особенности отдельного лица, его желания и склонности* (выделено мной. – В.К.)» [11. С. 192].

Гегель не жалуется и целые народы, если они отстают от цивилизованных наций. Имя им – «варвары», «неравноправные» и только формально «самостоятельные» [1. С. 436–437] народы.

Полная ему противоположность – Герман Гессе. «Отвечать ненавистью на всевозможные погромы, затеваемые против евреев и духа, против христианства и человечности, то вряд ли поможешь этим своему народу, для „народа“ „великие времена“ – это всегда времена ненависти и готовности к войне. Мы, люди духа, не должны принимать в этом участия, мы должны молчать, покуда возможно, даже если впадем за это в немилость, и должны хотя и стоять за свой народ, но не быть рабами его страстей, его жестокостей, его низости, не для того мы существуем на свете» [3. С. 241].

И еще: «А потом начиная с 1935 года не было курорта в Вашей стране, возле которого не бросалось бы в глаза большое объявление „Евреи нежелательны“, не говоря уже о встречавшейся на каждом шагу надписи „Жиды, сдохните“, по которой любой, кто не был слеп, мог ясно понять, что не за горами погромы. Нет, уже за много лет до своего прихода к власти Гитлер перестал быть для меня загадкой, перестал быть загадкой, к сожалению, и немецкий народ, который потом выбрал этого сатану, перед ним преклонялся и разрешал ему творить любые мерзости» [3. С. 292].

Иначе мыслил Гегель. Ведь неслучайно в Первую мировую войну и в 30-е гг. XX в. (перед Второй мировой войной) в немецких СМИ разрекламировали нужных деятелей культуры – «*для оправдания национализма и войны; самой успешной из таких раскопок был Гегель* (выделено мной. – В.К.)» [3. С. 209].

Милитаризм – антимилитаризм

Милитаризм как государственная идеология, политика и массовая психология, имеющая целью наращивание военной мощи государства и захватнические войны, нередко охватывал немецкие земли. Идеи милитаризма встречались у мыслителей Германии, например у Г.В.Ф. Гегеля, Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера.

Прежде всего духом милитаризма были пронизаны произведения многих представителей немецкой военной идеологии – Клаузевица, Трейчке, Мольтке Старшего, голландца Штейнме(т)ца, Рейхенау и др. Например, Рей-

хенау доказывал, что война – это разновидность борьбы за существование, и поэтому она вечна и неистребима.

Хайдеггер в «Бытии и времени» подчеркивал необыкновенную значимость «жесткой, бесконечной войны» в философской системе Гегеля: «На каждом шагу своего „прогресса“ дух должен преодолевать „сам себя“ как поистине враждебную помеху своему назначению. Цель развития духа – „достичь своего собственного понятия“. Само *развитие* есть „жесткая, бесконечная война против самого себя“» [12. С. 434].

И когда у Гегеля речь заходила о всемирной истории, то война тем более становилась акцентированной. «Война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [1. С. 420].

Мирные страницы истории – пустые страницы, а войны – расцвет жизни и морального духа народа. В России, у Ф.М. Достоевского, можно тоже обнаружить мысли, аналогичные гегелевским: «Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к участию в них»; «кроме войны, я никак не вижу проявлений для массы, ибо везде талант, ум и лучшие люди. Массе иногда остается лишь бунт, чтоб заявить себя. Иногда и заявляет, но это неблагородно и мало великодушия» [13. С. 90].

Антимилитаризм был характерен для Эразма Роттердамского, Ганса Якоба Кристоффеля фон Гриммельсгаузена (1622–1676), Иммануила Канта и др. Яркий и гениальный антимилитарист XX в. – Герман Гессе. Он написал в Цюрихе уже осенью 1914 г. статью «о *деградации немецкого духа* (выделено мной. – В.К.) в военную пору» [3. С. 121].

Как уже отмечалось, Гегеля в Германии нередко использовали для оправдания национализма, идеи мирового господства и войны. Впрочем, многие немцы и так были убеждены в истинности этих идей. После Второй мировой войны Герману Гессе шли письма из лагерей немецких военнопленных – от Египта до США. Их авторы нередко саркастически высказывались о Боге и мире, «а порой и просто угрожали новой войной». «О другом, о том, что они, как немецкие солдаты, годами творили с миром, не говорилось ни слова» [3. С. 284–285].

«Факт: у немецкого народа в целом нет ни малейшего чувства ответственности за то, что он причинил миру и себе самому. Доносятся отдельные голоса вроде трогательного голоса госпожи М.» [3. С. 294].

Гессе открывает немецкий дух нацизма и милитаризма в следующих словах: «Во время победного немецкого разбойничьего похода через половину России немецкие мальчишки-солдаты писали мне иногда так: „Мы стоим у Кавказа, чтобы защищать высочайшие ценности немецкого духа, к которым мы относим и Ваше творчество“» [3. С. 310].

Некто пытался найти поддержку у Гессе и получал ответ: «Не должны ли Вы в конце концов помочь мечом Германии Гёте встать на ноги! Нет, Вы не предадите ни Гёте, ни Баха, если не поднимете меч ради них. Но Вы предадите свою немецкую сущность, если уйдете от своей духовно-нравственной задачи... соединяться» с этой немецкой сущностью [3. С. 310].

Иногда немцы меняли свои ценности в течение исторического времени. Так, Гессе вспоминает старого священника, который говорил о себе – я «немец», «христианин» и не сдался при Гитлере, но в Первую мировую вой-

ну был «порядочным немцем, был непоколебимым патриотом и националистом» [3. С. 285].

А Гессе еще во времена поражения Германии в Первой мировой войне писал: «Побежденная Германия будет честнее и чище той, какой она стала бы в случае победы. ...Но куда труднее было бы пережить ее победу, *победу заносчивости и притязаний на мировое господство* (выделено мной. – В.К.), которые были официальной политикой Германии вплоть до ее краха» [3. С. 121]. Гессе признавался: «Я рад, что уже во время первой войны порвал с Германией и ее проклятой политикой пушек» [3. С. 292].

В 1961 г. он продолжал бороться против войны и национализма: «Сегодня актуальны другие проблемы, и во многих странах благородный национальный дух превратился в опасный национализм» [3. С. 346].

Радикализм – антирадикализм

Можно также показать и такую аксиологическую оппозицию: радикализм – антирадикализм. Радикализм предполагает сильные качественные преобразования за сравнительно короткое время, часто связанные с насилием. Антирадикализм, напротив, осторожен и консервативен и отрицает чрезмерность изменений в движении и развитии.

Гегеля можно доказательно связывать с идеей революционного радикализма. Он жил на рубеже XVIII–XIX вв., когда бурно шел процесс *секуляризации*, совершалась Французская революция, а потом и другие. Будущие пасторы, включая Гегеля, в Тюбингенской семинарии увлекались Руссо и Монтескье; симпатизировали идеям «свободы, равенства и братства» [5. С. 78], восхищались Наполеоном. Франция после Революции достигла настоящего национального единства, которым не обладала Германия. Гегель был убежден, что происходит «омоложение» Абсолютной Идеи, и «революционная и наполеоновская Франция – пример и наука. ...Германия, благодаря глубинам своего духа, добьется большего, чем учитель» [5. С. 244].

Кроме того, в душе Гегеля жила идея радикальной свободы, отражавшая национально-патриотические чаяния немецкого народа, ожидание немецкого «Наполеона». Не из этой ли глубины его желание «внести в Философию идею абсолютной свободы» [5. С. 212]? Не отсюда ли и восторженное восприятие революционной Франции и Наполеона? Он писал: «Я видел, как император – душа мира – выезжает из города... Озирает весь мир и повелевает им». Это «необычайный человек, которым нельзя не восхищаться» [5. С. 221–222].

Герман Гессе же оказался ближе к антирадикальным идеям. Но большинство немцев первой половины XX в. мыслили иначе: они жаждали *радикально* утвердить свою нацию и страну, причем в такой степени, что дело дошло до двух мировых войн с желанием восстановить «справедливость» в вопросах территорий, колоний, продовольствия и даже мировой власти. Гессе писал в 30-е гг.: «Во время войны политики ничего не стоят, „не только весь народ восхищенным ревом приветствует жестокость, нарушения прав“, но и интеллектуалы; я присмотрелся к „немецкой духовности“, „школе, литературе“, и в основном это „пустые и лживые“» [3. С. 201].

После Второй мировой войны он сделал вывод *о немецком духе*, о «горячечном сне того состояния духа, из которого выходят войны, расовые преследования и братоубийственные сражения между людьми» [3. С. 274].

Гессе пишет: после первой мировой войны многие говорили: «никогда больше не воевать!», но скоро все изменились. «Вот почему я не слишком всерьез принимаю сегодняшнее единодушие в проклятиях Гитлеру и не вижу в этом единодушии никакой гарантии политической переориентировки или хотя бы политического просвещения и опыта»; серьезны только страдалыцы-одиночки (антифашисты) [3. С. 288].

Наконец, при вручении Нобелевской премии Гессе сказал: «В основе Нобелевского фонда» – «мысль о сверхнациональности и интернациональности духа и его обязанности служить не войне и разрушению, а миру и примирению» [3. С. 289].

Расизм и национализм – антирасизм и интернационализм

Арийский расизм в Германии на рубеже XIX–XX вв. стал играть весьма заметную роль, особенно для пангерманистов, которые именно в этом ключе понимали немецкий дух и межнациональные конфликты. Например, Людвиг Вольтман (1871–1907) в своих трудах доказывал необходимость расовой войны и расового евгенического «оздоровления» человечества. В его понимании борьба рас – это органическая основа всякого культурно-исторического развития. Карл Хаусхофер (1869–1946) в книге «Границы в их географическом и политическом значении» настаивал на необходимости убеждения народа «в недостаточности жизненного пространства... и в невыгодности его теперешних границ» [14. S. 106–107]. Он полагал, что народ надо «увлечь» именно таким образом.

Поэтому не удивительно, что Герман Гессе перед началом Второй мировой войны отметил: я встречал «людей самых безумных представлений о невиновности Германии, о ее праве на неограниченные аннексии, и все же это были люди, которым я смело мог бы пожать руку» [3. С. 222]. То есть национализму поддавались даже весьма благородные и достойные немцы. Гессе замечает, что даже «„немецкое“ христианство наших дней... отрицает примат духа, ибо опьянено религией „расы“» [3. С. 241].

Среди предтеч духа расизма и национализма оказался и великий философ Г.В.Ф. Гегель. Он своеобразно обнаружил даже *франкофобию*: французы, оказывается, не способны вывести учение из всеобщей мысли или понятия предмета, а разбрасывают мысли «просто как молнии» [6. С. 71].

Гегель с легкостью называл неевропейцев, например пещересов и эскимосов, «самыми тупыми дикарями» [6. С. 65]. «Неумелость» китайцев оценивал как безнадежную: они «не могут составить календаря и, по-видимому, неспособны к какой бы то ни было самостоятельной научной мысли» [11. С. 215].

Понимал ли великий философ, что его идеи антигуманны и оправдывают колониализм и расизм? В его понимании, «народы-варвары» не способны к самостоятельному существованию и развитию. Он писал: «Цивилизованные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства... как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов – как нечто формальное» [1. С. 436–437].

С немецким и европейским высокомерием он говорил: Александр Македонский *принес культуру* в эту «в высшей степени некультурную смесь народов, эти страны, ввавшие в полную духовную расслабленность, духовное отрицание и вырождение». Александр «основал обширную азиатскую империю... *для греческого народа* (выделено мной. – В.К.)» [11. С. 214–215].

Гессе же полагал совсем иначе: «Национализм не может быть идеалом»; «я считаю себя патриотом, но прежде всего я человек, и, когда одно не совпадает с другим, я всегда встаю на сторону человека» [3. С. 74]. После Второй мировой войны (1946 г.) Гессе все тот же: «Один Бог живет в каждом из нас... каждое место на Земле – отечество нам, каждый человек – родственник нам и брат, что знание этого божественного единства разоблачает всякое деление на расы, народы, на богатых и бедных» [3. С. 274].

Гёте, в понимании Гессе, тоже явил собой «добрый дух нации» и «не был националистом». Мудрость Гёте «есть не что иное, как обоготворение жизни, как благоговение перед жизнью, она желает лишь служить ей, и у нее нет никаких притязаний, требований или прав» [3. С. 210].

Зато Гегель, в понимании писателя (статья 1932 г.), упоминается совсем не в гётевском смысле. Не оказалась ли первая немецкая идеология, к которой имеет отношение и Гегель, «поблажкой лжеименному человеческому разуму с его философскими бреднями» [15. С. 90]?

Тоталитарный дух и антиэкзистенциализм – гуманизм и экзистенциализм

Гегеля можно также связать с философским обоснованием *тоталитарного духа и антиэкзистенциализма*.

Философ был упоен своим «Мировым духом», который «не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для этой работы своего осознания себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты»; «во всемирной истории прогресс совершается медленно» [4. С. 97]. Гегель в соответствии с этой идеей рассматривает и человека, и социальную группу, и народ, и общество.

Государство у него сущностно по высшему счету, в том числе для человека. Даже свобода человека («осознанная необходимость») невозможна без государства и служения государству. «Государство есть действительность конкретной свободы», где личность получает «полное *развитие и признание своего права для себя*». Интересы личности признают всеобщий интерес «как свой собственный *субстанциальный дух и действуют* для него как для своей *конечной цели*» [1. С. 328]. У личности появляется, наконец-то, личная цель, но, правда, она *исключительно* во всеобщем субстанциальном интересе. А где же человек?

Не виновен ли и Гегель в появлении в XX в. нового человека, о котором пишет Г. Гессе: «Возник коллективный человек без одиночной души, который кладет конец всей религиозной, а также индивидуалистической традиции человечества» [3. С. 277]? Гессе сомневался в отношении «ребячливого, но все же глубоко опасного самодовольства «массового человека», лишенного

веры и мыслей, с его легковесностью, с его заносчивостью, с его недостатком смирения, сомнений, ответственности» [3. С. 223].

Не подавило ли Всеобщее – от Абсолютной Идеи и до Общества и Государства – «одинокую душу», живую жизнь, одну-единственную любовь, теплую веру, трепет и нежность, сладкую свободу и многое другое?

Герман Гессе в «Степном волке» так описывает *иной* выбор человека: «С верой Гарри в бессмертных уже можно жить, я в этом глубоко убежден. С этим можно не только переносить жизнь, но и преодолевать время» [3. С. 198]. Гессе защищает личный выбор человека, *личный путь*, порой даже вопреки государству, обществу, нации. «Каждый, кто идет в жизни собственным путем, – герой. Каждый, кто действительно так поступает и осуществляет то, на что способен, – герой, даже если он делает при этом нечто глупое и реакционное» [3. С. 221]. Ему понятна и близка позиция Франца Кафки, который увидел *в проблеме человека многозначные и безответные аспекты* – «сомнительность нашего существования», неясность происхождения и отношений с Богом [3. С. 252].

Гессе увидел воочию, как преобразился великий и культурный народ, как «весь народ восхищенным ревом приветствует жестокость, нарушения прав» [3. С. 201]. Как были «разрушены все мосты между духом и народом» [3. С. 208]. Акции «добрых духов нации» (Гёте, Гердера, Канта) вдруг покатились вниз. Гегель подобное не объяснял и философско-идеологически не принимал.

Прекратится ли когда-нибудь война двух немецких идеологий? Не слишком ли глубоки изначальные противоречия немецкого народа? А. Гитлер в Меморандуме 1936 г. одно из решающих противоречий обозначил так: судьба Германии – это «неудачное географическое положение в Европе» [16. С. 317]. Это *зжатость* между «негроидной» и «вырождающейся» Францией, сильным «вековым врагом» Англией и варварской Россией как потенциальной колонией.

Не прав ли Панарин, утверждавший, что в основе западной (а нацистской тем более) картины мира «лежат не столько демократические ценности, сколько ценности белого расизма, отмеченного глубоко укоренившимися фобиями в отношении «азиатчины»» [17. С. 22]?

Ушел ли навсегда радикализм нацистов по отношению к Великобритании? Они были убеждены, что Англию нужно поставить «на колени». 1 апреля 1942 г. Гитлер говорил в узком кругу, «что если этого не сделает нынешнее поколение немцев, то эту задачу должно будет выполнить следующее поколение» [16. С. 55].

Циклическое понимание истории не позволяет мыслить благодушно. Циклы европейской и всемирной истории связаны с «дихотомиями национализма и глобализма, открытости и закрытости»; фанатичности и прагматизма [17. С. 15]. Циклически сменяются принципы бытия – «биологический («естественный отбор») и социальный (презумпция равного достоинства сильных и слабых), а также два типа морали – социал-дарвинистской и солидаристской» [17. С. 15; 18]. Не проявился ли социал-дарвинистский принцип, скорее всего, наиболее опасный принцип бытия, с наибольшей силой в Германии? Или украинский интегральный национализм превзошел своего учителя? И не есть ли как бы либеральная идеология «золотого миллиарда» – не-

кий дихотомический симбиоз, но все с той же «естественно-отборочной» моралью?

Однако слышен и голос одинокого человека. Герман Гессе по-прежнему хочет паломничества в страну Востока: «Иначе в этом бездуховном мире было бы в самом деле трудно выдержать» [3. С. 264].

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М. : Мир книги : Литература, 2007. 464 с.
2. Гольц Кольмар фон дер. *Вооруженный народ*. СПб. : Военная типография, 1886. 449 с.
3. Гессе Г. *Письма по кругу*. М. : Прогресс, 1987. 400 с.
4. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по истории философии*. Книга первая. СПб. : Наука, 2001. 349 с.
5. Д'Онт Ж. Гегель. *Биография*. СПб. : Владимир Даль, 2012. 511 с.
6. Гегель Г.В.Ф. ЭФН. Т. 3: *Философия духа*. М. : Мысль, 1977. 471 с.
7. Честертон Г.К. *Вечный Человек*. М. : Политиздат, 1991. 544 с.
8. Ситковский Е. *Учение Гегеля о человеке* // Г.В.Ф. Гегель. ЭФН. Т. 1: *Наука логики*. М. : Мысль, 1974. С. 411–448.
9. Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека* : в 2 т. СПб. : Наука, 1994. 542 с.
10. Клаузевиц К. *О войне*. М.: Гос. воен. изд-во, 1934. 692 с.
11. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по истории философии*. Книга вторая. СПб. : Наука, 2001. 423 с.
12. Хайдеггер М. *Бытие и время*. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
13. Достоевский Ф.М. ПСС : в 30 т. Т. 24: *Дневник писателя за 1876 год*. Ноябрь–декабрь. Л. : Наука, 1982. 518 с.
14. Haushofer K. *Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung*. Heidelberg, 1939. 279 p.
15. *Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский*. Я предвижу восстановление мощной России. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2012. 640 с.
16. Дашичев В.И. *Банкротство стратегии германского фашизма*. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1: *Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе*. 1933–1941. М. : Наука, 1973. 766 с.
17. Панарин А.С. *Правда железного занавеса*. М. : Алгоритм, 2006. 336 с.
18. Крывелев И.А. *К характеристике немецкой военной идеологии* // *Вопросы философии*. 1947. № 2. С. 110–137.

References

1. Hegel, G.W.F. (2007) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mir knigi: Literatura.
2. Goltz, C. von der. (1886) *Vooruzhenny narod* [Armed People]. Translated from German. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
3. Hesse, G. (1987) *Pis'ma po krugu* [Letters in a Circle]. Moscow: Progress.
4. Hegel, G.W.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii. Kniga pervaya* [Lectures on the History of Philosophy. Book One]. St. Petersburg: Nauka.
5. D'Hondt, J. (2012) *Gegel'. Biografiya* [Hegel. Biography]. Translated from French. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Hegel, G.W.F. (1977) *EFN*. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
7. Chesterton, G.K. (1991) *Vechnyy Chelovek* [Eternal Man]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
8. Sitkovskiy, E. (1974) *Uchenie Gegelya o cheloveke* [Hegel's doctrine of man]. In: Hegel, G.W.F. (1974) *EFN*. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 411–448.
9. Ilin, I.A. (1994) *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man]. St. Petersburg: Nauka.
10. Clausewitz, K. (1934) *O voyne* [About the war]. Moscow: Gos. voen. izd-vo.
11. Hegel, G.W.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.

13. Dostoevsky, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
14. Haushofer, K. (1939) *Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung*. Heidelberg: [s.n.].
15. Holy Righteous Father John of Kronstadt. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I foresee the restoration of a powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
16. Dashichev, V.I. (1973) *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy* [Bankruptcy strategy of German fascism. Historical essays, documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
17. Panarin, A.S. (2006) *Pravda zheleznogo zanavesa* [The Truth of the Iron Curtain]. Moscow: Algoritm.
18. Kryvelev, I.A. (1947) К характеристике немetsкой военной идеологии [On the characteristics of the German military ideology]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 110–137.

Сведения об авторе:

Курабтцев В.Л. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ) (Москва, Россия). E-mail: kurabtsev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kurabtsev V.L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow Region State University (MRSU) (Moscow, Russian Federation). E-mail: kurabtsev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 16.12.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 11

doi: 10.17223/1998863X/68/11

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕННО-СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Алексей Александрович Артеменков

*Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия,
basis@live.ru*

Аннотация. Рассматриваются философские аспекты проблемы трансформации человека с позиции генно-социокультурной коэволюции. Вводится в научный оборот категория «мозг» по-новому характеризующая взаимодействие в системе «человек–общество». Автором показано, что мемы, наряду с генами, играют главную роль в трансформационных изменениях современного человека. Мемы – это не только информационные репликаторы биосоциокультурного развития человека, но и единицы негативной информации, приводящей к дезадаптогенезу и деградационным изменениям в человеческом обществе.

Ключевые слова: категория «мозг», гены и мемы, информация, репликаторы, дезадаптогенез, человек, трансформация, общество, эволюция

Для цитирования: Артеменков А.А. Философские аспекты генно-социокультурной коэволюции человека // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 108–119. doi: 10.17223/1998863X/68/11

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF HUMAN GENE-SOCIO-CULTURAL CO-EVOLUTION

Alexey A. Artemenkov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, basis@live.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the role of replicators (genes and memes) in the biosociocultural evolution of a person in the modern global information society. Based on the theory of replicators by R. Dawkins, the concept of cellular autopoiesis by U. Maturana and F. Varela, and an integrative approach to the evolution of biological and sociocultural systems, the paper points to the commonality of genes and memes in terms of their distribution from one person to another and in the media sphere. The category “brain”

is introduced into scientific circulation, which expands the philosophical ideas about the genetic and socio-cultural co-evolution of a person and his transformation in society. In this context, attention is focused on the fact that genes, together with memes, play a key role in the transmission of biosociocultural information in nature and society. The article notes that the media sphere and the brain of the person himself act as elements of replication of cultural replicators (meme-viruses). It is shown that the basis of social interaction and the transfer of memetic information from person to person can be imitation processes associated with the movement of matter. This circumstance gives reason to believe that the transfer of knowledge about the reality around us occurs on the basis of uniform laws of self-organization of biological and sociocultural systems. In this regard, based on the principles of synergetics, the article discusses and describes such properties of memes as replication, competition, durability, survivability and independence from the will of the carrier. Also, in the course of our study, it was determined that in the global world, memes began to spread almost instantly in the media space due to the universal electronic environment and the ability of this type of information to evoke an emotional reaction in a person. Therefore, destructive memes have become a good tool that can influence the moral, ethical and political agenda, and even change the preferences of voters. Disadaptogenesis, an objective feature in the activity of the human brain, which in some cases triggers destructive processes, can act as a process contributing to this negative influence. At the end of the article, it was concluded that memes, like genes, lead to the transformation of a person, that is, they determine his upward and (or) downward biosociocultural evolution. The results of this study can be used to develop general principles for preventing the spread of destructive memes in society.

Keywords: category “brain”, genes and memes, information, replicators, maladaptogenesis, man, transformation, society, evolution

For citation: Artemenkov, A.A. (2022) Philosophical aspects of human gene-socio-cultural co-evolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 108–119. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/11

Введение

Возникновение и развитие жизни на Земле непосредственно связано с процессом репликации, поскольку самовоспроизведение живых организмов невозможно без репликации молекул ДНК и деления клеток. Эти процессы являются своеобразным отражением иерархического принципа строения и функционирования живых систем, лежащих в основе движения материи. Именно репликация ДНК и реализация генетической информации в процессе биологической эволюции многоклеточных организмов, а в дальнейшем – плацентарных млекопитающих и приматов, привела к появлению человека. Совершенно очевидно, что реализация генетической информации в антропогенезе создала материальные предпосылки для развития интеллекта, мышления и культуры. Поэтому несомненно и то, что человек стал человеком только благодаря тому, что начал развиваться в обществе, а зарождение культуры было связано с его общественным образом жизни. Жизнь человека в обществе, воспитание, передача накопленного опыта, культурных ценностей и традиций сыграли главную роль в социокультурной эволюции человека. Но эти социокультурные знания передавались от человека к человеку с помощью слова, зрительных образов и печатных символов, а не через гены. Не так давно стало известно, что подобная социальная информация передается от человека к человеку посредством мемов – единиц значимой для культуры информации. Р. Докинз показал, что гены и мемы – это бессознательные репликаторы, не способные к предвидению, и поэтому не следует ожидать, что

репликатор (будь то ген или мем) воздержится от использования своего эгоистичного преимущества. Но главная особенность генов и мемов, по мнению Докинза, заключается в том, что они являются репликаторами, а человек представляет собой машину для выживания, создаваемую генами. Иными словами, мы «построены» как машины для генов и «вращены» как машины для мемов. Таким образом, чтобы понять эволюцию современного человека, мы должны отказаться от гена как единственной основы наших представлений об эволюции [1. С. 295].

Однако заметим, что способность мемов к передаче негенетической информации имеет некоторую аналогию с аутопоэтическими процессами живых существ. У. Матурана и Ф. Варела говорят о репликации как о действующем механизме, с помощью которого могут многократно появляться единства одного и того же класса: «Отличительная особенность феномена репликации состоит в том, что производственный механизм и продукт являются операционально различными системами, и производственный механизм порождает элементы, независимые от него» [2. С. 68]. Таким образом, единства, произведенные путем репликации, не составляют историческую систему. Иное дело – копирование значимой для нас информации, когда мы имеем универсальное единство – образец и процедуру изготовления идентичного образцу единства. И если результат одного копирования служит образцом для получения следующих копий, то уже получается ряд исторически связанных единств. В дальнейшем авторы по этому поводу пишут следующее: «Повторив этот процесс много раз, мы после многократного копирования, как нетрудно понять, заметим постепенную трансформацию получаемых копий в наследственном ряду и получим историческую последовательность скопированных единств» [2. С. 71]. Таким образом, трансформацию этих единств авторы сравнивают с известным в изобразительном искусстве явлением ароморфоза.

Становится понятным, что информационные репликаторы (гены и мемы) играли и играют в настоящее время существенную роль в передаче биосоциокультурной информации, а значит, имеют прямое отношение к развитию природы, общества, человека и передаче культурного наследия. Но сегодня в глобальном информационном обществе происходят многочисленные процессы трансформации биосферы – среды обитания человека, изменение самого человека, общества и культуры. Какова роль генов и мемов в биосоциокультурной эволюции человека? Каковы механизмы передачи мемов от человека к человеку и в обществе? На эти и другие вопросы нам еще предстоит ответить в своих исследованиях. Но очевидно здесь одно – информационные репликаторы (гены и мемы) причастны к трансформации человека и изменению общества и, следовательно, они предопределяют человеческое бытие. Именно эти важные, далеко не изученные особенности генов и мемов интересуют нас в данной статье. И поэтому, для лучшего осмысления механизмов, лежащих в основе генно-меметической трансформации человека, нами вводится категория «мозг», отражающая существенные свойства и качества коэволюционных изменений, происходящих в человеке и человеческом обществе. Как представляется, категория «мозг» расширяет биосоциальные смыслы этого термина и создает более полное представление о трансформационно-модификационных изменениях современного человека.

Гены и мемы – информационные репликаторы биосоциокультурного развития человека

Итак, мы видим явную общность генов и мемов с позиции системной онтологии, и поэтому мемы и мемотип обычно рассматриваются в сравнении с генами и генотипом. И это не случайно, поскольку гены и мемы – это два вида репликаторов, которые лежат в основе развития жизни и культуры. Согласно репликаторно-этологической теории семантической информации первым репликатором стал ген – главный элемент живой материи. Вторым этологическим репликатором является мем, который заложил фундамент культуры и социальных форм существования материи [3. С. 85–86]. Следовательно, здесь можно говорить о продолжении биологической эволюции в культурную. Ведь культура распространяет свои ценности в виде мемов, т.е. можно сказать, что любая культура осуществляет семантическую экспансию и направлена на продвижение ценностей. Но для людей общение посредством языка и абстракций обеспечивает дополнительный надфенотипический механизм семантического наследования, который поддерживает культурное наследие человеческой цивилизации. Поэтому признание семантического содержания как общего компонента позволяет понять взаимосвязь между генами и мемами [4. Р. 14]. В этом отношении мемы можно сравнивать с вирусами, которые, попав в клетку хозяина, могут воспроизводить множество себе подобных частиц. Средой для тиражирования мем-вирусов являются средства массовой информации и медиосфера в целом [5. С. 92]. Однако имеются сведения о том, что существующие семиотические системы с двойственностью шаблонов (подобно естественным языкам) позволяют пересмотреть аналогию между биологическими и культурными репликаторами [6. Р. 4]. Тем не менее очевидно, что мем как культурный репликатор реально влияет на сохранность человеческих идей. Но процесс копирования и передачи негенетической информации в данном случае не происходит идеально, поскольку в популяции репликаторов всегда имеются «мутированные варианты», отличающиеся друг от друга. Поэтому теория лингвокультурного трансфера и его перенос во времени и пространстве может быть рассмотрена и описана с позиции культурных матриц, а также мемов и миметических комплексов [7. С. 91]. Можно, конечно, придерживаться понятия репликатора как объекта, который имеет свою структуру нетронутую. И тогда эти макромолекулярные комплексы можно было бы назвать «ансамблевыми репликаторами» (или компосомами), которые сильно отличаются от рассматриваемых нами генов и мемов [8. Р. 1470].

А. Марков и Е. Наймарк акцентируют внимание на том, что мемы внедряются в наш разум для размножения, так же как и гены используют клетки нашего организма. Предполагается, что мемы, как и гены, обладают всеми свойствами, необходимыми для эволюции. Авторы делают вывод о том, что если объект обладает такими свойствами, то он является репликатором и тогда он будет эволюционировать, приспосабливаясь к среде обитания и быстро распространяться [9. С. 28]. Такое быстрое распространение мемов связано с переходом из одного мозга в другой с помощью процесса имитации. Долговечность каждой копии мема, так же как и каждой копии гена, не существенна. Но для мемов, как и для генов, плодовитость гораздо важнее

долговечности. Поэтому некоторые мемы, подобно генам, достигают кратковременного успеха, но не сохраняются в мемофонде надолго [1. С. 297–298]. Р. Докинз также считает, что коадаптированные мемокомплексы изменяются таким же образом, как и коадаптированные генные комплексы. Отбор благоприятствует мемам, которые эксплуатируют культурную среду себе на благо. Наши гены могут оставаться бессмертными, однако сочетание генов, имеющееся в каждом человеке, неизбежно погибает. Однако, если человек внесет какой-то весомый вклад в мировую культуру, то мемы могут жить еще очень долгое время после того, как наши гены растворятся в общем фонде [1. С. 304]. Хорошим примером являются мемокомплексы великих людей прошлого, которые сохраняются и сейчас. Но мемы передаются от человека к человеку в измененной форме, т.е. передача мемов всегда сопряжено с непрерывным мутированием и последующим слиянием. Таким образом, мемы и гены могут подкреплять друг друга или находится в оппозиции. Но самое главное заключается в том, чтобы наш мозг был способен к имитации [1. С. 305].

В свою очередь Д. Дойч пишет о том, что мозг человека и молекулы ДНК представляют собой универсальную среду для хранения информации [10. С. 174]. Тем не менее автор указывает на то, что все мемы, как и гены, содержат знания о том, как вызвать собственную репликацию. Но различие между генами и мемами заключается в том, что гены просто автоматически копируются, а мемы должны выразиться в виде поведения при своей репликации, и поэтому получатель мема не может видеть, как представлен мем в голове своего носителя [10. С. 666–667]. Но мозг, как носитель мемов у человека, обеспечивает не только их чувственное восприятие, но и сознательное отражение действительности, т.е. передачу мемов посредством речи и иных средств коммуникации другим людям. С этой точки зрения расширенное представление о мозге строится на основе комплексного исследования феномена генно-меметической трансформации человека. И поскольку мозг, в сущности, определяет социокультурную коэволюцию человека, можно говорить о том, что он обладает субстратными характеристиками нашего сознания и разума, генерирующими и передающими различные мемокомплексы.

Иное дело с интернет-мемами, которые вообще не содержатся в голове человека, а находятся в виртуальном пространстве. Рассмотрение культурных и социальных аспектов интернет-мемов в большинстве случаев основано на их связи с воспроизведением системы социальной памяти. В динамике социальной коммуникации людей мемы обычно представлены как элементы создания реальности в процессе генерации, развития и передачи информации в сети Интернет. Это обстоятельство обуславливает сильное влияние интернет-мемов на сознание человека, воспроизведение и преобразование объективной социальной реальности [11. С. 219]. Интернет-мемы в структуре политической коммуникации понимаются как единицы передачи культурной информации в сети и рассматриваются как спонтанный продукт масс и инструмент политических PR-технологий [12. С. 39].

Ведь действительно, мем полностью интегрировался в социальную жизнь и существует не только как интернет-мем, а как способный жить и размножаться оффлайн. Современное общество повсюду окружено мемами и из-за «клиповости» человеческого мышления «думает» мемами, «измеряет»

эффективность деятельности в мемах. Кроме того, по мемам без всякого труда можно отследить все события, происходящие в обществе [13. С. 90]. Итак, несомненно, мемы – это гипотетические культурные единицы, передаваемые путем имитации. И в отличие от генетической репликации передача культурной информации с высокой точностью является исключением, а не правилом. Постоянная и быстрая «мутация» информации во время коммуникации людей порождает бесконечное многообразие творческой деятельности людей. Но только определенный тип культурной информации наиболее восприимчив к модульной обработке, и это как раз та информация, которая легче всего усваивается нашим мозгом и легче всего передается от человека к человеку [14. Р. 351].

Таким образом, биосоциокультурная эволюция есть две составные части общего процесса развития человека, направляющим фактором которого является способность к имитации и творчеству, а необходимым условием этих процессов является развитие психики и сознания [15. С. 44]. И поэтому мозг в широком значении этого термина определяется не только как часть нервной системы человека, но и как элемент генно-социокультурной коэволюции и универсальная философская категория.

Генно-меметическая трансформация человека и общества. Деадаптогены

Одним из направлений онтологии и теории познания является рассмотрение информационной деятельности мозга человека и его отражательно-регуляторных систем. В этой связи введение категории «мозг» в рамках философского знания позволяет расширить представление о механизмах генно-меметических коэволюционных преобразованиях. В этой связи заметим, что физиологической основой эпигенетического канала трансляции информации о материальном мире стали зеркальные нейроны (эти нейроны играют важную роль в обучении новым навыкам через имитацию), обнаруженные у приматов, некоторых птиц и, конечно, у человека [3. С. 86]. Отметим, что в этом случае понятие знака выступает в качестве базового компонента в семиотике, но не является единственным для осмысления мира человеком. Однако, как известно, из мемов состоит любая культурная информация, так же как биологическая информация непременно состоит из генов. В связи с этим можно выделить три функциональности мема: способность накапливать и представлять символы, способность вступать в связи с другими мемами и способность быть полезным в определенных ситуациях [16. С. 72]. Соответственно, мемы с их предрасположенностью менять смыслы можно рассматривать как альтернативную теорию культурной эволюции и как метод культурно-исторического развития [17. С. 301–302].

Итак, можно резюмировать следующее: мем действительно является единицей культурной информации, которая может быть передана от человека к человеку путем имитации или обучения. В настоящее время меметическая теория интенсивно разрабатывается в биомиметике – области эволюционных вычислений и методов оптимизации. В данной области знания концепции из эволюционной теории переносятся непосредственно на человеческую культуру. Кроме того, основными свойствами мемов с точки зрения биомиметики являются: распространение, живучесть, энтропия и влияние на людей [18.

С. 26]. По этим свойствам мемы могут сравниваться с такими биологическими агентами, как вирусы и паразиты. Так, Е.О. Арбатская анализирует биологические метафоры, с помощью которых описываются механизмы распространения медиасообщений. Данные метафоры, как было сказано выше, построены на сравнении механизмов распространения информации в медиа с распространением генов и вирусов. Автором также определены три свойства мемов: репликация, конкуренция и независимость от воли носителя [19. С. 45]. В то же время В.Г. Буданов и И.Н. Белоногов используют метафору «вируса» применительно к знанию в контексте эволюционной эпистемологии. В связи с этим авторы анализируют основные принципы, общие для распространения вирусов и «мира знания», т.е. зависимость от носителя, заражение, распространение, сеть и самоорганизацию [20. С. 25]. А как известно, теория самоорганизации живых систем является основой синергетики. В этой связи К.Г. Языков рассматривает закономерности культурно-генетической устойчивости с позиции синергетики и указывает на то, что генетическая и культурная «карты» в целом соответствуют друг другу. Но культурная «карта» отличается более резкими границами, чем генетическая, что говорит о том, что передача генов среди людей происходит более свободно, чем передача культурных признаков [21. С. 77–78].

С данным утверждением вполне можно не согласиться, поскольку, например, в современном обществе особое значение приобретает проблема моментального распространения деструктивных мемов, с помощью которых можно быстро изменять мнение людей и таким образом управлять социально-политическими процессами. Ведь еще Д. Дойч указывал на то, что у каждого мема должно быть как минимум две физические формы: мем существует как в мозгу, так и в форме поведения, а репликатор генов существует только в одной форме – в виде молекулы ДНК. Следовательно, мемы-«эгоисты» эволюционируют не всегда с пользой для их обладателя и общества. В данном случае мемы могут легко распространяться среди населения, вредить социуму и разрушать общество [10. С. 671–672]. Сегодня нам хорошо известно, что по причине глобализации цивилизации некоторые привычки современного человека стали быстро распространяться в мировом масштабе. Современный мир с его глобализацией становится все более сложным и хрупким, при этом взаимосвязи и культурные знания сильно влияют на экономику и самого человека, который стал все чаще ошибаться, с более пагубными последствиями [22. С. 432–433].

Об этом же свидетельствует то обстоятельство, что деструктивные мемы могут представлять угрозу национальной идентичности, поскольку они обладают высокой «контагиозностью» и начинают свое распространение по принципу «финансовой пирамиды». Иными словами, деструктивные мемы переводят проблемы общества в русло этноцентрического конфликта, столкновения культур и таким образом представляют угрозы «этнонациональной безопасности» многих стран мира [23. С. 118]. Социокультурная же сущность меметизации общества заключается в том, что мемы, подобно стереотипам и клипам, являются ответом на примитивизацию запросов массовой аудитории и публичной сферы современного, электронного, цифрового и информационного общества [24. С. 193]. Подобные эффекты медиа-вирусов (интернет-мемов) можно было наблюдать во время предвыборных президентских выбо-

ров в США в 2016 г. В данном контексте мемы являлись своего рода частью «вирусного политического маркетинга». При этом пользователи, т.е. конкретные люди, больше отдавали предпочтение высмеивающим кандидата мемам по сравнению с мемами, создающими положительный имидж. В данном случае медиа-вирусы оказались способны влиять на структуру предпочтений избирателей и в силу вызываемых ими эффектов они реально могут играть значительную роль в политической борьбе [25. С. 82]. Но кроме борьбы политических сил особую тревогу вызывает распространение деструктивных мемов в молодежной среде нашего общества. Различные религиозные и философские идеи, будучи превращенными в мемы, чаще всего используются для пропаганды экстремизма [26. С. 69].

Таким образом, на наш взгляд, подобного рода деструктивные и асоциальные проявления у людей в современном обществе связаны с трансформацией их личности под влиянием дезадаптогенеза. Дезадаптогенез возникает в антропосфере в «оболочке перекрывания» неблагоприятных биологических, техногенных и социальных факторов среды, которые отрицательным образом воздействуют на человека [27. С. 95]. Дезадаптогенез приводит к социальной дезадаптации человека и его дезориентации в обществе, к изменению бытия человека, неадекватному восприятию и отражению материального мира [28. С. 16]. В этом отношении мы наблюдаем первичность состояния живой материи (мозга), а чувственное восприятие объективной реальности и ее отражения – вторично (первый философско-антропологический принцип) [29. С. 28].

Таким образом, перспективы биосоциокультурной эволюции человека, развитие информационной цивилизации и глобализация общества во многом зависят от информационных репликаторов – генов и мемов, которые ведут человечество к прогрессу и одновременно к регрессу. В этом отношении категория «мозг» позволяет лучше понять наши социокультурные явления жизни (мемокомплексы), передающиеся от одного человека к другому, и явления человеческой биосоциальности и коэволюции.

Заключение

Таким образом, диалектика как комплексное учение о развитии мира рассматривает восходящее и нисходящее развитие. Восходящее развитие – это путь от простого к сложному, более совершенному и более информационно емкому. Напротив, нисходящее развитие есть разложение и деградация материи. Наше общество непременно прогрессивно развивается, но в нем иногда зреет недовольство, возникают конфликты. В реальной жизни прогресс и регресс в природе и общественной жизни связаны воедино. В этом отношении информационные репликаторы (гены и мемы) имеют и положительное (ведут к прогрессу) и отрицательное (тянут нас к регрессу) значение. Дезадаптогены как негативные факторы внешней и внутренней среды инициируют процесс дезадаптогенеза и таким образом изменяют наше мышление, сознание и поведение в отрицательную сторону. Дезадаптогенами могут являться и деструктивные мемы, которые массово распространяются в обществе, медиасфере и социальных сетях. Так, например, человек прочитав или увидев в медиасфере или сети Интернет деструктивный мем (внешний фактор), самопроизвольно запускает в своем мозге внутренний процесс дезадап-

тогенеза, который порождает деструктивные идеи, воплощаемые в контент (деструктивные мемы). В дальнейшем деструктивная меметическая информация мгновенно распространяется от человека к человеку и в медиасфере и находит свое выражение в общественном мнении людей. Поэтому для социогуманитарных наук, таких как социальная философия, социология, культурология, политология, психология, особенно важно познать не только механизм дезадаптогенеза, но и то, как предупредить распространение в обществе деструктивных мемов. В этом отношении категория «мозг» раскрывает важные логико-гносеологические особенности взаимодействия человека в обществе.

Список источников

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ : CORPUS, 2017. 512 с.
2. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
3. Бурундуков А.С., Дроздов А.Л. Репликаторно-этологическая теория семантической информации: от гена к нему // Биота и среда заповедных территорий. 2018. № 2. С. 85–120.
4. Crofts A.R. Life, Information, Entropy, and Time: Vehicles for Semantic Inheritance // Complexity. 2007. Vol. 13, № 1. P. 14–50. DOI: 10.1002/cplx.20180
5. Бочаров А.Б., Демидов М.О. Мемы-мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве // Управленческое консультирование. 2020. № 9 (141). С. 92–100. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-9-92-100
6. Schaden G., Patin C. Semiotic systems with duality of patterning and the issue of cultural replicators // Hist Philos Life Sci. 2017. Vol. 40, № 1. P. 4. DOI: 10.1007/s40656-017-0167-9
7. Проскурина А.В. Линвокультурный трансформер: мемплексы в англосаксонской традиции // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 4. С. 91–100.
8. Vasas V., Szathmáry T., Santos M. Lack of evolvability in self-sustaining autocatalytic networks constraints metabolism-first scenarios for the origin of life // Proc Natl Acad Sci USA. 2010. Vol. 107, № 4. P. 1470–1475. DOI: 10.1073/pnas.0912628107
9. Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М. : АСТ : CORPUS, 2017. 656 с.
10. Дойч Д. Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. 822 с.
11. Шуталева А.В., Путилова Е.А. Интернет-мем как способ воспроизводства социальной памяти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86), ч. 3. С. 219–221.
12. Шомова С.А. Спонтанность как иллюзия: интернет-мем в структуре политической коммуникации // Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. № 15. С. 39–52.
13. Федорова М.А. Что есть мем? Мем как маркер эпохи, инфоповод и развлекательный контент // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2017. № 16. С. 90–97.
14. Atran S. The trouble with memes: Inference versus imitation in cultural creation // Hum Nat. 2001. Vol. 12, № 4. P. 351–381. DOI: 10.1007/s12110-001-1003-0
15. Поляков Е.М. Эволюция культуры и человеческое сознание: к вопросу о причинно-следственной связи // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 40–45.
16. Фомин И.В. Семиотика или миметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 72–84.
17. Тихомирова Е.Г. Идея маски как инструмент творения культуры (меметическая теория Р. Докинза) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 298–302.
18. Родзин С.И. Биомиметика – интеграция методов машинного обучения и эволюционных вычислений // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 7 (156). С. 26–34.
19. Арбатская Е.О. Биологические метафоры в теории медиа // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 45–50. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10195
20. Буданов В.Г., Белоногов И.Н. Знание-вирус: принципы метафорического переноса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 25–32. DOI: 10.17223/1998863X/47/3

21. Языков К.Г. Закономерности культурно-генетической устойчивости // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2013. № 1-1. С. 73–81.
22. Николас Т.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2016. 768 с.
23. Алмосов И.В. Угроза национальной идентичности как деструктивный мем // Аспирантский вестник Поволжья. 2014. № 7–8. С. 112–118.
24. Голубева А.Р., Семилет Т.А. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 193–205.
25. Шерешева М.Ю., Мишин К.А. Резонирующие эффекты медиа-вирусов: опыт президентских выборов в США в 2016 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (9). С. 82–103. DOI: 10.31857/S268667300010965-1
26. Леонтьев Ю.А. Деструктивные мемы в молодежной среде: психологические факторы и пути профилактики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, № 4. С. 69–74. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-69-74
27. Артеменков А.А. Деадаптогенез в антропосфере: естественнонаучное и философское осмысление проблемы // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 91–101. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.91
28. Артеменков А.А. Объективная и виртуальная реальность: дереализация сознания человека как онтолого-гносеологическая проблема современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 8–19. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-8-19
29. Артеменков А.А. Мозг и сознание: принципы чувственного восприятия и отражения объективной реальности материального мира // Научная мысль. 2021. Т. 16, № 2-1 (40). С. 25–29.

References

1. Dawkins, R. (2017) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Translated from English. Moscow: AST: CORPUS.
2. Maturana, U. & Varela, F. (2019) *Derevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Translated from Spanish. Moscow: URSS: LENAND.
3. Burundukov, A.S. & Drozdov, A.L. (2018) Replicator-Ethological Theory of Semantic Information: From the Gene to Meme. *Biota i sreda zapovednykh territoriy – Biodiversity and Environment of Protected Areas*. 2. pp. 85–120. (In Russian).
4. Crofts, A.R. (2007) Life, Information, Entropy, and Time: Vehicles for Semantic Inheritance. *Complexity*. 13(1). pp. 14–50. DOI: 10.1002/cplx.20180
5. Bocharov, A.B. & Demidov, M.O. (2020) Memes, meme viruses: their essence and distribution in the infosphere and media space. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 9(141). pp. 92–100. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2020-9-92-100
6. Schaden, G. & Patin, C. (2017). Semiotic systems with duality of patterning and the issue of cultural replicators. *Hist Philos Life Sci*. 40(1). p. 4. DOI: 10.1007/s40656-017-0167-9
7. Proskurina, A.V. (2017) Linvokul'turnyy transformer: mempleksy v anglosaksonskoy traditsii [Linvocultural Transformer: Memplexes in Anglo-Saxon Tradition]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. 8(4). pp. 91–100.
8. Vasas, V., Szathmáry, T. & Santos, M. (2010) Lack of evolvability in self-sustaining autocatalytic networks constraints metabolism-first scenarios for the origin of life. *Proc Natl Acad Sci USA*. 107(4). pp. 1470–1475. DOI: 10.1073/pnas.0912628107
9. Markov, A. & Naymark, E. (2017) *Evolutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytiy* [Evolution. Classic Ideas in the Light of New Discoveries]. Moscow: AST: CORPUS.
10. Deutsch, D. (2018) *Nachalo beskonechnosti: Ob'yasneniya, kotorye menyayut mir* [The Beginning of Infinity: Explanations That Change the World]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
11. Shutaleva, A.V. & Putilova, E.A. (2017) Internet meme as a method of social memory reproduction. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(86). Part. 3. pp. 219–221. (In Russian).
12. Shomova, S.A. (2015) Spontannost' kak illyuziya: internet-mem v strukture politicheskoy kommunikatsii [Spontaneity as an illusion: Internet meme in the structure of political communication]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya – Media. Information. Communication*. 15. pp. 39–52.

13. Fedorova, M.A. (2017) Chto est' mem? Mem kak marker epokhi, infopovod i razvlekatel'nyy kontent [What is a meme? Meme as a marker of the era, news feed and entertainment content]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt*. 16. pp. 90–97.
14. Atran, S. (2001) The trouble with memes: Inference versus imitation in cultural creation. *Hum Nat.* 12(4). pp. 351–381. DOI: 10.1007/s12110-001-1003-0
15. Polyakov, E.M. (2012) The evolution of culture and human consciousness: the question of causation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(20). pp. 40–45. (In Russian).
16. Fomin, I.V. (2015). Integrating the Humanities: Semiotics or Memetics? *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 72–84. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.05
17. Tihomirova, E.G. (2014) Ideya maski kak instrument tvoreniya kul'tury (memeticheskaya teoriya R. Dokinza) [The idea of a mask as a tool for creating culture (R. Dawkins' memetic theory)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5(61). pp. 298–302.
18. Rodzin, S.I. (2014) Biomimetika – integratsiya metodov mashinnogo obucheniya i evolyutsionnykh vychisleniy [Biomimetics – Integrating Machine Learning and Evolutionary Computing]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki – izvestiya SFEDU. Engineering Sciences*. 7(156). pp. 26–34.
19. Arbatskaya, E.O. (2018) Biological Metaphors in the Theory of Media. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*. 4(15). pp. 45–50. (In Russian). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10195
20. Budanov, V.G. & Belonogov, I.N. (2019) Knowledge as a virus: Principles of metaphorical transfer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 25–32. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863H/47/3
21. Yazykov, K.G. (2013) Zakonomernosti kul'turno-geneticheskoy ustoychivosti [Patterns of cultural and genetic stability]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 1-1. pp. 73–81.
22. Nikolas, T.N. (2016) *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [Antifragility. How to capitalize on the chaos]. Translated from English. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
23. Almosov, I.V. (2014). Ugroza natsional'noy identichnosti kak destruktivnyy mem [Threats to national identity as a destructive meme]. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 7-8. pp. 112–118.
24. Golubeva, A.R. & Semilet, T.A. (2017) Mem kak fenomen kul'tury [Meme as a cultural phenomenon]. *Kul'tura i tekst*. 3(30). pp. 193–205.
25. Sheresheva, M.Yu. & Mishin, K.A. (2020) Resonant Effects of Media Viruses: Case of the 2016 U.S. Presidential Elections. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 50(9). pp. 82–103. (In Russian). DOI: 10.31857/S268667300010965-1
26. Leontiev, Yu.A. (2018) Destrukivnye memy v molodezhnoy srede: psikhologicheskie faktory i puti profilaktiki [Destructive memes among young people: psychological factors and ways of prevention]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 15(4). pp. 69–74. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-69-74
27. Artemenkov, A.A. (2019) Dezadaptogenez v antroposfere: estestvennonauchnoe i filosofskoe osmyslenie problemy [Disadaptogenesis in the anthroposphere: natural science and philosophical understanding of the problem]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 91–101.
28. Artemenkov, A.A. (2020) Ob'ektivnaya i virtual'naya real'nost': derealizatsiya soznaniya chelo-veka kak ontologo-gnoseologicheskaya problema sovremennosti [Objective and virtual reality: derealization of human consciousness as an ontological and epistemological problem of our time]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: filosofskie nauki*. 2. pp. 8–19.
29. Artemenkov, A.A. (2021) Mozg i soznanie: printsipy chuvstvennogo vospriyatiya i otrazheniya ob'ektivnoy real'nosti material'nogo mira [Brain and consciousness: principles of sensory perception and reflection about the objective reality of the material world]. *Nauchnaya mysl'*. 16(2-1). pp. 25–29.

Сведения об авторе:

Артеменков А.А. – кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия). E-mail: basis@live.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Artemenkov A.A. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Sports and Health, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: basis@live.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 05.07.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 165.2

doi: 10.17223/1998863X/68/12

АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОГО В ОБРАЗОВАНИИ

Дарья Николаевна Боровинская

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия,
sweetharddk@mail.ru*

Аннотация. Актуализированная модель мышления в образовании, позволяющая формировать креативный результат в виде и нового и уже существующего знания, направленного на решение задач, для которых не срабатывают традиционные способы, включает комплекс взаимосвязанных элементов. В свою очередь, эти составляющие раскрываются в коммуникативной и деятельностной перспективе через такие понятия, как процесс и структура. Креативный результат формируется через создание идей, их обоснование, убеждение и практическую аргументацию. Расширение культурных смыслов и их фокусировка, анализ, генерация и фильтрация идей как в области предметной, так и идеальной деятельности, являются важными слагаемыми модели наряду с обоснованием, убеждением и практической аргументацией, что в совокупности и ориентирует на преодоление «ситуаций разрыва».

Ключевые слова: мышление, процесс, структура, субъект образовательной деятельности, интеллектуальный агент, креативность, коммуникация, деятельность

Для цитирования: Боровинская Д.Н. Актуализированная модель мышления для формирования креативного в образовании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 120–131. doi: 10.17223/1998863X/68/12

Original article

AN UPDATED MODEL OF THINKING FOR THE FORMATION OF CREATIVITY IN EDUCATION

Daria N. Borovinskaya

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, sweetharddk@mail.ru

Annotation. In the introduction part of the article the authors give a proof of the topicality issue, define the goal and formulate the problem of the research. As prerequisites for the formation of new educational shifts, large-scale economic and cultural changes are singled out, where the key role is played by the close relationship between thinking and creativity of the subjects of the educational process. According to the authors, the lack of universal – philosophical and methodological – foundations in the construction of a thinking model, including one focused on creating a creative result, does not correspond to the guidelines for the development of modern education. So, the main question that the authors answer is: what is the actualized model of thinking in education that allows to form a creative result in the form of both new and already existing knowledge aimed at solving problems for which traditional methods do not work? To answer the above question, a logical-cognitive approach to the study of thinking was used and emphasis was placed on the actual analysis of the process, structure, elements and levels of mental operations, the result of which is a creative product. The foundation of thinking is a logical pole, manifested in a contradiction, the resolution of which is possible due to a clear fixation (including verbal) of real opposites within the same object under study, and in a logical analysis designed to create such a sign

system that would clarify the structure of any language. As a distinctive element of the model of thinking in education, the creation of ideal conceptual images is highlighted, which includes such traditional stages as focusing, processing, choosing and evaluating. However, already at the first stage, the focus is not so much on the object (context, assessment of current barriers), but on the relationship of a person to the object (functional and semantic load). At the intersection of abstract and objective thinking, unique and non-standard solutions with different qualitative characteristics emerge. In conclusion, the authors summarize the results and formulate a conclusion.

Keywords: thinking, process, structure, subject of educational activity, intellectual agent, creativity, communication, activity

For citation: Borovinskaya, D.N. (2022) An updated model of thinking for the formation of creativity in education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 120–131. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/12

Вопросы модернизации системы образования невозможно разрешить без философского осмысления, серьезного теоретического обоснования, основу которого составляют научные подходы, формирующие конкретные принципы обучения и ценностные ориентации. Подходы, предполагающие рассмотрение определенного феномена образования через призму соответствующих духу времени базовых понятий, концепций и позволяющих открывать новые возможности для образования. Так, если речь идет о многочисленных образовательных изменениях, то примером здесь могут выступать напрямую связанные с актуальными тенденциями понятия, такие как «образовательный ландшафт», «гринфилд»¹, «экспериментальное образование», «открытое образование», «креативная педагогика», «педагогический дизайн» и т.д.

В качестве предпосылок формирования новых образовательных сдвигов следует выделить масштабные экономические и культурные изменения, где ключевую роль играет тесная взаимосвязь мышления и креативности субъектов образовательного процесса.

Во-первых, это превалирование экономического дискурса в трактовке креативности, ее тесная связь с коммерциализацией, когда результат ориентирован на получение прибыли; такое понимание было заложено еще на этапе становления и развития индустриального общества. По мнению Д. Белла, основой такого общества служит принцип функциональной эффективности, обуславливающий получение «больших результатов из меньших вложений» и выбор в пользу наиболее «рационального» типа действий [1]. Именно на этом этапе закладываются основы современного представления о креативности. Кроме новизны и оригинальности особое значение приобретают и другие составляющие, которые и есть суть данного понятия: рационализм, важность с точки зрения потребностей общества.

Раскрытие возможностей эффективного развития хозяйствующего типа личности homo economicus осуществляется через поддержание рациональной и аналитической деятельности. И это главенствующая задача современного общества.

Человеческий капитал формируется в регионах за счет исходных преимуществ, к числу которых относятся университеты, исполняющие основную функцию в сферах производства и распределения человеческого капитала [2].

¹ Новые образовательные проекты (образовательные стартапы), созданные на новых технологических основаниях – EdTech.

Именно они составляют ядро креативности, так как, с точки зрения Р. Флориды, выступают центрами передовых технологий, обладают поразительным свойством притягивать талантливых людей, а также способствуют созданию прогрессивного, открытого и терпимого человеческого климата, помогающего привлекать членов креативного класса. При этом «окружающее сообщество должно обладать способностью усваивать и использовать инновации, генерируемые университетом, а также способствовать обеспечению удобств и качества места, желательных для представителей креативного класса» [3. С. 319–320].

Во-вторых, культурному производству и потреблению все чаще свойственно вписываться в промышленные рамки, а потребляемые же культурные блага рассматриваются как товары. Экономические концепции становятся призмой, через которую осуществляются современные преобразования в ключевых сферах жизнедеятельности. В рамках развития культурных (креативных) индустрий [4] в России формируется законодательная база [5]. Повсеместно организуются и проводятся форумы, фестивали, недели креативных индустрий.

Однако, согласно зарубежным исследованиям, основными параметрами роста креативной экономики являются систематическое инвестирование креативности в форме затрат на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу, увеличение профессионалов, занятых производством креативных продуктов, увеличение практической отдачи от исследований и, наконец, увеличение числа работающих в области культуры и художественного творчества.

Р. Флорида утверждает, что «креативная экономика» включает три сферы: инновации (техническая креативность), бизнес (экономическая креативность) и культуру (художественная и культурная креативность), являющиеся единым целым. Согласно подходу культурных индустрий, именно такое деление на сферы обусловлено их детерминацией.

В-третьих, в широком контексте политики информационного общества отметим тотальную цифровизацию образования и повсеместное использование информационных технологий, которые имеют все более проникающий характер. С одной стороны, это способствует более эффективной работе рынков путем упрощения и расширения доступа к информации, благодаря чему она может храниться, пересылаться и становиться достоянием широкого круга потребителей; как следствие, ускоряется инновационный процесс, что позволяет проще и дешевле обрабатывать немислимые объемы информации и сокращать при этом временные затраты, необходимые для разработки новой продукции. С другой стороны, виртуализация общества предполагает и неизбежную трансформацию самого человека. Происходит интенсивное становление виртуальных личностей, которые используют сетевые «ники» вместо родовых имен, организуя глобальные сообщества.

Более того, «знание превратилось в информацию и приобрело форму не только научной истины, но и товара. Обмен информацией-товаром осуществляется по правилам рынка, где и заявляет о себе прагматика. Вторая причина состоит в том, что современные университеты – это часть глобального рынка. Болонский процесс закрепляет признание высшего образования равноправной отраслью среди других отраслей хозяйства на европейском рынке массо-

вого производства товаров и услуг. Из блага, которое можно было дарить каждому человеку на равных (в теоретическом плане образование так и рассматривалось), оно превратилось в рынок образовательных услуг» [6. С. 39].

Все более возрастающая устремленность сообщества к информатизации, коммуникации вызывает изменения в формах и содержании высшего образования, что напрямую влияет на формирование и развитие нынешнего образа студента в процессе социализации. Внедрение же информационных технологий увеличивает спрос на специальности, требующие определенной квалификации, соответствующего образования, основанного на способности мыслить так, чтобы в результате и потенциально и конкретно рождался креативный продукт.

И, что не подлежит сомнению, глубокие изменения, происходящие в развитии средств коммуникации, глобализации информационных потоков, воздействуют на формирование сущностных характеристик человека.

Сегодняшние трансформации, в отличие от предыдущих периодов развития общества, заключаются в акцентированном сдвиге к экономической системе.

Стремление к новым знаниям – неотъемлемая черта современного хозяйства. А поскольку информационные ресурсы обладают весьма специфическим характером воспроизводимости и могут эффективно использоваться далеко не всеми субъектами производства, пропорции обмена благ в постэкономическом обществе в большей мере определяются таким параметром, как редкость: редкость продукта, редкость способностей к обработке информации, редкость знаний, редкость оптимального сочетания традиционных и новых факторов производства.

В контексте заданной нами темы отметим, что все выше перечисленные предпосылки являются основанием для повсеместного появления многочисленных образовательных практик, где ключевая роль отводится именно мышлению и качественной оценке получаемых нестандартных результатов в его процессе.

Несмотря на существующие противоречия, которые широко обсуждаются в научной литературе [7], методологическая основа многочисленных курсов повышения квалификации, связанных с образованием, выстраивается на принципах системы smart [8], таксономии Блума [9] и ее переработанной версии, которую представил Л.В. Андерсон и соавт. [10].

Ключевая идея заявленных систем связана с целями, которые, причинно обусловлены исходя из образовательного опыта; достижимы и практически реализованы; ведут к прогрессивным изменениям – от запоминания учащимися фактов и основных концепций к созданию ими нового и уникального [11]. По мнению зарубежных исследователей, цели обучения могут быть сведены к трем категориям: знание и концептуальное понимание; мышление и другие навыки; ценности, предрасположенности и привычки [12. Р. 118].

Однако, на наш взгляд, отсутствие универсальных – философско-методологических – оснований в построении модели мышления, в том числе ориентированного на создание креативного результата, не соответствует ориентирам развития современного образования.

В связи с этим сформулируем главный вопрос: *какова актуализированная модель мышления в образовании, позволяющая формировать креативный*

результат в виде и нового и уже существующего знания, направленного на решение задач, для которых не срабатывают традиционные способы?

В качестве уточнения предмета нашего исследования отметим несколько моментов. Несмотря на определенное расхождение целей познавательного и образовательного процессов, «цели познавательного (научно-познавательного) процесса и образовательного процесса не тождественны. В случае научного познания целью является получение нового знания (нового знания для всего общества (человечества), такого знания, которого еще не было). В случае образования целью выступает освоение имеющегося знания. К тому же важно уточнить, что освоение имеющегося знания необходимо не для того, чтобы это знание просто удерживать в памяти, а для того, чтобы овладеть определенными социальными жизненными практиками, уже доказавшими свою эффективность, чтобы заново не проходить то, что уже было пройдено предшественниками» [13. С. 16]. Мы же в рамках исследования будем апеллировать к познавательной деятельности, которая позволяет в процессе образования «выяснить состоятельность и убедительность позиций» и в которой интеллектуальные усилия обучающихся «направлены на уточнение и упорядочивание заявленных ими в диалоге утверждений, выполняющих функции точки зрения или аргумента» [14. С. 98].

Учитывая всю многогранность и междисциплинарность использования термина «креативность», внесем определенную ясность. Во-первых, креативность – это деятельная способность всех субъектов образовательного процесса, которая позволяет создавать уникальное, неповторимое решение проблем [15], а именно такие результаты интеллектуальной деятельности, которые пока сложно автоматизировать. Во-вторых, по сфере практического приложения креативность не имеет ни географических, ни политических, ни административных границ. И если отвечать на вопрос об аксиологическом измерении, то оно безгранично, так как это повсеместное явление – преодоление «ситуаций разрыва» и выработка рационально обоснованных и правильных решений; это всегда есть ценность, наполняющая нашу жизнь вне зависимости от сферы деятельности. В-третьих, мышление, ориентированное на создание креативного результата, обладает определенной категориальной характеристикой с позиции процесса и структуры. Это позволяет формировать понятийное поле в отношении того, как, собственно, возникает креативный результат в виде и нового и уже существующего знания, направленного на решение задач, для которых не срабатывают традиционные способы, и выявлять специфику самого процесса получения креативного результата.

Для ответа на выше поставленный вопрос используем логико-когнитивный подход к изучению мышления и сделаем упор на анализ процесса, структуры, элементов и уровней мыслительных операций, результатом которых является креативный продукт.

Итак, фундамент мышления – логический полюс, проявляющийся в противоречии, разрешение которого возможно благодаря четкой фиксации (в том числе словесной) реальных противоположностей внутри одного и того же исследуемого предмета, и в логическом анализе, предназначенном для создания такой знаковой системы, которая проясняла бы строй любого языка.

Основу мыслительных процессов, после чего появляется креативный продукт, составляют умозаключения, категории и абстракции, предполагаю-

щие использование всех видов интеллектуально-познавательной деятельности посредством языка и экстралингвистических средств коммуникации – с целью получения новых результатов в социально-значимой форме.

Формирование умозаключений зачастую происходит на основании использования аналогий между прежде ментально не связанными элементами. «На вербальном уровне креативное мышление приходит к новому умозаключению типа „А подобно В“ или новому определению для А. Например, идея о том, что когнитивные процессы могут функционировать подобно компьютеру, была построена на аналогии типа „А подобно В“» [16. Р. 217].

Относительно категоризации идей Мартиндейл отмечает, что речь, скорее, идет о об объединении в одну категорию множества элементов (идей). Причем это могут быть более широкие категоризации, что позволяет усматривать подобие (родство) между большим количеством элементов, тогда как узкая категоризация, наоборот, приводит к усмотрению подобия (родства) между меньшим количеством элементов.

В отношении видов интеллектуально-познавательной деятельности, таких как обоснование, убеждение и практическая аргументация, мы склонны придерживаться классификации видов аргументации, которая представлена в исследовании Е.Н. Лисанюк. И в случае с креативным продуктом наибольший интерес будет представлять скорее практическая аргументация, которая, по мнению автора классификации, имеет ряд особенностей и отличается от обоснования и убеждения [17].

Далее, стремление к формированию «нужного» образа студента обусловлено требованиями современного общества, что находит отражение в образовательных стандартах.

При анализе требований, предъявляемых к выпускникам различных направлений подготовки, отмечается способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач, что является универсальной компетенцией номер один для всех направлений подготовки уровня бакалавриата, как и предписано федеральными стандартами высшего образования 3++.

Профессиональная успешность обеспечивается благодаря широкому набору сформированных умений у выпускников высшей школы, таких как определение логических связей между фактами и явлениями, принятие решений в нестандартных, новых для себя ситуациях, формирование гипотезы, название соответствующих ситуациям методов и способов решения задач, адекватных объекту. Здесь же – способность «оценивать плюсы и минусы решения, выявлять несоответствия и типичные ошибки в суждениях, систематически анализировать проблемы, определять актуальность и важность идеи, обосновывать свои убеждения и ценности, проявлять и оценивать свои умственные способности» [18. Р. 20] и «критическая способность должна быть плодом образования» [19. Р. 19].

Так или иначе, критическое мышление необходимо во многих областях знания, поскольку вбирает в себя анализ (использование определений для уточнения смысла, четкое и систематическое объяснение идей), логику (анализ и оценка аргументов, выявление логических несоответствий), научные методы (определение причин и следствий, использование теории вероятностей и статистики), решение и ценности (рациональное принятие решений,

критическая рефлексия ценностных и моральных суждений), заблуждения и предрассудки (типичные ошибки суждений). В качестве основных критериев мышления выделяются независимость, открытость новому, хладнокровность и беспристрастность, аналитическое и рефлексивное видение разрешения проблемной ситуации. Все это, безусловно, способствует развитию уровней мыслительных операций как при анализе проблем, так и при определении оптимальных решений выявленных недостатков.

Несмотря на то, что «на практике обучение критической аргументации сводится к освоению навыков анализа текста, а их верификация – к проверке умений студентов обнаружить ошибки рассуждений и дефекты аргументации в тексте и исправить их» [20. С. 3963], это ни в коей мере не снижает значимость данного элемента в формируемой модели в образовании.

Другой вопрос в том, что стремление в рамках заданных стандартов формировать конкретные компетенции, связанные с развитием критического мышления, характерно не только с точки зрения компетентностного подхода, активно реализуемого в системе современного высшего образования, но и в рамках агентно-ориентированного подхода к формированию интеллектуальных агентов в программах искусственного интеллекта, где в качестве носителя-субъекта выступает «высокоуровневая абстракция для формализации и структурирования предметной области и как мощное программное средство для разработки и реализации сложных информационных систем» [21. С. 6].

По мнению А.Н. Швецова, к их числу относят новый класс программных и программно-аппаратных сущностей, которые, чтобы находить и обрабатывать информацию, вести переговоры в системах электронной торговли и услуг, автоматизировать выполнение рутинных операций и поддерживать решение трудных задач, сотрудничать с другими программными агентами при возникновении сложных проблем, снимая тем самым с человека избыточную информационную нагрузку, функционируют от имени пользователя.

В рамках активных исследований в области искусственного интеллекта сформированные свойства интеллектуального агента постоянно расширяются, например, такие, как способность к самостоятельному формированию целей и функционированию с самоконтролем своих действий и внутреннего состояния; способность согласовать свое поведение с поведением других агентов в условиях определенной среды и правил поведения путем обмена сообщениями на языке коммуникации; способность адаптированно воспринимать состояние внешней среды (среды функционирования и множества других агентов) и своевременно реагировать на происходящие изменения; способность проявлять инициативу, т.е. самостоятельно генерировать цели и действовать рационально для их достижения, а не только пассивно реагировать на внешние события, а также базовые знания, убеждения, желания, цели, намерения и обязательства [22, 23]. К такому виду агентов, как автономный, добавляются и способность действовать соответственно и согласованно с изменениями в среде; способность устанавливать множественные цели и, вне зависимости от найденных им обстоятельств, решать, какие частные цели активно преследовать; способность выполнять широкий круг задач [24, 25].

Согласно существующей классификации агентов – простой, смысловый (smart), интеллектуальный (intelligent), действительно интеллектуальный (truly) – определены и интеллектуальные способности агента [26].

В качестве отличительного элемента модели мышления в образовании выделим создание идеальных концептуальных образов, что включает такие традиционные этапы, как фокусировка, обработка, выбор и оценка. Однако уже на первом этапе фокусировка осуществляется не столько на объект (контекст, оценка текущих барьеров), сколько на отношение человека к объекту (функциональная и смысловая нагрузка). На стыке абстрактного и предметного мышления происходит возникновение уникальных и нестандартных решений с различной качественной характеристикой.

Подтверждением этого является использование многочисленных методов, которые направлены на развитие провокационного мышления, разрывающее мыслительные паттерны. «Поле провокации создается несколькими способами: инверсия (поиск противоположности объекту или его отдельным элементам), гиперболизация (увеличение или уменьшение одного или нескольких свойств объекта), изменение порядка, замена (изменение одного или нескольких элементов объекта), исключение, дополнение (дополнение объекту одного или нескольких элементов)» [27. С. 17].

В отношении ключевых элементов обозначенной нами модели, а именно формирования идеальных образов, их обоснования и убеждения, в истории научной мысли существует ряд концепций, которые, на наш взгляд, вносят ясность в их понимание и дают возможность для сегодняшней апробации в образовательном процессе.

Образы, в которых отражены только необходимые черты, т.е. образ, где форма отображения является логической формой. Именно такой – логический – образ Л. Витгенштейн называет мыслью [28]. Возможность мыслить действительность означает возможность создать ее образ [29. С. 175]. Как образ «мысль содержит возможность того положения вещей, которое ей мыслится». Другими словами, если возможно все то, что можно помыслить, или образ, чего можно создать (что одно и то же), то образ, чего создать нельзя, – такое невозможно. Или, вернее, нельзя было бы помыслить, что оно собой представляет.

«Многие идеи Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна своим источником имеют те взгляды мировой философии, где во главу угла ставилась точность и обоснованность хода доказательства, а основным принципом верифицируемости выдвигаемых теорий выступала очевидность, в той или иной мере соответствующая корреспондентской теории истины» [30. С. 27].

В таких важных элементах модели, как обоснование, убеждение и практическая аргументация, явно прослеживается взаимосвязь с логическим полюсом мышления, ориентированным на преодоление «ситуаций разрыва».

Однако коль скоро логика наследует не процессы обнаружения чего-либо «нового», не процессы образования знаний, а процессы систематизации и изложения уже известного [31, 32], практически всегда возникает известная трудность в определении единственной зависимости мышления как способности, позволяющей создавать уникальное, неповторимое от структуры используемых в них знаний. При исследовании такого мышления одного системного представления оказывается недостаточно.

Вместе с тем в качестве иных вариантов взаимосвязь мышления и воображения позволяет более предметно говорить о развитии мышления с методологической точки зрения и, как следствие, возможностях получения нового знания.

«Фиксация идеи так, чтобы замыслы (порою неясные), образы, системы „внутри головы“ превратились в понятный продукт, а именно во фразу, с помощью которой можно сделать первый шаг к воплощению идеи. Ведь как только идея озвучена, она в буквальном смысле существует, и с ней дальше можно работать: превращать ее в предметы, схемы, макеты, планы и образы. Можно эту идею менять, адаптировать, развивать, делать масштабнее или, наоборот, сужать» [33].

Таким образом, актуализированная модель мышления в образовании, позволяющая формировать креативный результат в виде и нового, и уже существующего знания, направленного на решение задач, для которых не срабатывают традиционные способы, включает в себя сложный комплекс взаимосвязанных элементов. Их успешная реализация в системе образования может и должна способствовать достижению целей и задач, так как актуальным сегодня становится не только создание идей, но их аргументированное представление вне зависимости от сфер жизнедеятельности человека.

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. 956 с.
2. Glaeser E.L., Kolko J., Saiz A. Consumer City // Journal of Economic Geography. 2001. № 1. P. 27–50.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее : пер. с англ. М. : Классика-XXI, 2005. 421 с.
4. Хезмондали Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. А. Михалевой ; Высш. школа экономики. М., 2014. 456 с.
5. О креативных индустриях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: закон ХМАО – Югры от 27.07.2020 № 70-оз // КонсультантПлюс. М., 2020. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW926;n=215274#08279441615743315> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Вижо И.Ю., Петрова Г.И., Тарабанов Н.А. Образовательная субъективность классического университета в поисках истины // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 37–41.
7. Case R. The unfortunate consequences of Bloom's taxonomy // Social Education. 2013. Vol. 77, № 4. P. 196–200.
8. Doran G. T. There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives : [англ.] // Management Review. 1981. Vol. 70, № 11. P. 35–36.
9. Bloom B.S. Taxonomy of Educational Objectives, the Classification of Educational Goals. New York : David McKay Company, 1956. Handbook I: Cognitive Domain. 207 p.
10. Anderson L.W., Krathwohl D.R. A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives, complete edition, eds. New York : Longman, 2001. 287 p.
11. Hardarson A. Aims of Education: How to Resist the Temptation of Technocratic Models // Journal of Philosophy of Education. 2017. Vol. 51, № 1. P. 59–72.
12. Suskie L. Assessing Student Learning: A Common Sense Guide, 2nd Edition. Jossey-Bass, San Francisco : Wiley, 2018. 384 p.
13. Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. К вопросу об эпистемологии смарт-технологий и их визуализации: ведет ли смарт-образование к смарт-эпистемологии? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. Вып. 4 (22). С. 9–35.
14. Лисанюк Е.Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2016. 297 с.

15. Боровинская Д.Н. Измерение социального запроса на креативное образование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 264–271.
16. Martindale C. Personality, situation and creativity // Handbook of Creativity / eds. J. Glover, R. Ronning, G. Reynolds. New York : Plenum, 1989. P. 211–232.
17. Аргументация в праве и морали / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2018. 521 с.
18. Hempel C.G. Rational Action // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1965. Vol. 35. P. 5–23.
19. Lau Joe Y.F. An Introduction to Critical Thinking and Creativity: think more, think better. Hoboken, NJ : Wiley, 2011. 262 p.
20. Карпов Г.В., Лисанюк Е.Н. Практическая философия обучения аргументации и критическому мышлению // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 3. С. 3959–3970.
21. Швецов А.Н. Агентно-ориентированные системы: от формальных моделей к промышленным приложениям // Информационно-телекоммуникационные системы : сб. ст. Всерос. конкурс. отбора обзорно-аналит. ст.. М. : ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика», 2008. С. 1–101.
22. Wooldridge M. An Introduction to Multi-Agent Systems. John Wiley and Sons. 2002. 376 p.
23. Люгер Д.Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем : пер. с англ. М. : Изд. дом «Вильямс», 2003. 864 с.
24. Brooks R.A. Intelligence without representation // Artificial Intelligence. 1991. № 47. P. 139–159.
25. Hayes-Roth B. An integrated architecture for intelligence agents // SIGART. 1991. Vol. 2, № 4. P. 79–81.
26. Nwana H.S. Software Agents: An Overview // Knowledge Engineering Review. 1996. Vol. 11, № 3. P. 1–40.
27. Боровинская Д.Н., Суровцев В.А. Креативность и мышление: категориальная характеристика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 15–24.
28. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1989. С. 238–246.
29. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 308 с.
30. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
31. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York, 1944. 444 p.
32. Wright C.H. The logical Problem of induction. Oxford : Basil Black well. Second edition, 1957. 249 p.
33. Боровинская Д.Н., Суровцев В.А. Рефлексия и природа креативности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 17–25.

References

1. Bell, D. (1999) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. Translated from English. Moscow: Akademiya.
2. Glaeser, E.L., Kolko, J. & Saiz, A. (2001) Consumer City. *Journal of Economic Geography*. 1. pp. 27–50.
3. Florida, R. (2005) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: People Who Change the Future]. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI.
4. Hezmondalsh, D. (2014) *Kul'turnye industrii* [Cultural Industries]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: HSE.
5. Russia. (2020) *O kreativnykh industriyakh v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre: zakon KhMAO – Yugry ot 27.07.2020 N 70-oz* [On the creative industries in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra: Law N 70-oz of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated July 27, 2020]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW926;n=215274#08279441615743315> (Accessed: 10th May 2022).
6. Vizho, I.Yu., Petrova, G.I. & Tarabanov, N.A. (2008) *Obrazovatel'naya sub"ektivnost' klassicheskogo universiteta v poiskakh istiny* [Educational subjectivity of the classical university in search

of truth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 312. pp. 37–41.

7. Case, R. (2013) The unfortunate consequences of Bloom's taxonomy. *Social Education*. 77(4). pp. 196–200.

8. Doran, G.T. (1981) There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives. *Management Review*. 70(11). pp. 35–36.

9. Bloom, B.S. (1956) *Taxonomy of Educational Objectives, the Classification of Educational Goals*. New York: David McKay Company.

10. Anderson, L.W. & Krathwohl, D.R. (2001) *A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. New York: Longman.

11. Hardarson, A. (2017) Aims of Education: How to Resist the Temptation of Technocratic Models. *Journal of Philosophy of Education*. 51(1). pp. 59–72. DOI: 10.1111/1467-9752.12182

12. Suskie, L. (2018) *Assessing Student Learning: A Common Sense Guide*. 2nd ed. Jossey-Bass, San Francisco: Wiley.

13. Ardashkin, I.B. & Surovtsev, V.A. (2019) Revisiting the issue of smart technologies epistemology and visualization: does smart education lead to smart epistemology? *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 4(22). pp. 9–35. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2019-4-9-35

14. Lisanyuk, E.N. (2016) *Logiko-kognitivnaya teoriya argumentatsii* [Logico-Cognitive Theory of Argumentation]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.

15. Borovinskaya, D.N. (2020) Measuring Social Demand for Creative Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 264–271. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/24

16. Martindale, C. (1989) Personality, situation and creativity. In: Glover, J., Ronning, R. & Reynolds, G. (eds) *Handbook of Creativity*. New York: Plenum. pp. 211–232.

17. Lisanyuk, E.N. (ed.) (2018) *Argumentatsiya v prave i morali* [Argumentation in Law and Morality]. St. Petersburg: Alef-Press.

18. Hempel, C.G. (1965) Rational Action. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 35. pp. 5–23.

19. Lau Joe, Y.F. (2011) *An Introduction to Critical Thinking and Creativity: think more, think better*. Hoboken, NJ: Wiley.

20. Karpov, G.V. & Lisanyuk, E.N. (2020) Prakticheskaya filosofiya obucheniya argumentatsii i kriticheskomu myshleniyu [Practical Philosophy of Teaching Argumentation and Critical Thinking]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 10(3). pp. 3959–3970.

21. Shvetsov, A.N. (2008) Agentno-orientirovannye sistemy: ot formal'nykh modeley k promyshlennym prilozheniyam [Agent-oriented systems: from formal models to industrial applications]. In: *Informatsionno-telekommunikatsionnye sistemy* [Information and Telecommunication Systems]. Moscow: State Research Institute of Information Technologies and Telecommunications. pp. 1–101.

22. Wooldridge, M. (2002) *An Introduction to Multi-Agent Systems*. John Wiley and Sons.

23. Luger, D.F. (2003) *Iskusstvennyy intellekt: strategii i metody resheniya slozhnykh problem* [Artificial intelligence: strategies and methods for solving complex problems]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.

24. Brooks, R.A. (1991) Intelligence without representation. *Artificial Intelligence*. 47. pp. 139–159.

25. Hayes-Roth, B. (1991) An integrated architecture for intelligence agents. *SIGART*. 2(4). pp. 79–81.

26. Nwana, H.S. (1996) Software Agents: An Overview. *Knowledge Engineering Review*. 11(3). pp. 1–40.

27. Borovinskaya, D.N. & Surovtsev, V.A. (2019) Creativity and thinking: Categorical characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 15–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/2

28. Wittgenstein, L. (1989) Lektsiya ob etike [Lecture on ethics]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: Nauka. pp. 238–246.

29. Surovtsev, V.A. (2011) *Avtonomiya logiki: istochniki, genesis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [The Autonomy of Logic: The Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

30. Surovtsev, V.A. (2010) Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans [Analytical Philosophy: General and Nuance]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 23–29.
31. Reichenbach, H. (1944) *Elements of Symbolic Logic*. New York: Dover Pubns.
32. Wright, C.H. (1957) *The Logical Problem of Induction*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell.
33. Borovinskaya, D.N. & Surovtsev, V.A. (2019) Reflection and the Nature of Creativity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/2

Сведения об авторе:

Боровинская Д.Н. – доктор философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: sweetharddk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borovinskaya D.N. – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: sweetharddk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/1998863X/68/13

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Ярослав Владимирович Мальцев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация. Рассматривается соотношение понятий «цивилизация», «культура», «модерн», «постмодерн», «межцивилизация» и «политика» в контексте их диалектической взаимозависимости и взаимообусловленности. С точки зрения автора, указанные понятия образуют статику и динамику перманентной современности, понимаемой в качестве особой ситуации отношений человека (как *cogito*, как фикштеанское/лакановское Я=Я) и бытия.

Ключевые слова: современность, модерн, постмодерн, культура, цивилизация, политика

Для цитирования: Мальцев Я.В. Цивилизация и политика как категории перманентной современности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 132–145. doi: 10.17223/1998863X/68/13

Original article

CIVILIZATION AND POLITICS AS CATEGORIES OF PERMANENT MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract. The phenomenon of modernity excite people, presumably, from the moment when a person became a reflexive being: perceiving himself as a creature living in time and space, surrounded by other objects and subjects; as an active creature. Acting and speaking. Language – is a way of encrypting / decrypting the world – in time immemorial turned out to be the cornerstone of the appearance of a person / subject, and together with a person / subject and modernity as situation of existential problematization of the current moment of individual life. A man as a subject has existed since the emergence of language and reflective consciousness. Likewise, modernity, which is the primary element of culture and civilization, is eternal to man: from the link man-time, subject-modernity, culture arises, civilization is born, all forms of human existence arise. Modernity is a derivative of human rootedness in time. Hence its permanent character: it is the result of a human-human dialogue and human reflection, permanently unfolding in time. Hence, permanent modernity, which structurally, as shown in the article, consists of the following elements: 1) civilization (foundations set by conditions and reflected in the mentality, assimilated a priori), 2) modernity (a stable value scale of civilization, expressed in artistic practice and forms of political request, including at the level of theses: “time is money”, “Reason, Emancipation, Progress”, etc.), 3) culture (forms of social life in modern conditions, accepting micro- and macro-forms), 4) postmodernity (situations groping for new foundations, unfolding in the horizon of culture, but with the goal of modernity and civilization), 5) the intercivilizational era (the position of breakdown), 6) the subject (a person who realizes his own self and creates a project for a social future), 7) a multitude (a community of followers, emerging around the subject), 8) politics (procedures for the implementation of modernity in the field

of intersubjectivity, the final mechanism of cultural transformation, where do not merge love, philosophy and art, and the main movers are the subject, utopia and revolution, hidden in the space of everyday life). At the same time, civilization and politics form a static-dynamic whole, within the boundaries of which culture in the broad sense of the word develops and unfolds.

Keywords: modernity, modernity, postmodernity, culture, civilization, politics

For citation: Maltsev, Ya.V. (2022) Civilization and politics as categories of permanent modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 132–145. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/13

Феномен современности, *modernity*, волнует людей, предположительно, с момента, когда человек стал существом рефлексивным: воспринимающим себя в качестве создания, живущего во времени и пространстве, в окружении других объектов и субъектов; в качестве *твари действующей*. Действующей и говорящей. Язык – средство шифровки/расшифровки мира – в незапамятные времена оказался краеугольным камнем появления человека/субъекта, а вместе с человеком/субъектом и *современности – ситуации экзистенциальной проблематизации текущего момента индивидуального бытия*.

Человек как субъект существовал с момента возникновения языка и рефлексивного сознания. Аналогично и *со-временность*, являющаяся первичным элементом культуры и цивилизации, соведна человеку: из связки человек-время, субъект-современность возникает культура, рождается цивилизация, возникают любые формы человеческого бытия. *Современность – производная укорененности человека во времени*. Отсюда ее перманентный характер.

Однако отношения человека и современности в теоретическом поле складывались непросто. До нас дошли письменные источники (например, египетские), где авторы четко выделяли свое время, отделяя его от времени предшествующего, но только античная эпоха дала нам как слово, которым мы пользуемся сегодня, так и его некоторое концептуальное наполнение: Кассиодор использовал дефиницию «*modernus*» (*modo* (лат.) – сейчас), чтобы разграничить предшествующую языческую эпоху и эпоху текущую, христианскую, в которой жил сам [1. С. 27–40]. В дальнейшем *modernus* превращается в *modern* (франц. *moderne*, от старофр., от позднелат. *modernus*, от лат. *modo* [2]) как обозначение текущего момента истории и социальной жизни; момента жизнедеятельности поколения, которое использует это слово. «Модерн» будет словом-противопоставлением, отделением одной исторической эпохи от другой: Античности от Средневековья, Средневековья от модернити и модернити от постмодерна. В результате *модерн*, если таким образом проследить его этимологию, оказывается не столько периодом эстетическим (Ш. Бодлер [3. С. 283–315], О. Уайльд) и(или) периодом определенной формы организации социума (фабрики Форда, бюрократия, Паноптикум по Веберу, эмансипация и прогресс у Гидденса), сколько *формой культуры, в основе которой находится некая семантика*.

В подобном контексте модерн – это взятые культурные формы, «присваивающие» себе человека: человек входит в них, социализируясь, приобретая так называемый эстетический вкус (одежда, мебель, жилище) и этические ценности (моногамия, гетеросексуальность, запрет убийства, а может, про-

тивное этому). Момент, когда эти ценности ясны – модерн. Ситуация, когда эти ценности подвергаются подрыву (в игровой форме, в форме критики, через деконструкцию) – постмодерн. Разумеется, модерн М. Вебера [4], Ю. Хабермаса [5], Э. Гидденса [6] отличается от модерна Кассиодора или Гегеля, но все дефиниции модерна имеют одну важную черту – они *описывают время как форму*, как формальность, как набор культурных характеристик, присущих социуму на определенном участке пространства-времени. Момент подрыва этой формы – *постмодерн*, отрефлексируемый Ж. Лиотаром в 1979 г. [7], но, безусловно, существовавший много раньше: сам «основатель постмодерна» считал его составной частью модерна, постоянно в модерне присутствующей и нацеленной на его критику и изменение. По мнению Лиотара, постмодерн – не следующая стадия модерна, а имплицитно присущая модерну мысль о новой возможности, новом порядке; свойство динамического, если угодно, диалектического развития модерна [8. С. 27–32]. Иными словами, для бывшего марксиста Лиотара постмодерн относительно модерна играет ту же роль, что коммунизм относительно социализма для Маркса: *инструментарий критики и проекции, нацеленных на изменение и будущее*. Эти размышления Лиотара почему-то игнорируются большинством изучающих постмодерн, но кажется справедливым отталкиваться от них: Лиотар – автор концепта, а сам инструментарий постмодерна – игра, критика, деконструкция, множественность, «Культура – это жизнь наоборот»¹ – инструментарий завоевания нового политического пространства в культуре: «Постмодернизм в высшей степени современен. В высшей потому, что намеренно забегает вперед, опережает время, потому что высота, пик его в будущем» [9. С. 168]. *Модерн – цементированное состояние формы, постмодерн – текучее состояние подрыва формы*. В оптике марксизма: каждая текущая формация до определенного момента сдерживает в себе латентные силы грядущей формации, которые еще оформляются, находясь в конкурентной среде, в среде постоянных угроз и риска, и посредством этого получая свою огранку, выкристаллизовываясь как следующая цивилизация, как следующий модерн. Культура – *Leitkultur*, контркультура – это подвижное проективное состояние общественного разума, в то время как цивилизация – его застывшая форма [10]. Модерн – это цивилизация. Постмодерн – феномен культуры. Момент кардинального разлома, когда рушатся и основания модерна, и основания постмодерна – ситуация межцивилизационной эпохи [11. С. 17], примерами которой могут служить: Второй переходный период в Египте (XIII–XVII династии), когда социальный взрыв, всеобщий хаос и вторжение гиксосов, судя по сохранившимся текстам-плачам, вызвали кардинальный слом устоявшегося порядка; падение Западной Римской империи и образование массы королевств на территории современной Европы. В России, пожалуй, в качестве таковой можно обозначить эпоху Петра I, когда наследие Византии и Орды худо-бедно пытались заменить на европейское платье, или революцию 1917 г., явившую собой радикальный опыт и для страны и для мира. В период межцивилизации «старые права уже не обязывают, а новых еще нет. Старый властелин, который надзирал за исполнением права, уже не существует и никто не знает, каковы будут решения, принятые

¹ «La culture est l'inversion de la vie» – лозунг революции 1968 года во Франции.

новым, потому что даже личность этого нового была не известна» [12]. Разумеется, в своем конкретном-историческом воплощении все эти периоды существуют, сосуществуют и накладываются друг на друга, образуя культурно-историческую динамику: мы можем посмотреть на советский проект как на постмодернистскую ситуацию относительно буржуазного проекта, которой не эволюционно, но революционно, т.е. с проваливанием в междоцивилизацию, удалось в рамках конкретного пространства-времени попытаться, разрушив несовершенную, но существующую модернистскую модель, реализовать более совершенный проект модерна (как его видели Кант и Маркс). Однако после короткого опыта ситуация вернулась к общему цивилизационному, модерному, развитию Европы. Тем не менее, Советский Союз какое-то время пытался являть собой другую форму европейского модерна, существуя в границах европейской культуры и цивилизации.

Именно в подобном отношении (модерн-постмодерн как цивилизация-культура) и возникает ситуация конца XX – начала XXI в., которую можно было бы обозначить, как *ситуацию полимодерна*: когда на основу – модерн – накладывается большое разнообразие приставок-рефлексий, объединенных дефиницией постпостмодерн (Л. Хатчеон)¹: надсовременность или сверхсовременность (*la surmodernité*, М. Оже)², гипермодерн (Ж. Липовецкий), текущая современность (*liquid modernity*, З. Бауман) = поздняя современность (*late modernity*, Э. Гидденс), «иной модернизм» (*altermodernism*, Н. Буррио), космодернизм (*cosmodernism*, К. Морару), цифромодернизм (*digimodernism*, А. Кирби), метамодернизм (*metamodernism*, Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен), неомодернизм (А.А. Пелипенко); сюда же можно отнести постгуманизм (*post-humanism*), перфоматизм (*performatism*), вторую современность (У. Бек), время «после конца истории» (Э. Чоран).

Рубеж 1990–2000 гг. столкнулся с огромным количеством предлагаемых «п-модернов», число которых, умножаясь и множась, сегодня начинает стремиться к бесконечности, коррелируя с числом PhD по философии, обративших внимание на те или иные особенности культуры контемпоральности и попытавшихся эти особенности ухватить. Постмодерн в таком ракурсе анализа культуры растворяется и исчезает. А. Кирби [14] отмечает, что большинство постмодернистских текстов: «Женщина французского лейтенанта» (Д. Фаулз), «Ночи в цирке» (А. Картер), «Если однажды зимней ночью путник» (И. Кальвино), «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (Ф. Дик) – совершенно неактуальны для ныне живущего поколения и описывают в качестве фантастических вещи, окружающие сегодня каждого человека с рождения. С точки зрения Кирби, на начало XXI в. постмодернизм *dead and buried* (мертв и похоронен), а в культурной жизни (кино, музыке, научных конференциях) – лишь иногда проскакивают намеки на постмодерн или имена, с ним связанные: Деррида, Фуко, Бодрийяра. О конце постмодернизма объявили и такие ведущие его теоретики, как Л. Хатчеон [15. Р. 181] и И. Хассан [16].

¹ Иногда принято различать «модерн» и «модернизм» по их отношению ко времени и культуре: наличие суффикса «-изм» указывает на мысль, на интеллектуальное направление; отсутствие суффикса – на исторический период. В данной работе автор использует данные варианты как синонимы.

² А.В. Павлов указывает, что приставку «sur» было бы корректнее переводить на русский как «сверх» или «над» [13. С. 71].

Иными словами, постмодерн как течение превращается в такой же мертворожденный проект западноевропейской и американской культурной истории, каким некогда был соцреализм в истории культуры стран Восточной Европы: огромное количество произведений искусства, статей, диссертаций и книг вдруг становятся неактуальными, а спекулирующая на фоне постмодерна мысль – тщетной. В этих условиях постмодерн лишается своей онтологии, превращаясь во фрагмент культурного развития цивилизации модернити, на чем изначально настаивал ряд историков [17]. Постмодерн становится сиюминутным, и такими же окажутся все остальные *модерны*. И несмотря на настойчивое желание найти в постмодерне что-то принципиально новое, что-то отличающее мир конца XX в. от предшествующего периода, правы оказывались скептики, наподобие Ю. Хабермаса считавшие модерн незавершенным; правы по причине, на которую изначально указывал Лиотар: постмодерн – часть модерна, устремленная в будущее и нацеленная на обновление. Все вышеперечисленные концепции *n*-модерна – это конкретные формы, которые принимает постмодернистская критика модерна в попытке ухватить современность, что актуализирует вопрос о современности как феномене, совечном человеку, в котором человек существует и который он создает. Именно современность связывает между собой модерн, постмодерн и межцивилизацию. И не следует умножать современность без необходимости.

Цивилизация и культура, модерн и постмодерн, межцивилизационная эпоха – крупные тотальные тектонические пласты, образующие либо основание современности, либо ее вершину: современность отталкивается *от* и влияет *на*, она образуется в среде и преобразует среду, конфигурирует, пере-конфигурирует и создает новое экзистенциальное пространство человеческого *со-бытия* в пространстве-времени, обретающем объемную форму. Цивилизация в этом пространстве – пласт первый и основной, самый консервативный. Цивилизация *задается* не только усилиями человека, человеческого сообщества, но и факторами «вызова» (А. Тойнби) – природной средой формирования. В.В. Емельянов [18. С. 7–19] выделяет ряд ценностных векторов, напрямую зависящих от ландшафта, где выросла та или иная цивилизация: 1) безлесные равнины и полноводные реки способствуют складыванию невоинственной земледельческой цивилизации; 2) сочетание горных и пустынно-степных районов, образуемая в результате такого сочетания засушливая местность способствуют складыванию воинственной кочевой цивилизации с сильным духом коллективизма (человеку сложно надеяться только на себя); 3) близость моря, прибрежный характер жизни, влияют на открытость, готовность к постоянным изменениям, заставляют ценить свободу, прогресс, независимость; 4) лес как среда обитания влияет на мистический характер цивилизации, обращая внимание ее коллективного актора не столько в мир внешний, сколько во внутренний. Емельянов отмечает, что в каждой цивилизации скрещивается несколько таких векторов, но в итоге доминировать начинает какой-то один. Поэтому любой разговор о культуре и цивилизации Емельянов считает правильным начинать с изучения того, что географическое положение диктует культуре.

Географическая среда, влияющая на менталитет, воздействует на формирование религии. *Среда, менталитет, религия – три кита цивилизации как порядка*, придающего форму большому социальному телу, отграничивающе-

го одно такое тело от другого. Отсюда региональный характер цивилизаций – особенность пространственного размещения, соотношения типов ландшафта и доминирующего народа. Религия обеспечивает устойчивость и преемственность цивилизации. А временной характер цивилизация обретает в рациональности.

Рациональность – форма социального разума. Это не бессознательное менталитета с его предустановленными паттернами, а подвижная ткань культуры. Сама культура – вечно меняющаяся проективность новой цивилизации, на становление которой нужны значительное время и изменения в образе жизни, связанные прежде всего с технологиями. «Культура перманентно трансформируется в цивилизацию» [19. С. 96]. Культура – набор текущих значений, принятых определенной социальной группой, масштаб которой может колебаться. Отсюда градации культуры. Отсюда употребление термина в родительном падеже (до XVII в.). Культура чья-то. Культуру *кто-то носит*. Культуру выбирают, усваивают, сознательно изменяют. Культурное поле договорное: о культуре *договариваются сейчас*, а не *договорились раньше*, как в случае с цивилизацией. Культура – часть цивилизационной динамики, которая не столько меняет цивилизацию, сколько *наполняет* ее смысловыми и ценностными горизонтами. Христианская цивилизация не меняется, но в ее рамках существуют культура Средних веков, культура модерна, культура России, культура Франции, культура готов, т.е. множество конкретного смысло-ценностного наполнения, справедливого для социальных групп, размещенных в пространственно-временных локациях. В конечном счете культура – такой же воображаемый (Б. Андерсон [20]) проект, как нация: нас либо принуждают к культуре, либо мы усваиваем ее сознательно, относя себя, стремясь относиться к какой-либо референтной группе. Цивилизация усваивается исподволь. Именно поэтому основная часть России и Кавказ за столько лет совместного существования не могут найти общий язык – мешает серьезный цивилизационный разлом.

Культура не меняет цивилизации. Культура находится в пространстве повседневности, обыденности. Она ценится. Цивилизация меняется политически (Ж. Рансьер). Цивилизация меняется декларацией [21], производимой на площадях (А. Бадью). Слом цивилизации – это революционный процесс проваливания в межцивилизацию. Он может ощущаться, может происходить практически незаметно, но его результат – изменение нормативной структуры: деконструкция одной системы и созидание другой, отмирание действия старых норм. Именно различие Уайльда и Джойса позволило теоретикам искусства говорить о постмодерне: строгая, наполненная блестящими афоризмами и парадоксами проза Уайльда – один из пиков классического литературного нарратива – распадается в игровом повествовании Джойса, играющего со всем, с чем только может баловаться писатель: стилем, словами, синтаксисом. Это же происходит в живописи. Но пространство искусства – пространство культуры. Оно влияет на политику, но остается зависимым от нее. Поэтому формы перетекают, трансформируются, исчезают и возникают новые: культура постоянно ищет, меняется с каждым новым поколением и под воздействием каждого нового субъекта, вступающего в диалог современности, *диалог-со-временем*. Культура в XX в. как минимум дважды пыталась выйти на площадь, дважды казалось, что ей это удалось – в 1917 и 1968 гг.,

но оба раза «мост перевернулся в воздухе и упал на прежнее место» («По следам бременских музыкантов»): культурные трансформации остались в традиции цивилизации модерна, разрыва не произошло, межцивилизационной эпохи не настало. Как минимум мы ее не ощущаем: несмотря на самые разнообразные социальные изломы, мы продолжаем жить в обществе модерна, ценности которого были удачно обозначены (резюмированы) Э. Гидденсом: Разум, Эмансипация, Прогресс [6]. Наше сегодняшнее общество все еще продолжает бороться за достижение этих ценностей, сформулированных на заре модернити.

Фактически межцивилизационная эпоха – эпоха слома онтологических представлений человечества о своем статусе, о своем отношении с богами – персонификацией бытия. «Революция всегда направлена против богов – начиная с революции Прометея», – писал А. Камю [22. С. 62]. Межцивилизационная эпоха ломает божественное, ломает религиозный канон, цементирующий цивилизацию. Поэтому межцивилизационная эпоха – эпоха между Античностью и христианством, между христианством и секуляризмом модерна. Иными словами, на сегодняшний день мы живем именно в межцивилизационной эпохе, когда ценности христианства практически деконструированы, но все еще имеют после себя сильный конденсационный след в сознании людей, а ценности модерна почти установлены, но до них еще длительный политический путь. В результате ни старая система не разрушена полностью (в отличие от античного упрощения мира [23]), ни новая не смонтирована окончательно: для этого человечеству еще предстоит реализовать программы Канта и Маркса.

Если цивилизация – основа, культура – ее наполнение конкретно-смысловым содержанием для «живых человеческих индивидов» (К. Маркс), то модерн – форма цивилизационной устойчивости и цивилизационного выражения, заявляющая о себе через средства искусства (литература, скульптура, живопись) и форму политического действия, заявленные политические ценности, объявленного «светлого будущего». Цивилизация – способ различения *нас* от *них* во временной горизонтали, культура – различение *нас* от *них* в локации, модерн – различение *нас* от *них* в вертикали, т.е. на шкале времени. Постмодерн – перманентная попытка нащупать основания грядущего, трансформировать модерн под задачи текущего поколения. А современность – это ситуация, в которой рождаются постмодерн, модерн, культура и цивилизация. Современность рождается благодаря действию субъектов, которые реализуют свое действие в форме политического высказывания.

Политическое пространство состоит из кругов современности: объединяет и представляет их. Именно анализируя политическое (и историческое), проще всего приблизиться к пониманию современности. Именно в политическом смыкаются и отражаются разобранные выше пространства: цивилизация как граница, культура как формы, модерн как ценности, постмодерн как возможность, субъект как актер и современность как рефлексия настоящего (прошлое встроено в настоящее) и проекция (изобретение) будущего, осуществляемые субъектом. Ткань политического дополнительно образуют поля обыденности, революционности и утопии, в которых физически и ментально находится субъект – это поля ситуации и возможности, поля когнитивной активности, где происходит изобретение новой ситуации.

А. Бадью определяет политику как субъективную деятельность, способную производить новые истины [24. С. 10]. Безусловно, истина – ключевое понятие философии и основная цель деятельности субъекта: пытаюсь мыслить и действовать, субъект пробует тем или иным способом интерпретировать свое бытие, схватить его, ухватить его смысл, надеется, что его интерпретация будет максимально полно соответствовать реальности (если перечитать Аристотеля в духе XX в.). Субъект по-разному постигает смысл собственного бытия. Инструментарием этого постижения служат, как опять же указал А. Бадью, любовь, поэма, математика и политика [25. С. 15–16]. Любовь открывается каждому на том или ином этапе и открывает (или приоткрывает) человеку истину о мире, о его связи с миром. Искусство – эмоциональный акт познания мира и возможность дать бытию высказаться через себя. Человек искусства – в большей степени рупор бытия. И в искусстве схватывается время. Время отражается, время анализируется, время изменяется. Искусство – самая динамичная сфера современности. Это сама современность, воплощенная в форме высказывания субъекта. По этим высказываниям мы можем судить о происходящем *сейчас*.

Наука – рациональный способ принять бытие, вписать в понятные и усвояемые, транслируемые границы, научиться с ним сосуществовать. Наука – хотя и процедура истины, а также способ получения субъектом знания о себе самом и о мире, она большее контемпоральна, чем современна, более технична и специализирована. Наука опредмечивает (М. Хайдеггер). Наука нацелена на частное, а ее итоговая всеобщность слишком механистична и неэкзистенциальна. Наука дает нам истину, но истину о существующем, а не бытийствующем. И потому она необходима, но мертва без иных процедур (в частности, без философии, встраивающей науку в аппарат субъекта, придающего ей иное измерение).

Однако все эти процедуры – эрос, стремящийся к агапэ; наука, поднимающаяся к философии; искусство само по себе – обретают значимость, выходя на пространство политики, позволяющей реализовать проекции. Все перечисленные процедуры позволяют создать проект: ракурс зрения субъекта, модель усовершенствования сущего. Но реализация этой модели, ее обсуждение происходят на полифокальной политической площадке. Не в рутинном понимании парламента, а в широком понимании вербализованной декларации (трактат, стихотворение, картина) или декларации площадей: «Мы не рождены для того, чтобы убивать, или для того, чтобы быть убитыми. Только для того, чтобы быть услышанными» (Субкоманданте Маркос). Исторически соотношение субъективности-мысли и политики можно проследить, обратясь к Иудее времен римского владычества: внутривластная локальная площадка кипела от вариантов Спасения (фарисеи, саддукеи, zeloty – у каждой секты могли быть крылья; бродячие проповедники), но эти варианты ни идеологически, ни на уровне физических носителей не интересовали римские власти до тех пор, пока не начинали представлять собой реальной политической угрозы.

Политика – способ изменения. Политика – ситуация постмодерна. Политика не существует в модерне, отсутствует в ситуации стабильности. «Политика имеет место время от времени» [26. С. 14]. Она периодически исчезает из публичного пространства. Наличие или исчезновение политики – симптом

наличия или существования субъективности (или ее сна), потому что политика – реализация деятельности субъекта как актора культуры. В.И. Ленин писал, что массы делятся на классы, классы представлены партиями, а управляются выбираемыми вождями [27. С. 22]. Однако Ленин говорит о выборе вождей. Но вождей не выбирают. Формулу Ленина нужно перевернуть с ног на голову, чтобы понять, что такое современность: сначала существует вождь (субъект), потом множества (партии), потом классы (массы).

Политический вождь – фигура не назначаемая, но фигура мысли, воплощение мысли. Вождь – это мысль, *cogito*, субъект. Вернее, политический вождь. Прежде всего, вождь – это субъект, постигший в мысли свое время (Гегель) и высказавший свое понимание времени и направление, в котором следует идти во имя грядущего. Сократ говорил о философской истине, Иисус – о Царствии Небесном, Будда – о взгляде внутрь, Маркс – о необходимости менять мир. Кальвинизм, маоизм, фрейдизм суть политические имена вождей, имена субъектов-современников, которые продолжают жить и говорить *вне* времени, будучи современными текущему, живущему, находясь в диалоге с *сейчас*, в диалоге с субъектом времени N. Особенность субъекта современности в том, что он находится не в плоскости, а в объеме: его положение не датируется временем физической жизни, а соотносится с временем существования высказанной Идеи. Субъект современности находится в диалоге со своим современником в момент жизни этого современника, в момент актуализации высказанного, в момент развития Мысли и диалога двух Мыслей. В результате *изм* субъекта остается *со*-временным субъекту на полифокальной площадке перманентно. И в качестве политического вождя субъект не выбирается, а занимает место. Субъект в качестве политического вождя не столько выбирается, сколько оказывается: его не выдвигают, но к нему приходят. Субъекта не выбирают, но признают. Субъект – это тот, кто держит ключ (к бытию) и свечу (для движения).

Однако субъект современности чаще занимает место Познания и Постижения, место Объявления и Говорения. Ресурс субъекта современности чаще уходит на мысль. Мысль, понятную как акт. В политическое субъект современности входит как высказанное, соприкасающееся с высказанным, как проект, бьющийся об ограждение существующего, о забор ситуации¹. Вооружение субъекта современности – вымысел, утопия, где сосредоточен его план спасения, опирающийся на агапэ – «Истинным революционером движет великая любовь» (Че Гевара) – и интерпретацию мира (философию). Оружие субъекта современности – слово (перо, кисть, видеокамера; слово в широком понимании текста). С этим оружием субъект выходит на коммуникативное ристалище, где схлестывается с другими субъектами – *со*-временниками, т.е. Другими, ухватившими время, писавшими и пишущими, но благодаря Слову находящимися в *сейчас*. Все вместе они образуют полифокальную и перманентную *со*-временность.

Тем не менее субъект современности реализуется признанием. Субъект как мысль не в состоянии действовать полноценно на политическом поле, потому что помимо высказывания политика нуждается в реализации. Нужен кто-то, кто воплощает провозглашенное в жизнь – кто призывает, мобилизу-

¹ Ситуация как порядок, Событие как возможность в терминах А. Бадью.

ет, возглавляет, осуществляет и утверждает. Помимо провозглашения нужно утверждение. Для превращения в модерн постмодерну требуется инсталляция. Актору необходимы агенты. Таким образом, у субъекта современности в орбите обязательно должен находиться апостол, круг апостолов, которые расширяют влияние субъекта и реализуют его в политическом.

Иными словами, *вокруг субъекта складывается множество* (А. Негри, М. Хардт).

Объединение субъекта и множества – это не марксистский жест образования массы как коллективного субъекта, в котором все сливается в единый монолит и Я растворяется в Мы; Я должно следовать общей воле Мы. Это идеалистические представления: Мы никогда не обладает ни волей, ни мыслью, ни действием, если за действие не считать стихийный эмоциональный всплеск. За Мы всегда стоит Я. Именно Я мыслит, именно Я организует, именно Я действует, именно Я *воображает*, именно Я девиантно Символическому. Мы – это агенты Я. Даже если Мы становится массой, в которой нивелированы все Я (предположить такое Мы в абсолюте), то эта масса все равно будет действовать, опираясь на *мертвое Я*, т.е. на некоторую сказанную мысль, чей физический носитель остался в прошлом, но которая как чистая субъективность дошла до *сейчас*, как это проявляется в известном лозунге «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!». Для самой выхолощенной массы нужно свое Реальное, нужен свой Ленин, т.е. свой субъект.

Поэтому объединение субъекта и множества – это не марксистский ход, это ситуация современности: субъект переживает и проецирует современность, а *множество участвует в реализации программы субъекта*. В политическом поле взаимодействуют субъекты. Множества создают субъекту то, что можно было бы назвать силовым полем: поля соприкасаются, взаимодействуют, сливаются и поглощаются в пространстве-времени. Если субъекты ведут Диалог, то множества осуществляют террор: множества не мыслят, но пытаются навязать. Именно множества осуществляют политическую борьбу, осуществляют революцию, структурируют Символическое. Множество следует. Множество вооружено Книгой, но оно не находится среди книг.

В связи с тем что политическое пространство современности структурируется наличием в нем субъекта и множества, а субъектов и множеств масса, ткань политического в современности (как и ткань современности) полиморфна и изоморфна, а сфера политики – сфера раскола и События. Политическое изначально расколото противоречием, потому что соткано из утопий. Каждая утопия – проект грядущего, родившийся в голове субъекта (*esse est percipi*), воспринятый множеством и им же реализуемый как *praxis*¹. На политической площадке в форме экзистенциального диалога происходит столкновение утопических проектов, а случай победы одного из них, реализации одного из них есть ситуация революции, ситуация События, ситуация рождения нового – момент, когда общество может оказаться в межцивилизации и изобрести что-то совершенно новое: либо новый модерн, либо новую цивилизацию. Событие существует, Событие случается, Событие – часть политического, но Событие не всегда реализуется, часто оказывается похоронен-

¹ *Praxis* – слово, означавшее у античных греков вид свободной, самоорганизуемой деятельности, посредством которой мы преобразуем мир.

ным. Революция 1789 г. – Событие, утвердившее в рамках христианской цивилизации модерн Нового времени вместо модерна Средневековья, но не менявшая саму цивилизацию. Революция 1917 г. – попытка до конца реализовать заветы 1789 г., т.е. завершить модерн Нового времени (модерн – заверченный проект, перефразируя Ю. Хабермаса). Революция 1917 г. – ницшеанское повторение, призванное завершить, но оказавшееся половинчатым. Революция 1968 г. – еще одно повторение. Идея Просвещения – *Sapere aude* – остается нереализованной, и до момента ее реализации Новое время будет незавершенным. Сегодня А. Бадью указывает на проблему отсутствия вымысла [28. С. 104], жалеет об отсутствии События в политике после 1970-х гг. Думается, проблема тут в том, что нереализованное наследие Просвещения не позволяет перейти к новому: требуется перейти в ситуацию нового модерна (мы не знаем, каким он должен быть, но это точно не просто ирония, цифровизация или новая наивность), а может, в ситуацию новой цивилизации, чтобы образовались новые формы вымысла, новые формы События. Сегодня мы имеем нереализованный вымысел Канта, Маркса, Кропоткина, Сартра, позволяющий людям реализоваться в качестве свободных самостей, но вымысел, подавляемый господствующей системой капиталистического парламентаризма. В настоящем мы имеем дело не просто с нереализованным потенциалом современности, но с наступлением на этот потенциал со стороны Империи, нового правового мирового порядка без границ и пределов, когда крупные фигуры этой Империи (такие как Б. Гейтс или Г. Греф) говорят о недопустимости критического мышления для всех, ратуют за введение онлайн-образования, множественного образования, т.е. в обоих случаях недообразования (исключая из этого своих собственных детей), превращения людей в идеальных потребителей (Э. Шмидт, Д. Коэн). Происходит вытеснение События из поля политики, как и самой политики, как и самой субъективности. В настоящем искусство и философия продолжают мыслить, продолжают схватывать и транслировать бытие, но происходит распад множеств и политическое распадается.

В результате задача политики в ситуации современности происходит через реализацию утопии (мысли-диспозитива) субъекта, поддержанной множеством (сложившегося вокруг субъекта общества сторонников / последователей) прийти к Событию (революции), служащему для запуска нового Символического (модерна или цивилизации). Политика таким образом образует один из ключевых кругов современности, с одной стороны, венчая, с другой – находясь в основе культурной матрицы. Круги перманентной современности в результате составляются из следующих структурных элементов: 1) цивилизации (основы, задаваемые условиями и отражающиеся в менталитете, усваиваемые априорно); 2) модерна (устойчивой ценностной шкалы цивилизации, выражающейся в художественной практике и формах политического запроса, в том числе на уровне тезисов «время – деньги», «Разум, Эмансипация, Прогресс» и проч.); 3) культуры (формы общественной жизни в условиях модерна, принимающей микро- и макроформы); 4) постмодерна (ситуации нащупывания новых оснований, разворачивающейся в горизонте культуры, но имеющей целью модерн и цивилизацию); 5) межкультурной эпохи (положение слома); 6) субъекта (человека, реализующего собственную самость и создающего проект социального будущего);

7) множества (сообщества последователей, складывающегося вокруг субъекта); 8) политики (процедуры реализации современности в поле интересубъективности, итогового механизма культурной трансформации, где вместе сливаются любовь, философия и искусство, а основными движителями оказываются субъект, утопия и революция, таящиеся в пространстве обыденности). При этом цивилизация и политика образуют статико-динамическое целое, в границах которого складывается и разворачивается культура в широком понимании этого слова.

Список источников

1. Freund W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters // Köln and Graz: Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung. 4. 1957. S. 27–40.
2. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition // American Heritage Dictionary. URL: <http://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=modern&submit.x=0&submit.y=0> (accessed: 09.01.2021).
3. Бодлер Ш. Об искусстве. М. : Искусство, 1986. 422 с.
4. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe, Ill.: The Free Press; The Falcon's Wing Press, 1947. X. 436 p.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М. : Весь Мир, 2008. 416 с.
6. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетейя, 2014. 160 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 145 с.
9. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общие научные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–177.
10. Павлов А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–27.
11. Павлов А.В. Межцивилизационная эпоха. Поколение выбора // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 17–24.
12. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
13. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Философия и современность. 2019. № 1. С. 69–83.
14. Kirby A. The death of postmodernism and beyond // In Philosophy now: A magazine of ideas, L. 2006. № 58. P. 34–37.
15. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. New York ; London : Routledge, 2002. 222 p.
16. Hassan I. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // In Modern Greek Studies (Australia and New Zealand). 2003. Vol. 11. P. 303–316.
17. Хобсбаум Э. «Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России» // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_421.html (дата обращения: 12.01.2021).
18. Емельянов В.В. Ценностные системы культур Востока: между нормой и идеалом // Идеалы. Ценности. Нормы : материалы VI Междунар. науч. конф. по востоковедению (Торчинские чтения). 3–6 февраля. 2010. С. 7–19.
19. Чупров А.С. Культура и цивилизация: тождество противоположностей // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 95–104.
20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
21. Бадью А. Восточный ветер сбивает западную спесь // URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochniy-veter-sbivaet-zapadnyuyu-spes/> (дата обращения: 05.01.2021).
22. Камю А. Сочинения : в 5 т. Харьков : Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
23. Павлов А.В. Перспективы неомодерна. Философия новой эпохи // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 85–90.
24. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
25. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
26. Бадью А. Рапсодия для театра. Краткий философский трактат. М. : Модерн, 2011. 96 с.

27. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. литературы, 1981. Т. 41. 696 с.
28. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 112 с.

References

1. Freund, W. (1957) Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. *Köln and Graz: Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung*. 4. pp. 27–40.
2. Ahdictionary.com. (n.d.) *The American Heritage Dictionary of the English Language*. 5th ed. [Online] Available from: <http://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=modern&submit.x=0&submit.y=0> (Accessed: 9th January 2021).
3. Baudelaire, C. (1986) *Ob iskusstvo* [About Art]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo.
4. Weber, M. (1947) *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe, Ill.: The Free Press; The Falcon's Wing Press.
5. Habermas, J. (2008) *Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsiy* [Philosophical Discourse on Modernity. Twelve Lectures]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.
6. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Translated from German. Moscow: Praxis.
7. Lyotard, J.-F. (2014) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French. Moscow: Aleteya.
8. Lyotard, J.-F. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlya detey: Pis'ma: 1982–1985* [Postmodern for Children: Letters: 1982–1985]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
9. Grechko, P.K. (2000) Intellekual'nyy import, ili O periferiynom postmodernizme [Intellectual Import, or About Peripheral Postmodernism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 166–177.
10. Pavlov, A.V. (2012) Civilization and the inter-civilizational epoch. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology."* 3. pp. 17–27. (In Russian).
11. Pavlov, A.V. (2016) Intercivilizational epoch: generation of choice. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 3(59). pp. 17–24. (In Russian).
12. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter.
13. Pavlov, A.V. (2019) Obrazy sovremennosti v XXI veke: sverkhmodernizm [Images of Modernity in the 21st Century: Supermodernism]. *Filosofiya i sovremennost'*. 1. pp. 69–83.
14. Kirby, A. (2006) The death of postmodernism and beyond. *Philosophy now: A Magazine of Ideas*. 58. pp. 34–37.
15. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge.
16. Hassan, I. (2003) Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust. *Modern Greek Studies (Australia and New Zealand)*. 11. pp. 303–316.
17. Hobsbawm, E. (n.d.) *Masshtab postkommunisticheskoy katastrofy ne ponyat za predelami Rossii* [The scale of the post-communist catastrophe is not understood outside of Russia]. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_421.html (Accessed: 12th January 2021).
18. Emelianov, V.V. (2010) Tsennostnye sistemy kul'tur Vostoka: mezhdru normoy i idealom [Value systems of cultures of the East: between the norm and the ideal]. *Idealy. Tsennosti. Normy* [Ideals. Values. Norms]. Proc. of the 6th Conference. February 3–6, 2010. pp. 7–19.
19. Chuprov, A.S. (2020) Culture and civilization: the identity of opposites. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 5(85). pp. 95–104. (In Russian). DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104
20. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole.
21. Badiou, A. (n.d.) *Vostochnyy veter sbivaet zapadnyuyu spes'* [The east wind knocks down the western arrogance]. [Online] Available from: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyy-veter-sbivaet-zapadnyuyu-spes/> (Accessed: 5th January 2021).
22. Camus, A. (1998) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 5. Kharkov: Folio.
23. Pavlov, A.V. (2017) Prospects of neomodernism. Philosophy of new epoch. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 2(64). pp. 85–90. (In Russian).
24. Badiou, A. (2013) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu* [Philosophy and event. Conversations with a Brief Introduction to the Philosophy of Alain Badiou]. Translated from French. Moscow: Institute for General Humanitarian Research.

25. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto of Philosophy]. Translated from French. St. Petersburg: Machina.
26. Badiou, A. (2011) *Rapsodiya dlya teatra. Kratkiy filosofskiy traktat* [Rhapsody for the Theater. A Short Philosophical Treatise]. Translated from French. Moscow: Modern.
27. Lenin, V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 41. Moscow: Izd-vo polit. literatury.
28. Badiou, A. (2013) *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* [Mysterious relationship between philosophy and politics]. Translated from French. Moscow: Institute for General Humanitarian Research.

Сведения об авторе:

Мальцев Я.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maltsev Ya.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern History and World Politics Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 15.01.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья
УДК 165.4
doi: 10.17223/1998863X/68/14

КОНЦЕПТ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ГИПОТЕЗЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ СИМУЛЯЦИИ

Полина Сергеевна Спрукуль

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
polina.sprukul@gmail.com*

Аннотация. Обсуждаются возможные концепты субъекта, находящегося внутри компьютерной симуляции. В данном контексте рассматривается проблема внешнего мира и позиция виртуального реализма. Предпринимается попытка по-новому взглянуть на классическую проблему скептицизма.

Ключевые слова: проблема внешнего мира, виртуальная реальность, гипотеза компьютерной симуляции, виртуальный реализм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Спрукуль П.С. Концепт субъекта в контексте гипотезы компьютерной симуляции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 146–153. doi: 10.17223/1998863X/68/14

Original article

CONCEPTS OF THE SUBJECT IN THE CONTEXT OF THE COMPUTER SIMULATION HYPOTHESIS

Polina Sergeevna Sprukul'

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk,
Russian Federation;*

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
polina.sprukul@gmail.com*

Abstract. The article is a continuation of analyzing the skeptical problem of the external world in the context of the computer simulation hypothesis. The beginning was in the article "The Computer Simulation Hypothesis and the Problem of Skepticism". The thinking is within the framework of a new version of the matrix/metaphysical hypothesis by David Chalmers. The skeptical problem is formulated and discussed in the form of two questions: 1. Can the subject know that he is in a simulation? 2. Can the simulated world be real? The hypothesis of computer simulation is skeptical if the statements of the subject in simulation about the external world are false. The author pays attention to the concept of the subject inside the simulated world and formulates two concepts. The first is a biological subject: a biological being that is connected to the simulation using a special device (contacts, wires, controllers, etc.). The biological subject is not a part of the simulation, but can only interact with it. The second concept is a digital subject: a simulated being, completely digital. The digital subject is a part of the simulation. These concepts are considered in the case of a

perfect simulation that does not allow errors, glitches, etc., and an imperfect one that allows some errors. For the subject inside the simulation, it depends on whether he can know that the world around him is simulated or not. If the subject is inside a perfect simulation, then its program prescribes in advance whether he will be able to find evidence of this or not. Imperfect simulation assumes the possibility of errors and evidence that can be detected by the subject. If the subject is in a perfect simulation, he may never get proof of this, because her perfect program is written in such a way that the simulated world cannot be distinguished from the real one. As an answer to the question whether the simulated world can be considered real, the position of virtual realism and some arguments in its favor are given. The author comes to the conclusion that, firstly, the subject may know that he is in a simulation, if the simulation is imperfect. And secondly, from the point of virtual realism, for the subjects inside the simulation, regardless of whether they are biological or digital, the simulated world surrounding them will be real for them.

Keywords: problem of external world, virtual reality, computer simulation hypothesis, virtual realism

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Sprukul', P.S. (2022) Concepts of the subject in the context of the computer simulation hypothesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 146–153. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/14

Человеку свойственна любознательность. Именно поэтому он всегда задает вопросы об окружающем мире, о себе, о других. Что за мир вокруг? Является ли он реальным? Уже ставший классическим вопрос Рене Декарта о том, как мы можем что-то знать об окружающем нас мире, в настоящее время обрел новую актуальность и новую формулировку. С развитием технологий количество возможностей человека увеличивается, в том числе появляется возможность конструировать цифровые миры и населять их существами. Приведенный выше вопрос является одной из трактовок проблемы внешнего мира, которую философы пытаются решить уже не один век. Сегодня, когда виртуальная реальность стала чем-то обыденным, этот вопрос открывает новые смыслы – а может и наш мир на самом деле является виртуальной реальностью? Может быть мы, как и Нео [1], находимся в капсулах, подключенных к матрице, и все, что реально в этом мире, это наше сознание?

В последние годы в рамках рассуждений о проблеме внешнего мира все чаще упоминается гипотеза симуляции, в частности компьютерной симуляции. Новая действительность порождает новые точки зрения. Обсуждаются виртуальная реальность и ее специфика, фигура создателя симуляции, вопросы познания в симулированном мире, а также проблема сознание-тело и т.д. Объектом нашего интереса является гипотеза компьютерной симуляции и ее виртуальная реальность. Ранее в статье «Гипотеза компьютерной симуляции и проблема скептицизма» [2] мы рассмотрели гипотезу симуляции Дэвида Чалмерса и дополнили некоторые ее пробелы. В итоге мы получили новую гипотезу компьютерной симуляции. В данной работе мы бы хотели уделить внимание концепту субъекта внутри симуляции, каким он может быть, и рассмотреть в этом контексте проблему внешнего мира.

Прежде чем перейти к рассмотрению субъекта внутри симуляции, реконструируем гипотезу компьютерной симуляции, которая была сформулирована ранее в работе «Гипотеза компьютерной симуляции и проблема скептицизма» [2]. За основу новой гипотезы была взята метафизическая/матричная

гипотеза Д. Чалмерса, которая включает три составляющие: специфику фундаментальной природы реальности, лежащей в основе физических процессов; утверждение о природе человеческого сознания и утверждение о создании мира. Саму гипотезу можно сформулировать в следующих утверждениях:

- Физическое пространство-время и его содержимое были созданы существами вне этого физического пространства-времени.
- Микрофизические процессы основаны на вычислительных процессах, разработанных создателями как компьютерная симуляция мира.
- Разум субъектов мира находится за пределами физического пространства-времени, но взаимодействует с ним.

Матричная версия данной гипотезы Чалмерса формулируется так: у субъекта есть (и всегда была) когнитивная система, которая получает входные данные и отправляет выходные данные в искусственно созданную компьютерную симуляцию мира. Чалмерс утверждает, что данные гипотезы эквивалентны в том смысле, что подразумевают друг друга, и если мы принимаем одну, то с необходимостью должны принять и другую [3].

Далее мы уточнили гипотезу Чалмерса. В контексте компьютерной симуляции мы можем говорить о фигуре создателя симуляции и способе симулирования. Мы можем предположить, что есть некоторая реальность уровнем выше (базовая реальность), в которой при помощи суперкомпьютера была запущена симуляция, вероятнее всего, для решения каких-то научных задач. Что касается фигуры создателя, то мы склоняемся к точке зрения, что это сильный искусственный интеллект или сверхразум (*superintelligence*): «...любой интеллект, значительно превосходящий когнитивные возможности человека фактически в любых областях» [4. С. 48]. Создатель находится вне симулированного физического пространства-времени, т.е. в базовой реальности.

В рамках гипотезы Чалмерса в основе симулированной реальности лежат физические процессы, основанные на вычислениях, так называемая теория *it-from-bit* (все из бита). Если мы рассматриваем идеальную симуляцию, то симулируются даже микрофизические сущности, такие как атомы, протоны, электроны и кварки. То есть на фундаментальном уровне все состоит из информации. Также мы обсудили позицию относительно сознания субъекта внутри симуляции, но в контексте дальнейшего рассуждения она требует пересмотра.

Перейдем к вопросу о самом субъекте внутри симуляции. Можно предположить разные способы, при помощи которых субъект подключается к симуляции, становится ее частью. В конечном итоге их можно свести к двум концептам субъекта: биологический субъект и цифровой субъект.

Биологический субъект – это биологическое существо, которое подключили к симуляции при помощи специального устройства (контакты, провода, контроллеры и т.п.). Такой субъект не является частью симуляции, а может лишь взаимодействовать с ней. Цифровой субъект же, напротив, является симулированным существом, полностью цифровым. Такой субъект является частью симуляции. Можно провести аналогию с персонажами «Матрицы» [1] Вачовски – Нео является биологическим субъектом, так как в базовой реальности он обладает биологическим телом и мозгом, он может только подключаться к симуляции, но не является ее частью. Спец агенты внутри симуляции, например агент Смит, являются цифровыми субъектами, так как они

не являются биологическими существами, а существуют только внутри программы симуляции как ее части.

Учитывая данные концепты, можно утверждать, что субъект Чалмерса является биологическим субъектом, так как он не является частью симуляции, а находится за ее пределами. Когнитивная система субъекта отделена от физических процессов в симулированном пространстве-времени, но взаимодействует с ними. То есть разум/сознание субъекта каким-то образом получает входные перцептивные данные из физического мира симуляции и посылает свои выходные данные в ответ. Это некоторая вариация мозга в колбе Х. Патнэма [5]. Ранее мы придерживались позиции нередуктивного функционализма по отношению к сознанию: «...функциональная организация с естественной необходимостью оказывается достаточной для сознательного опыта. В соответствии с этим воззрением сознательный опыт детерминирован функциональной организацией, но не обязан сводиться к ней» [6. С. 343]. То есть для сознательного опыта достаточно только определенной функциональной организации (мозга). Здесь сознание является супервентным на физическом – мозге, находящемся в базовой реальности и подключенном к симуляции при помощи специальных устройств.

Что касается цифрового субъекта, то сам он является частью симуляции, а значит и его сознание тоже. Если мы, как было сказано ранее, утверждаем, что в основе симулированной реальности лежат физические процессы, основанные на вычислениях (it-from-bit), то и сознание оказывается основанным на вычислениях. В данном контексте можно говорить о форме цифрового панпсихизма – сознание в симуляции является одним из ее фундаментальных свойств. То есть наличие сознания заложено в базовые уравнения конституирования симулированной реальности. Это значит, что абсолютно все объекты симулированного мира наделены цифровым сознанием, будь то деревья, столы или люди. По аналогии с панпсихизмом, деревья и другие объекты не обладают таким же сложным сознательным опытом, как люди – они обладают неким протосознанием, как объекты с менее сложной структурной организацией.

С точки зрения данных концептов субъекта внутри симуляции нам кажется интересным рассмотреть проблему скептицизма. В рамках дальнейшего рассуждения мы будем обсуждать ее в контексте двух вопросов: 1. Может ли субъект знать, что он находится в симуляции? 2. Можно ли считать симулированный мир реальным? Мы будем считать получившуюся гипотезу симуляции скептической, если утверждения субъекта внутри симуляции об окружающем мире будут ложными. Постараемся последовательно ответить на поставленные вопросы в рамках предложенных концептов.

Существует несколько типов гипотезы симуляции [7], но мы будем рассматривать только гипотезу компьютерной симуляции. Такая симулированная реальность представляет собой программу, сложную систему, функционирующую по определенным правилам. Такая система может быть идеальной, не допускающей ошибок, глитчей и т.п. И может быть неидеальной, т.е. допускающей некоторые ошибки. Для субъекта внутри симуляции от этого зависит, может ли он знать, что мир вокруг симулирован или нет. Если субъект находится внутри идеальной симуляции, то в ее программе заранее прописано, сможет ли он найти этому доказательства. То есть если

субъект не должен узнать о том, что он в симуляции, независимо от того, насколько сложными будут его эксперименты по изучению реальности и ее микрофизических процессов, они никогда не позволят ему сделать вывод, что он не живет в симуляции, поскольку все его наблюдения тоже являются частью компьютерной программы и заранее прописаны в ее сценариях. Д. Чалмерс неоднократно высказывал похожую мысль в своих выступлениях: мы никогда не сможем доказать, что мы не в симуляции, потому что любые доказательства, которые мы можем получить, вероятно, будут симулированы в симуляции [8]. Таким образом, неидеальная симуляция предполагает возможность ошибок и доказательств, которые могут быть обнаружены субъектом. Но если субъект находится в идеальной симуляции, то он может никогда не получить доказательств этого, потому что ее совершенная программа написана так, что симулированный мир невозможно отличить от реального.

Если к симуляции был подключен биологический субъект, который не является ее частью, может ли он знать, что находится в симуляции? Кажется очевидным, что да, однако если при подключении программа каким-то образом блокирует его воспоминания о жизни в базовой реальности, то, находясь в идеальной симуляции, он может этого не узнать. Такой пример был продемонстрирован в мультсериале «Рик и Морти» [9], когда Морти был подключен к виртуальной реальности и прожил целую жизнь длиной 55 лет в теле человека по имени Рой. Он не помнил о том, что в базовой реальности он является подростком по имени Морти. Если же субъект подключается к неидеальной симуляции, то он может найти доказательства. В том же мультсериале Рик и Морти оказываются в симуляции, созданной инопланетной расой, и в итоге находят ее границу.

Что касается цифрового субъекта, то у него, в отличие от биологического, нет возможности выйти за пределы симуляции, так как он является ее частью. В случае идеальной симуляции его ситуация идентична ситуации биологического субъекта – программа не предполагает возможность найти доказательства. В случае неидеальной симуляции, например, программа достоверно симулирует только макропроцессы без микропроцессов. То есть для простоты симулирования и экономии вычислительной мощности симулируются только макрообъекты и их свойства, такие как форма, положение в пространстве-времени, но не симулируются микрообъекты и их свойства, например клеточные или молекулярные структуры. В таком случае цифровой субъект при изучении сущностей и законов своего окружающего мира может либо зайти в тупик, дойдя до базовых симулированных объектов, и его убеждения о мире будут соответствовать этой структуре. Либо, если у него уже есть некоторые убеждения (например, идентичные нашим, что все объекты состоят из клеток, молекул, атомов, электронов и т.д.), то он может осознать, что его убеждения являются ложными.

Вернемся к скептической гипотезе. Если биологический субъект в идеальной симуляции знает или помнит о том, что он был подключен к симуляции, то его убеждения относительно окружающего симулированного мира будут истинными – он знает, что все вокруг симуляция. Этот случай можно считать нескептическим. Если же биологический субъект потерял свои воспоминания или они заблокировались в момент подключения к симуляции, то его убеждения относительно окружающего симулированного мира могут

быть ложными, так как он считает, что реальность вокруг является базовой (о том, почему *могут быть*, а не *являются*, будет сказано ниже). Этот случай может оказаться скептическим, так как в рамках идеальной симуляции субъект никогда не найдет доказательств того, что находится в симуляции.

Если биологический субъект в неидеальной симуляции знает и помнит о том, что он был подключен к симуляции, то его убеждения относительно окружающего симулированного мира будут истинными – он знает, что все вокруг симуляция, и может найти доказательства этого. Этот случай так же будет нескептическим. Если же он не помнит момент подключения к симуляции, то его убеждения могут быть ложными, однако он может найти доказательства того, что реальность вокруг симулирована, и изменить свои убеждения. Этот случай может оказаться скептическим.

Если цифровой субъект является частью идеальной симуляции, то его убеждения относительно мира вокруг будут истинными, так как они заложены в него программой, и он сам является ее частью, для него симулированная реальность является базовой. Этот случай можно считать нескептическим.

Если цифровой субъект является частью неидеальной симуляции, то его убеждения относительно мира вокруг могут быть также заложены программой. Но в случае, если он найдет доказательства симуляции, его убеждения могут оказаться ложными, как ошибка в программе симуляции. Такой случай будет скептическим.

Почему же убеждения субъекта могут оказаться ложными, а не являются таковыми? Ответ на этот вопрос тесно связан с другим – можно ли считать симулированный мир реальным? В контексте обсуждения симулированного мира очень интересной является позиция виртуального реализма, сформулированная Д. Чалмерсом [10]: субъект, находящийся внутри компьютерной симуляции, воспринимает окружающий мир как реальный и может познавать его в рамках собственного опыта, который также будет реальным для данного субъекта. Симулированные объекты – это физические цифровые объекты, на базовом уровне состоящие из вычислительных процессов. Все объекты в симуляции являются реальными для субъекта, все, что происходит в симулированной реальности, действительно происходит для субъекта.

Данная позиция может показаться контринтуитивной – как мы можем говорить о реализме, если симулированная реальность в самой своей сути не является реальной? Однако, в случае с симуляцией дело не в том, что окружающий мир нереален, а в том, что он реален по-другому. Если в основе базовой реальности лежат физические законы, квантовая физика и т.д., то в основе симулированной реальности лежат вычисления и биты информации. С этой точки зрения быть цифровым не значит быть нереальным. В контексте компьютерной симуляции просто существует другая гипотеза о фундаментальных свойствах реальности. И если субъект внутри симуляции придерживается данной гипотезы, то реальность вокруг него действительно будет реальной.

В поддержку виртуального реализма можно сказать следующее. Не существует общепринятого определения реальности, поэтому, если мы введем утверждение, что быть реальным значит:

1. Иметь каузальные силы (объект может влиять на другие объекты и поддаваться влиянию).

2. Находиться за пределами сознания субъекта.

3. Быть в сущности таким, каким воспринимается (дерево в симуляции все еще дерево),

то позиция виртуального реализма может быть вполне рабочей. Похожее определение предлагает и Д. Чалмерс [11].

Это отлично работает в концепте цифрового субъекта, так как симулированная реальность является для него базовой. Он может влиять на мир вокруг и сам поддается его влиянию, например ощущая симулированный ветер, смотря на цифровые деревья или общаясь с другими цифровыми субъектами. Это все существует независимо от его цифрового сознания и является частью его базовой реальности. Поэтому в данном контексте мы не можем назвать этот случай скептическим. Схожая логика прослеживается и в случае биологического субъекта, который не помнит о том, что его биологическое тело находится в базовой реальности. Мы не можем обесценить жизнь Морти [9] в роли Роя внутри симулированной реальности.

Резюмируя вышеприведенное утверждение, ответим на поставленные вопросы. Может ли субъект знать, что он находится в симуляции? Мы пришли к выводу, что может в случае, если симуляция неидеальна. Можно ли считать симулированный мир реальным? С точки зрения виртуального реализма да, для субъектов внутри симуляции, вне зависимости от того биологические они или цифровые, окружающий мир будет для них реален.

Возможно, данные выводы покажутся кому-то контринтуитивными или наивными. Но если попробовать расширить свою точку зрения, изменить угол и по-новому взглянуть на виртуальную реальность, то это может привести к новым решениям классической проблемы внешнего мира Декарта. Новые сущности, такие как виртуальная реальность, открывают философам новое поле для рассуждений. Дэвид Чалмерс называет это технофилософией [11] – комбинацией постановки классических вопросов в контексте технологий и применения технологий к поиску ответов на классические философские вопросы.

Список источников

1. Вачовски Л., Вачовски Л. Матрица. 1999. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/> (дата обращения: 28.05.2022).
2. Спрукуль П.С. Гипотеза компьютерной симуляции и проблема скептицизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 24–33.
3. Chalmers D.J. The Matrix as metaphysics. 2005. URL: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (accessed: 07.06.2022).
4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
5. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Практика, 2002.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. 2-е изд. М.: УРСС : ЛИБРОКОМ, 2015. 512 с.
7. Turchin A. et al. Simulation typology and termination risks //arXiv preprint arXiv:1905.05792. 2019.
8. Lewin S. Is the Universe a Simulation? Scientists Debate // Future US. 2016. URL: <https://www.space.com/32543-universe-a-simulation-asimov-debate.html> (accessed: 07.06.2022).
9. Арчер У. и др. Рик и Морти. 2013. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/685246/> (дата обращения 07.06.2022).
10. Chalmers D.J. The virtual and the real // Disputatio. 2017. Vol. 9, № 46. P. 309–352.

11. Bilyeu T., Chalmers D. Is Reality REAL? This Scientists Answer on The Simulation Argument Might SHOCK You. 2022. URL: <https://youtu.be/WKkRvCAT8yw> (accessed: 09.06.2022).

References

1. Wachowski, L. & Wachowski, L. (1999) *Matritsa* [Matrix]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/> (Accessed: 28th May 2022).
2. Sprukul, P.S. (2020) The Computer Simulation Hypothesis and the Problem of Skepticism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 24–33. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/3
3. Chalmers, D.J. (2005) *The Matrix as Metaphysics*. [Online] Available from: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (Accessed: 7th June 2022).
4. Bostrom, N. (2016) *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies]. Translated from English by S. Filin. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
5. Putnam, H. (2002) *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth and History]. Translated from English. Moscow: Praxis.
6. Chalmers, D. (2015) *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: URSS: LIBROKOM.
7. Turchin, A. et al. (n.d.) *Simulation typology and termination risks* [Simulation typology and termination risks]. arXiv preprint arXiv:1905.05792. 2019.
8. Lewin, S. (2016) *Is the Universe a Simulation? Scientists Debate*. [Online] Available from: <https://www.space.com/32543-universe-a-simulation-asimov-debate.html> (Accessed: 7th June 2022).
9. Archer, W. et al. (2013) *Rik i Morti* [Rick and Morty]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/series/685246/> (Accessed: 7th June 2022).
10. Chalmers, D.J. (2017) The virtual and the real. *Disputatio*. 9(46). pp. 309–352.
11. Bilyeu, T. & Chalmers, D. (2022) *Is Reality REAL? This Scientists Answer on The Simulation Argument Might SHOCK You*. [Online] Available from: <https://youtu.be/WKkRvCAT8yw> (Accessed: 9th June 2022).

Сведения об авторе:

Спрукуль П.С. – магистр, техник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); аспирант кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: polina.sprukul@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sprukul' P.S. – Master, Technician of the Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Postgraduate Student, Department of Humanitarian Problems of Informatics, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina.sprukul@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научная статья

УДК 17.01

doi: 10.17223/1998863X/68/15

ЭТИКА И ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ СУБЪЕКТНОСТИ

Дмитрий Сергеевич Турко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, tourko.dmitry@gmail.com*

Аннотация. Поставлена проблема области применения моральных суждений. Утверждается, что моральные правила осмысленны только в мире, где существуют субъекты, или самости. Любая инстанциация морального правила должна содержать термин, обозначающий субъект. Из этого следует, что определение субъекта и критерий субъектности должны быть ключевым вопросом этики.

Ключевые слова: субъект, субъектность, самость, этика, моральная забота

Для цитирования: Турко Д.С. Этика и проблема критериев субъектности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 154–164. doi: 10.17223/1998863X/68/15

Original article

ETHICS AND THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY CRITERIA

Dmitry S. Tourko

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
tourko.dmitry@gmail.com*

Abstract. The article discusses a problem that straddles normative ethics and metaethics. This problem is the domain of moral judgment. My first thesis is that moral rules are meaningful only in a world where subjects, or selves, exist. In a world where there are no subjects (however we define a subject), or in a world where there is only one subject, ethics is impossible. The argument for the thesis is that moral rules can only be instantiated in the form of judgments that include terms referring to (1) subjects, or (2) subjects' interests (such as survival, avoiding suffering, happiness and the good life). If this condition is not met, then moral judgments lack their domain. It follows that the existence of other subjects is a necessary (but maybe not sufficient) condition for making any moral judgment, and hence for moral philosophy. My second thesis is that the definition of subject ought to be a fundamental issue for ethics. To define subject means to set necessary and sufficient conditions, on the basis of which we can determine the truth of any proposition of the type *x is a subject* for any thing *x*. This definition determines what kind of creatures we include in our moral concerns. Finally, I briefly discuss various models of subjectivity: biographical, self-conscious, perspectival and minimal-experiential subjectivity. Biographical subjects (i.e. most people) are able to combine elements of knowledge about themselves into more or less coherent causal sequences – biographical narratives. I raise the problem of the criterion on the basis of which people tend to arrange different subject-types into the hierarchy of moral concern. Elements of subject-types low on the hierarchy are either denied moral concern or treated as secondary therein. My hypothesis is that it happens on the basis of species-similarity (based on shared biological characteristics or belonging to the same species) and/or subjectivity-similarity (based on belonging to the same subject-type). As biographical subjects, we believe that we must first and foremost take care of other

biographical subjects; as members of the species H.s. we must care about its other members. If that is true it is unclear why the shared subject-type serves as the basis for justifiable moral concern. How can similarity be justified as a criterion for moral concern? I conclude that moral concern on the bases of species-similarity and/or subjectivity-similarity is devoid of explicit philosophical justification.

Keywords: subject, subjectivity, self, ethics, moral concern

For citation: Tourko, D.S. (2022) Ethics and the problem of subjectivity criteria. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 154–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/15

Необходимость субъектов для морали

Некоторые из многочисленных предметов мира – это предметы, по отношению к которым мы склонны проявлять моральную заботу. Другими словами, благополучие этих предметов представляется нам важным само по себе, а не приданным образом, как сохранение, например, инструментов. Выносимые нами моральные суждения («Убивать людей плохо», «Мы в ответе за тех, кого приручили») содержат термины, означающие такие морально значимые предметы.

Не все нормативно-этические системы наделяют предмет моральной значимостью (moral considerability) в зависимости от «одушевленности» этого предмета, его наделенности сознанием или его принадлежности к человеческому роду. Последователи этики окружающей среды (environmental ethics) настаивают на том, что среда в целом должна быть для нас важнейшим предметом моральной заботы. Вместе с тем в «Политике» Аристотеля наделенный душой предмет – раб – расценивался как живое орудие и не предполагал моральной значимости¹. Поэтому важно провести философскую работу, чтобы установить, какие предметы входят или должны входить во множество вещей, о которых мы в принципе можем иметь моральную заботу.

Мы будем использовать термин «моральная забота» для перевода пространственного в англоязычной литературе термина «moral consideration» [2], [3. Р. 97; 4. Р. 247]. «Забота» в данном случае понимается предельно широко и ни в коем случае не в специфицированном ключе, как в феминистской этике заботы, или как патерналистская забота сильного о слабом, родителя о ребенке. Определим моральную заботу в этом широком смысле так: если p – предмет моральной заботы для q , то для q благополучие p важно само по себе, а не привходящим образом. В этом широком смысле p с точки зрения q может быть или не быть личностью, может заслуживать или не заслуживать уважения². Вопрос о том, что или кто должен являться предметом моральной

¹ «Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного <...>, те люди по своей природе – рабы <...>» [1, 1254b15]. Также см.: [1, 1254a15] – характеристика рабов как живых орудий.

² Кантовское уважение (Achtung) значительно уже заботы, понимаемой в таком смысле. По мнению Канта, «уважение всегда питают только к людям и никогда не питают к вещам. Последние могут возбуждать в нас склонности и, если это животные (лошади, собаки и т.д.), даже любовь или же страх, как море, вулкан, хищный зверь, но никогда не будят в нас уважения» [5. Р. 187]. Для сторонников прав животных, таких как Питер Сингер, или для этиков окружающей среды, как Альдо Леопольд, собака или море, несомненно, предметы заботы, но необязательно уважения. Вместе с тем моя забота о другой личности (в вышеупомянутом широком смысле) не противоречит моему уважению к этой личности.

заботы, конечно же, следует отличать от вопроса, кто может или должен быть субъектом такой заботы¹.

В данной статье автор попытается показать, что предметы моральной заботы – с необходимостью либо другие субъекты, либо их интересы². Лишь термины, означающие (1) субъекты (самости), и(или) (2) интересы субъектов, могут входить в инстанции моральных правил. Интересы следует трактовать широко: выживание, удовлетворение потребностей, реализация планов. Этические суждения – это нормативные суждения о референтах таких терминов. Предметы, которые не являются субъектами и не влияют на их интересы, не представляют прямого интереса для этики, а пропозиции, в которые они входят, не являются этическими. Данный тезис о необходимости субъектности у предмета для возможности какой бы то ни было моральной оценки этого предмета, с одной стороны, направлен против слишком широких нормативно-этических программ, которые требуют от нас заботиться «более, чем» о субъектах – скажем, о природе или жизни как таковой (этика окружающей среды). С другой стороны, он направлен против тех этик, которые требуют от нас заботиться «менее, чем» о субъектах – например, о личностях, понимаемых в узком смысле (об этом ниже).

Итак, наш тезис следующий: нормативно-этические суждения осмысленны, если и только если они содержат термины, означающие (1) субъекты (самости), и(или) (2) интересы субъектов (самостей). Сначала постараемся доказать этот тезис от противного. Рассмотрим три мира:

А. Мир, в котором существует более одного субъекта.

В. Мир, в котором существует только один субъект.

С. Мир, в котором субъектов не существует, но могут быть «актанты»³.

Мир А – наш мир, в котором, согласно натуралистической эволюционистской парадигме, мораль возникла спонтанно в животных сообществах, включая сообщество людей. Мораль регулирует отношения между членами этих сообществ. Наш тезис заключается в том, что если мир А перейдет в мир В (все субъекты, кроме одного, вымрут) или С (вымрут все субъекты), любые моральные соображения потеряют смысл.

Мир В – это (1) мир, в котором солипсизм истинен; (2) мир, где существует только не творящий Бог; (3) сценарий последнего человека на Земле (если признать, что единственные субъекты – это люди). Единственный насельник миров типа В не будет связан никакой моральной заботой, так как будет отсутствовать возможный предмет такой заботы. Моральные суждения, которые мог бы продуцировать такой одиночка, будут содержать пустые термины.

¹ По этому вопросу согласимся с Кантом, что «принцип нравственности не ограничивается только людьми, а простирается на все конечные существа, наделенные разумом и волей включая даже бесконечное существо как высшее мыслящее существо» [5. Р. 148].

² Термин «интерес» заимствуется нами из утилитарной традиции. У Бентама интерес понимается в тесной связи с полезностью (utility). Полезность действия имеет значение мерять лишь когда речь идет о лицах, чей интерес действие затрагивает, т.е. чье счастье (happiness) увеличивается или уменьшается [6, 1.2] в связи с этим действием. Напротив, в кантовской этике, соображения долга резко противопоставляются «чувственному» или «эмпирическому интересу» [5. Р. 182], возможность которого быть краеугольным камнем моральных соображений (как в утилитаризме) Кантом отвергается. Однако возврат к традиционному спору утилитаризма и деонтологии уведет нас далеко от темы данной статьи.

³ Этим *ad hoc* термином мы называем любые предметы, способные хотя бы к минимальной самостоятельной активности. Примеры актантов – люди, растения, инфузории, Бог и роботы.

Мир С – бессубъектный мир «актантов» – можно представить себе как (1) мир примитивных животных, (2) мир автоматов или (3) мир философских зомби (при условии, что животные, автоматы и зомби исключаются нашим определением субъекта). Населяющие этот мир актанты могут взаимодействовать между собой, и эти взаимодействия могут быть сколь угодно сложными и прагматически ориентированными. Так, автоматы могут взаимодействовать в порядке инструментальной рациональности. Они могут быть сконструированы и запрограммированы так, чтобы с максимальной эффективностью достичь некой цели. Эти автоматы – например, бессубъектный общий искусственный интеллект (суперинтеллект, по выражению Бострома [3]) – могут обладать способностями к решению задач, кратко превосходящими человеческие способности. Но если эти автоматы не являются субъектами, то их взаимодействия друг с другом будут лишены этического содержания. В кантовских терминах их деятельность будет регулироваться гипотетическим, но не категорическим императивом.

Интуиция в этих воображаемых сценариях подталкивает к выводу, что в мирах В и С этика не может возникнуть, невозможна, или не нужна. Она существует только в мире А, потому что этические пропозиции имеют смысл лишь в мире, где есть субъекты. При этом конкретные примеры миров А–С могут отличаться от предложенных в зависимости от нашего определения субъекта.

Пока что мы апеллировали к интуиции. Теперь приведем аргумент в поддержку этой интуиции. Он состоит в том, что моральные правила могут быть инстанцированы только при условии, если в том или ином мире существуют субъекты. Существует моральное правило R и случай C , которых представляет собой переменную, связанную предикатом. Согласно нашему тезису, переменной может быть только субъект или интерес субъекта. Применяя правило к случаю, мы инстанцируем правило и выносим случаю оценку.

П1. Все убийства – зло (R).

П2. Казнь Сократа (C) – убийство.

В. Казнь Сократа – зло (инстанциация правила, а также J – ценностное суждение).

C в общем виде можно представить как $C(x)$: «казнь Сократа», «помощь самаритянина», «предательство Иуды» и прочее. Предикат C может быть n -местным. Инстанциации примитивных моральных правил типа R можно представить в виде $J[C(x)]$. Пример – вывод в силлогизме выше. Другой пример: «Помогать товарищу в битве – хорошо» (R). Тогда инстанциация J выглядит так: *Хорошо [помощь в битве (Сократ, Алкивиад)]* («Помощь Сократа Алкивиаду [в битве] – хорошо»).

Как видно, мы можем инстанцировать правило, только если наполним переменную x материальным содержанием. Какие термины могут быть связанной переменной x ? Вернемся к правилу R выше:

Все убийства – зло.

$J[C(x)]$: Зло [Убийство(x)].

(α)

Вместо x мы можем подставить:

1) термин, означающий человека;

2) термин, означающий не-человеческое млекопитающее;

- 3) термин, означающий микроорганизм;
4) термин, означающий робота, машину, или автомат¹.

С когнитивистской точки зрения, от того, какой термин мы подставим, меняется истинностный статус высказывания (α). В одних случаях получается истинное высказывание, в других – ложное. Оно может быть истинным, если связанный термин представляет собой предмет заботы того, кто совершает убийство. Оно ложное, если этот предмет находится за пределами моральных соображений убийцы. Если отбросить когнитивизм, можно просто сказать, что подставляя один термин, мы получаем высказывания, с которыми мы в целом интуитивно склонны согласиться (здесь это высказывание 1), подставляя другие – те, которые мы наверняка отвергнем (3, 4). Подставив термин (2), мы получим самое спорное высказывание.

Почему это происходит? В чем разница между предметами, которые составляют объект моральной заботы, и теми, которые не составляют? Мой тезис в том, что некоторые из терминов 1–4 обладают субъектностью, некоторые – нет. Наличие субъектности – решающий фактор, который определяет, должна ли у нас быть моральная забота относительно какого бы то ни было предмета, а потому и делает высказывания 1–4 морально значимыми или морально ничтожными. Поэтому определение субъектности должно иметь решающее значение для этики. Во втором разделе статьи предложим обзор некоторых этически значимых определений субъектности.

Критерии субъектности

Как мы постарались показать выше, для вынесения моральных суждений необходимо существование субъектов. Прежде, чем мы сможем выносить моральные суждения, мы должны понять, к каким предметам они применимы или какие термины могут заменить переменную в предикате $C(x)$. Другими словами, мы должны определить множество вещей, о которых мы можем иметь моральную заботу. Для этого необходимо дать ответ на вопрос, что же такое субъект.

«По умолчанию», согласно наивной интуиции, моральные суждения относятся только к людям или преимущественно к людям. Некоторые философы (а также не-философы) согласятся, что на Земле есть другие субъекты, кроме людей. Вероятно, во вселенной за пределами Земли существуют и другие нечеловеческие субъекты. При этом у нас нет ясности по поводу критериев морального поведения как по отношению к животным, так и в случае гипотетической встречи с инопланетянами. Поэтому важно поставить проблему оснований иерархизации носителей различных типов субъектности: «Почему мы считаем, что субъект типа А заслуживает большей моральной заботы, чем субъект типа Б?».

Здесь мы рассмотрим четыре модели субъектности. Каждая модель задает необходимое условие, такое, отвечая которому, некая вещь может считаться субъектом определенного типа. Они расположены по принципу ослабления требований – от более эксклюзивных определений к более инклюзивным. Кроме того, эти модели не исключают друг друга. Они расположены по та-

¹ На секунду расширим семантику слова «убийство» и будем понимать под ним намеренное уничтожение актанта (т.е. любого предмета, обладающего хотя бы минимальной автономией). Тогда можно «убить» робота, зомби, или бактерию.

кому же принципу, как виды души у Аристотеля: свойства каждого уровня включают в себя свойства уровней ниже (например, субъекты типа А включают свойства типов Б, В, Г).

А. *Биографические, или нарративные, субъекты* – такие субъекты способны: (1) устанавливать нумерическое тождество между различными частями, или фазами, своей личности во времени; (2) иметь эпизодическое или пропозициональное знание о таких фазах (т.е. воспоминания о себе (эпизодическое знание) и способность делать высказывания типа «Я родился в 1988 году»); (3) объединять элементы этого знания в более менее связные каузальные последовательности – биографические нарративы. Нарративизм – позиция в философии тождества личности, которая защищает именно такое понимание субъекта, личности, или самости¹.

Б. *Самосознающие субъекты, или субъекты с «сильной» перспективой от первого лица*², – способны мыслить себя как себя. Котенок, который гоняется за своим хвостом, мыслит (интендирует) себя, но не *в качестве себя*³. Чтобы быть субъектом с сильной перспективой, необходимо быть способным установить тождество *Я* как субъекта с *Я* как объектом⁴. Другими словами, такие субъекты могут мыслить себя как субъект и объект одновременно. Именно поэтому Геллап⁵ и другие трактуют акт узнавания себя в зеркале как акт самосознания: животное отождествляет изображение (Я-объект) с самим собой (Я-субъектом).

В. *Субъекты со «слабой» перспективой от первого лица* – это «центрированные» субъекты, которые обладают ментальным фокусом, перспективой или точкой происхождения всех волевых актов. Как замечает Бейкер, «отличительная черта слабого феномена от первого лица в том, что он обладает перспективой (it is perspectival)»⁶. Субъекты данного типа взаимодействуют с миром, спонтанно относя все ментальные состояния к одной точке – той, которая (в случае людей) обозначается индексом первого лица. С феноменологической точки зрения эта аскрипция предикатов обладает тем, что Шумейкер назвал иммунитетом к ошибке ложного отождествления (immunity to error through misidentification). Так, хотя я могу ошибаться, что эта рука передо мной, по которой попадает камень, это моя рука, я не могу ошибаться, что эта боль, которую я чувствую – моя боль. Перспективная точка обладает привилегированным положением по отношению ко всем остальным точкам во вселенной. Она центр моего феноменального мира, моей психической жизни.

Г. *Минимальные опытные субъекты* – вещи, обладающие любым опытом, т.е. те, которым можно корректно приписать какие-либо ментальные состояния. Животные-минимальные субъекты обладают чувствительно-

¹ См.: [7]. До Шехтман теория нарративного тождества личности предложена Полем Рикёром в 5-м и 6-м разделах трактата «Я-сам как другой» [8. Р. 113–168].

² Деление на «сильный» и «слабый» варианты перспективы от первого лица принадлежит Линн Бейкер. См.: [9. Р. 60–61]. Гален Стросон [10. Р. 101] называет «сильное» самосознание Бейкер полным или выраженным (full or express). В отличие от Бейкер, Стросон утверждает, что полное самосознание не является необходимым признаком субъекта, или самости.

³ Пример Стросона [10. Р. 101].

⁴ Различение, введенное Джеймсом как I-Me distinction [11] и повторенное Витгенштейном [12. Р. 66] под названием «использование Я в качестве объекта и субъекта».

⁵ См.: [13].

⁶ [9. Р. 62].

стью (sentience). Захави описывает такие субъекты, или самости, как самые фундаментальные и примитивные по сравнению, например, с нарративными субъектами – личностями¹. Стросон² также предпочитает описывать субъекты в русле феноменального минимализма: как единичные и простые субъекты опыта.

Спекулятивно можно предположить, что субъекты типа Г – животные; по крайней мере те, которые обладают нервной системой. Субъекты типа В – развитые животные, такие как млекопитающие. Субъекты типа Б – шимпанзе³, а также почти все люди, кроме, вероятно, маленьких детей. Субъекты типа А мы традиционно называем личностями⁴. Большинство взрослых людей – личности, или биографические субъекты. В центр своей моральной заботы такие люди обычно помещают других людей. Этот стихийный моральный персонализм можно сформулировать в двух вариантах, сильном и слабом:

Слабый моральный персонализм: Моральная забота должна касаться в первую очередь личностей.

Сильный моральный персонализм: Моральная забота должна касаться только личностей.

В обществе Модерна душевнобольные и маленькие дети считаются неспособными «давать отчет в своих действиях», т.е., словами Рикёра, отвечать на вопросы «Кто говорит? Кто действует? Кто рассказывает свою историю? Кто ответствен?»⁵. Эти люди временно или в принципе неспособны создавать связные биографические рассказы, поэтому их членство в моральном сообществе усекается: они остаются предметами моральной заботы, но сами теряют ответственность за такую заботу и перестают быть субъектами морального действия. Это значит, что у некоторых людей субъектность может быть ограниченной только типами Б, В или даже Г. Другими словами, человеческая субъективность типологически не универсальна. Но и новорожденные, и душевнобольные – безусловно, предмет моральной заботы человеческого сообщества. Значит, в общепринятой моральной практике никто или почти никто не придерживается сильного морального персонализма, так как никто или почти никто не считает, что младенцы не являются предметом моральной заботы. Тогда по какому принципу личности (субъекты типа А) образуют поле своей моральной заботы? Наша рабочая гипотеза такова, что это происходит ввиду критерия сходства. Сформулируем его в двух вариантах:

¹ «Когда речь идет об опытной самости, мы можем оставить термин «самость», поскольку мы имеем дело именно с примитивной формой самоданности или самореференциальности. Напротив, возможно, было бы лучше говорить не о самости, а о личности как нарративной конструкции» [14. Р. 129].

² См.: [10], [15].

³ См.: [13].

⁴ Разграничение терминов «субъект», «личность» и «самость» не общепринятое, а зависит от конкретного автора. В данном тексте «субъект» и «самость» трактуются как синонимы, а «личность» – как субъект типа А. Сноудон [16] трактует личность (person) и самость (self) как синонимы. Захави [14. Р. 129] использует «личность» как название для нарративного субъекта, который не фундаментален в отличие от минимальной опытной самости. Олсон [17] избегает терминов «самость» и «субъект». Характеристика личности через биографический нарративизм – лишь один из многих вариантов. Например, см. определение личности Франкфурта [18]: личность – существо, имеющее второпорядковые желания (желания о собственных желаниях).

⁵ [8. Р. 297].

Видовой критерий сходства: «Я должен проявлять приоритетную моральную заботу о других организмах своего вида»¹.

Видовой критерий позволяет объяснить, почему люди-субъекты типа А (нарративные личности) заботятся о людях-субъектах типов Б и В. Но видовой критерий не может объяснить, почему гипотетический геноцид разумных инопланетян интуитивно расценивается как аморальный акт. Поэтому в нашем дорефлексивном моральном мышлении также есть –

Субъектный критерий сходства: «Я должен проявлять приоритетную моральную заботу о тех субъектах, которые наиболее сходны со мной как субъекты».

Если большинство людей действительно разделяют критерий сходства, мы получаем дескриптивную пропозицию: «Реальная или гипотетическая моральная забота большинства людей обращена, в первую очередь, на (1) представителей того же биологического вида, что и они, и (2) представителей такого же типа субъектности, что и они». Действительно, люди в большинстве случаев будут проявлять приоритетную моральную заботу друг о друге и второстепенную – о не-человеческих животных (и не-человеческих субъектах, если он существуют). Но когда мы переводим эту пропозицию в деонтическую модальность («Мы должны морально заботиться, в первую очередь, о похожих на нас организмах и субъектах»), возникают трудности, потому что у моральной заботы на основании сходства, видимо, нет никакого философского обоснования.

Когда действует критерий субъектного сходства, тождественные и близкие по типу субъекты помещаются мной в центр поля моей моральной заботы, а далекие оттесняются на периферию. Критерий субъектного сходства подталкивает нас к интересным интуициям: например, что между людьми (тип А) и червями (тип Г) больше общего, чем между людьми и внешне неотличимыми от человека андроидами, которые проходят тест Тьюринга (поскольку андроиды, раз они лишены какой бы то ни было субъектности, сами по себе не могут быть объектами моральной заботы). Но при этом точно так же – по принципу сходства – можно ранжировать людей не только по наличию самосознания или способности к созданию биографических нарративов, но и по цвету кожи, гендеру, национальности и социальному происхождению, т.е. использовать принцип сходства как то, что оправдывает идеологии, разрешающие аморальные действия. По-видимому, приоритетная забота на основе субъектного сходства моральна, а на основе, к примеру, сходства цвета кожи – нет. Но дело не в том, что один критерий заботы предпочтительнее, чем другой (с этим интуитивно невозможно спорить), а в том, что обоснования недостает самому сходству как принципу отбора элементов в моральное сообщество².

¹ Как видно, видовой критерий сходства прямо следует из того, что Сингер назвал видизмом (speciesism) – предрасположенность в пользу интересов представителей своего вида в ущерб интересам представителей других видов [3. Р. 6].

² В качестве альтернативы критериям сходства можно предложить сентиентизм – позицию, которая включает в поле моральной заботы все существа, обладающие феноменальным сознанием и способные к чувственному восприятию (sentience) [19–21]. Но, разумеется, возникнет вопрос, не будет критерий чувствительности вариантом критерия сходства постольку, поскольку мы обладаем чувствительностью.

Заключение

В данной работе мы попытались защитить два связанных тезиса: (1) моральные суждения осмысленны, только если они включают термины, означающие либо субъекты, либо их интересы; моральные суждения, не содержащие такие термины (или содержащие пустые термины, как суждение «Убивать людей – зло» в мире, где нет людей), бессмысленны или лишены морального содержания; (2) поиск определения субъектов должен стать ключевой проблемой этики. В качестве предварительной разработки второго тезиса была предложена широкая классификацию типов субъектности, но вопрос о том, по какому уровню должна проходить граница нашей моральной заботы, был вынесен за скобки.

В заключение мы вынуждены признать, что чрезвычайно сложно найти философский аргумент в пользу принципа схождения несмотря на то, что он соответствует нашей базовой моральной интуиции. Так, если бы в проблеме вагонетки на рельсах лежали не пять человек, а пять собак, для большинства людей, включая, вероятно, большинство философов, эта проблема перестала бы быть проблемой: «разумеется», следует спасти одного человека и принести в жертву пять собак. Интуитивно понятные оба варианта критерия схождения – видовой и субъектный – выглядят философски произвольными. Однако отказ от этого критерия и ценностное уравнивание значимости наших интересов с интересами животных (принцип «равного взвешивания интересов» Питера Сингера¹) противоречит моральной интуиции большинства людей, которую демонстрирует сценарий вагонетки с собаками. Возможно, эта интуиция неверна, и тогда задача философов – продемонстрировать ее ложность. Одна из стратегий на этом пути – исследовать статус не-человеческих животных (и гипотетических предметов, таких как инопланетяне и андроиды) как субъектов. Именно поэтому проблема определения субъекта, или критериев субъективности, должна быть одной из центральных проблем этики.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика. М. : Академический проект, 2015. 318 с.
2. *Gruen L.* The Moral Status of Animals // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/moral-animal/>
3. *Singer P.* Animal Liberation. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 324 p.
4. *Singer P.* Practical Ethics. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 353 p.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. М. : Наука, 1995. 528 с.
6. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London : Methuen, 1982. 343 с.
7. *Schechtman M.* The Constitution of Selves. Ithaca : Cornell University Press, 1996 169 p.
8. *Ricoeur P.* Oneself as Another. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 363 p.
9. *Baker L.* Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 248 p.
10. *Strawson G.* Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford : Oxford University Press, 2009. 448 p.
11. *James W.* The Principles of Psychology. Cambridge ; London : Harvard University Press, 1983. 1376 p.
12. *Wittgenstein L.* The Blue and Brown Books. Oxford : Oxford University Press, 1958. 66 p.

¹ [4. P. 21].

13. Gallup G. Jr. Self-Recognition // The Oxford Handbook of the Self / ed. by S. Gallagher. New York : Oxford University Press, 2011. P. 80–110.
14. Zahavi D. Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2005. 265 p.
15. Strawson G. The Minimal Subject // The Oxford Handbook of the Self / ed. by S. Gallagher. New York : Oxford University Press, 2011. P. 253–278.
16. Snowdon J. The Self and Personal Identity // Central Issues of Philosophy / ed. by J. Shand. Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2009. P. 121–137.
17. Olson E.T. There is No Problem of the Self // Journal of Consciousness Studies. 1998. Vol. 5 (5–6). P. 645–657.
18. Frankfurt H.G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // The Journal of Philosophy. 1971. Vol. 68, № 1. P. 5–20.
19. Linzey A. Sentientism // Encyclopedia of Animal Rights and Animal Welfare / ed. by M. Bekoff, C.A. Meaney. Westport, CT : Greenwood Press, 1998. 311 p.
20. Varner G. Sentientism // Companion to Environmental Philosophy / ed. by D. Jamieson & Ed. Malden. Massachusetts, USA : Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 192–203.
21. Rodogno R. Sentientism, Wellbeing, and Environmentalism // Journal of Applied Philosophy. Feb. 2010. Vol. 27, № 1. P. 84–99.

References

1. Aristotle. (2015) *Politika* [Politics]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
2. Gruen, L. (2021) The Moral Status of Animals. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Metaphysics Research Lab, Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/moral-animal/>
3. Singer, P. (2011a) *Animal Liberation*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Singer, P. (2011b) *Practical Ethics*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Kant, I. (1995) *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov* [Fundamentals of Metaphysics of Morality. Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals]. Translated from German. Moscow: Nauka.
6. Bentham, J. (1982) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: Methuen.
7. Schechtman, M. (1996) *The Constitution of Selves*. Ithaca: Cornell University Press.
8. Ricoeur, P. (1992) *Oneself as Another*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Baker, L. (2000) *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Strawson, G. (2009) *Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
11. James, W. (1983) *The Principles of Psychology*. Cambridge; London: Harvard University Press.
12. Wittgenstein, L. (1958) *The Blue and Brown Books*. Oxford: Oxford University Press.
13. Gallup, G. Jr. (2011) Self-Recognition. In: Gallagher, S. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. New York: Oxford University Press. pp. 80–110.
14. Zahavi, D. (2005) *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
15. Strawson, G. (2011) The Minimal Subject. In: Gallagher, S. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. New York: Oxford University Press. pp. 253–278.
16. Snowdon, J. (2009) The Self and Personal Identity. In: Shand, J. (ed.) *Central Issues of Philosophy*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. pp. 121–137.
17. Olson, E.T. (1998) There is No Problem of the Self. *Journal of Consciousness Studies*. 5(5–6). pp. 645–657.
18. Frankfurt, H.G. (1971) Freedom of the Will and the Concept of a Person. *The Journal of Philosophy*. 68(1). pp. 5–20.
19. Linzey, A. (1998) Sentientism. In: Bekoff, M. & Meaney, C.A. (eds) *Encyclopedia of Animal Rights and Animal Welfare*. Westport, CT: Greenwood Press.
20. Varner, G. (2001) Sentientism. In: Jamieson, D. & Malden, Ed. (eds) *Companion to Environmental Philosophy*. Massachusetts, USA: Blackwell Publishers Inc. pp. 192–203.
21. Rodogno, R. (2010) Sentientism, Wellbeing, and Environmentalism. *Journal of Applied Philosophy*. 27(1). pp. 84–99.

Сведения об авторе:

Турко Д.С. – магистр философии, аспирант, стажер-исследователь, факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tourko D.S. – Master of Philosophy, Postgraduate Student, Research Assistant, Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 09.08.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья
УДК 141.4
doi: 10.17223/1998863X/68/16

ПОСТСХОЛАСТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Дмитрий Л. Устименко¹, Алексей Л. Устименко²

¹ Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи
и информатики, Ростов-на-Дону, Россия, UstimenkoD2006@yandex.ru

² Филиал Кубанского государственного университета, Славянск-на-Кубани, Россия,
ustimenko2010@rambler.ru

Аннотация. Предпринята попытка осмыслить генезис и специфику западноевропейской антропологии из философско-теологических проблем, решаемых в эпоху схоластики. Показано, что ключевая проблема универсалий, выражаемая в учениях номинализма и реализма, имеет мировоззренческое и соответствующее им антропологическое измерение.

Ключевые слова: антропология, схоластика, номинализм, реализм, деизм, пантеизм, психофизическая проблема

Для цитирования: Устименко Д.Л., Устименко А.Л. Постсхоластические метаморфозы западноевропейской философской антропологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 165–173. doi: 10.17223/1998863X/68/16

Original article

POST-SCHOLASTIC METAMORPHOSES OF WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Dmitry L. Ustimenko¹, Alexey L. Ustimenko²

¹ North Caucasus branch of the Moscow technical University of communications
and Informatics, Rostov-on-Don, Russian Federation, UstimenkoD2006@yandex.ru

² Branch of Kuban state University, Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation,
ustimenko2010@rambler.ru

Abstract. The authors state that in its main ontological and semantic parameters philosophical anthropology dominating the discourse of modern philosophy and being taught in leading European and Russian educational institutions was developed by the ancient classics, and mainly by European Christian philosophers. It has a specific historical source – the scholastic Christian world outlook. Modern interpretations of human existence are direct or indirect consequences of solving the key question for scholasticism about the knowledge of God, which is expressed in the teachings of nominalism and realism, and predetermined the specificity of subsequent anthropological thought. In the Western philosophical and anthropological tradition, it manifests itself in three ontological characteristics – pantheism, rationalism, naturalism. The authors emphasize that rationalism was an external all-embracing methodological form of scholastic thinking. The principal thing is that according to both nominalism and realism, the distinction between divine (uncreated) and created being is not made consistently: the ontological status of the connection between the human and the divine is clarified rationally. For anthropology this fact is of importance, assuming the

essential, existential position of a person in his ultimate boundaries to be unclear. Nominalism declaring the theory of “two truths”, methodological dualism, ontological division assumes the faith (the basic mode of human existence) to be either in submission to reason, or as something absolutely sacred. The realistic tradition equates ontologically human thinking with the nature of God. Such an anthropological approach assumes rationalistic self-confidence, uncriticality, subjectivity, spiritual imposture, as well as pantheism, and abolishes the ontological vertical. The authors approve that the idealism of realistic philosophy provokes the flowering of a reverse anthropological position – naturalism, an evolutionary explanation of anthropogenesis with the related ideas of the human existence transitivity and its semantic picture historicity.

Keywords: anthropology, scholasticism, nominalism, realism, deism, pantheism, psycho-physical problem

For citation: Ustimenko, D.L. & Ustimenko, A.L. (2022) Post-scholastic metamorphoses of western european philosophical anthropology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 165–173. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/16

Проблемное поле антропологической темы видится в том, что современная философия постепенно утрачивает традиционное для нее деление на условно «идеалистические» и «натуралистические» учения. Многие идеалистические системы, например неокантианство, феноменология, экзистенциализм, собственно, философская антропология в лице своих представителей онтологически, при решении вопросов о природе сознания, психофизической проблемы, порой неявно, но придерживаются натурализма, редуцируя смысловой мир к природе. Создается впечатление, что идеализм обслуживает материализм. Но, говоря словами И. Канта из работы «Спор факультетов», «при этом все же остается открытым вопрос: несет ли эта служанка перед милой госпожой факел или шлейф позади нее» [1. С. 70]. Такая ситуация, как следствие, способствует сужению антропологических перспектив. Кроме того, в этом контексте, и в образовательном пространстве проявляется односторонность: доминирующей остается западная антропологическая парадигма – голос русской философско-религиозной мысли о человеке или, например, православной антропологии, остается приглушенным.

Отсюда определяем цель данной статьи – выявить первоисточник западных антропологических учений, обозначить их теоретико-методологическую особенность, а также проследить тенденции развития новоевропейской и современной антропологии, критически отметить ее мировоззренческую специфику.

В научном и академическом дискурсах современной философии, в ведущих европейских и отечественных учебных заведениях высшего образования воспроизводится антропология, разработанная отчасти античными классиками и, преимущественно, европейскими христианскими схоластами и философами. Корпус антропологической литературы, оформившейся в западноевропейской историко-философской традиции, велик. В нем отражаются базовые характеристики бытия человека. И в то же время, на наш взгляд, эта антропология во всем многообразии концепций имеет конкретный исторический источник: она произрастает из схоластического христианского мирозерцания (античная антропология входит в его состав). Именно в нем черпает она свои базовые онто-антропологические различия, идеи о генезисе и эсхатологии, методологические и этические формулы. Как замечает

С.С. Хоружий, «богочеловечение – не что иное как утверждение тождества онтологии и антропологии. Христианство несло в себе мощный импульс антропологической переориентации всего мироотношения и мировоззрения» [2. С. 19].

Самые отвлеченные сциентистские, философские или теологические интерпретации бытия человека, имеющие место в современной философской традиции, являются прямым следствием богословско-философского решения ключевого для схоластики вопроса о богопознании, они несут на себе печать его стержневых исторически конституированных мировоззренческих и теоретико-методологических предпосылок. Как раз выявление философско-антропологических последствий схоластических трактовок богопознания, реалистической и номиналистической, из схоластического решения проблемы универсалий, является главной задачей исследования.

На наш взгляд, специфика его решения в схоластике проявляется в трех онтологических характеристиках – в пантеизме, рационализме и натурализме, через которые произошло «выравнивание» бесконечно многообразного антропологического поля проблем.

Следует заметить, что многие антропологические «аксиомы» современной научной и философской мысли, например «человек – разумное существо», «состав человека – разумная душа и тело», «богопознание – это процесс разумного познания» и т.д., стали возможны именно благодаря выработанной в средневековой философии аксиоматике и технике мысли, когда авторитет живой веры незаметно заменялся авторитетом веры, ищущей разумения, а затем и просто разумом. Методология, точнее сказать, вся педагогика схоластики, часто подменявшая собой исследование живого Бога и человеческой души технической интерпретацией Слова Божия, придерживалась системы строжайших условностей, являлась поистине ритуальным действием, исполнение которого было императивным (обязательным). Как невозможно изменить назначение человека, которое, согласно Фоме Аквинскому, состоит в том, чтобы «мы непрестанными усилиями интеллекта вынуждены искать, определять среди множества открывающихся нам благ те, которые соединили бы нас с Высшим Благом надежной связью» [3. С. 407], так невозможно и отменить глубокого разумения (логического толкования) Священного Писания. Именно это формальное философствование (буквалистский логицизм), а не содержательные различия учений схоластических школ, повлияли на позднейшее игнорирование и неприятие научным, прагматически настроенным сообществом многих философских выводов в сфере теологии и антропологии. Этим, казалось бы, «незначительным» в истории философии моментом – формализацией рассуждений о Боге – были вызваны и религиозный бунт Лютера, и научный бунт Галилея, и политико-социальный бунт Маркса, подытожившим ход истории средневековых идейштудий, что воплотилось в его знаменитом тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным способом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [4. С. 4].

Схоластическое мышление, знаменателем которого являлась, в отличие от православного (ортодоксального) святоотеческого христианского подхода, философия, а не богодухновенное христианское Предание, предложило две известные трактовки опыта богопознания – номиналистическую и реалисти-

ческую. Они связаны с проблемой универсалий. Номинализм (Д. Скотт, У. Оккам) учреждает теорию двух истин, проявляющуюся в деистическом мировосприятии, в интуиции непротиворечивости сосуществующих миров веры и разума, божественного и природного, что исторически все более и более декларирует себя в трех теоретических следствиях – в дуалистической философии, в признании антиномического статуса знания, с требованием невмешательства христианской доктрины в область «истинного» естественно-научного познания. При этом сакральная область объясняется сугубо в рациональном ключе. По крайней мере, в номинализме неясно, чем природа Бога принципиально отличается от духа человека. Различие между божественным нетварным и тварным бытием проводится непоследовательно: онтологический статус связи с божественным философски проясняется формально. И, естественно, для антропологии этот факт имеет непосредственное значение, полагая сущностное, бытийное положение человека в своих предельных, пограничных гранях невыясненным. Остается только естественное объяснение конституции человека.

Как отмечает С. Неретина, «Дунс Скот сущим заполняет брешь между Божественным бытием и тварным миром. Заполнить брешь можно только чем-то однородным и однозначным, что он и признает за первым, нераздельным сущим. Это сущее однозначно, или унивокально, потому что приложимо и к тварному и к нетварному миру. Если несколько перефразировать М.К. Петрова, такое сущее „примысливается“ Богу как необходимый носитель общего Богу и человеку, исходя из сущностного порядка (*ordoessentialis*), который он понимает как „отношение сравнения (*relatioaequiparentiae*)“ между предшествующим и последующим» [5. С. 613]. Другими словами, фундаментальное онтологическое отношение между нетварным и тварным антропологически не разрешается – божественное и человеческое оказываются в принципе абсолютно разделенными, если не считать указанное интеллектуальное номиналистическое сообразование. И этот разрыв может или углубляться, или сокращаться, обуславливая соответствующую матрицу антропологических смыслов. Яркими представителями развития такой номиналистической антропологии являются практически все новоевропейские эмпирики: Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, плеяда французских материалистов и атеистов (А. Вольтер, Ж.Ж. Руссо) и следующий за этой «классикой» откровенный антропологический сциентистский натурализм эпохи XIX и XX вв. Например, по мнению эмпириков, в классификации наук богооткровенное учение произрастает из собственного отдельного «источника», который нужно признавать несомненно, и в то же время, наряду с этим «источником» – уже из естественного света разума вырастает древо естественных наук – естественной антропологии, физики, механики, астрономии, биологии. Приведем несколько цитат Бэкона: «Знание по его происхождению можно уподобить воде: воды либо падают с неба, либо возникают из земли. Точно так же и первоначальное деление знания должно исходить из его источников. Одни из этих источников находятся на небесах, другие – здесь, на земле. Всякая наука дает нам двоякого рода знание. Одно есть результат божественного вдохновения, второе – чувственного восприятия» [6. С. 209]; или: «пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения – теологию и философию и их источники (*latices*)» [6. С. 94]; «Таким образом, мы можем заклю-

читать, что источником священной теологии должны быть слово и пророчество божьи, а не естественный свет и не требования разума» [6. С. 538]. За этими, казалось бы, невинными дистинкциями авторитетного родоначальника ново-европейской философии и науки скрывается теоретическое, как следствие, мировоззренческое размежевание, следование правилу «кесарево кесарю, а Божие Богу», что в антропологическом смысле означает двуистинность, методологический дуализм, онтологическое разделение, проще говоря, противоречивое как бы присутствие двух учений о человеке. Это указывает на прагматизм и рационализм мысли, которой не хватает последовательной приверженности вере и желания выстроить единую целостную картину мира. Охраняя веру от науки, в какой-то момент она вообще затеняет ее или дает повод подчинить нормам научного мышления. Вера у номиналистов либо подчиняется разуму, либо поляризируется с разумом, сакрализируется, трансцендируется за антропологические пределы, наделяется характером абсолютной божественной силы. Одним из образцов антропологии первого варианта отношения веры и разума в номинализме является учение И. Канта, вырезающее из опыта человека онтологическое восприятие Бога, что, впрочем, не мешает ему с необходимостью усматривать в рассудке закон причинности, полагая абсолютную истинность естественно-научному познанию мира и человека. «Антропология с прагматической точки зрения» – это эмпирическое описание некоторых феноменов бытия человека, за которыми не просматривается никакой онтологической глубины [7].

В этой антропологии в принципе нет вертикали. Второй вариант может быть усмотрен, например, в философии Б. Паскаля и С. Кьеркегора. В антропологии последнего вера занимает исключительное положение, поскольку осуществляет подлинное, субъективное, рискованное, преодолевает «серьезность» разумного, открывает перед Богом внутреннюю экзистенцию: «...это вера в то, что как раз в страдании заключена жизнь. Поэтому решительнее и настойчивее она будет продвигаться в глубину. Если же религиозная речь косится на счастье <...> мы имеем дело с халтурной работой» [8. С. 499]. Если, по Кьеркегору, в несчастье непосредственность испускает дух, то подлинно верующее, религиозное в страдании начинает дышать [8. С. 499]. Это потенция к идеализации антропологии вертикали, которая, все же, мучительно растормаживается в грубой реальности естественной жизни, особенно если опыт осуществления веры желает проявиться сам, без основы на церковную традицию. В целом, в социокультурном измерении такое потенцирование к вере, возвеличивание ее, в европейской, преимущественно в протестантской, мысли проявляется через рационализацию.

Теперь обратимся к антропологическим коннотациям реалистической философии схоластики (И. Эриугена, А. Кентерберийский). Ее центральный смысловой лейтмотив – это идея тождества мышления человека и бытия Божия. Как замечает И. Эриугена, «И хотя сейчас, при отсутствии вышнего света, все еще скрыто, каково было бы первоначальное состояние человека после [содеянного] вероломства, тем не менее небесным сущностям по природе не присуще ничего, что сущностно не существовало бы в человеке» [9. С. 168]. Природа мышления оказывается онтологически единой с природой Бога. И поскольку природа Бога есть нечто для человека в принципе недоступное, то ее субстратность характеризуется в естественных человеческих

категориях. Если учесть, что сам Эриугена, в отличие от многих других схоластов, принимал учения Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Максима Исповедника, можно допустить, что он подразумевает ключевое в богословии различие между тварным и нетварным, но в своих трактатах он его не оговаривает, что философски ошибочно, и тем самым дает повод к последующему воспроизводству онтологического смешения. Рационалистическое онтологическое уравнивание абсолютизирует человека, возвышая, возвеличивая его разумность до уровня Премудрости Божией, но ведь вопрос в том – на каком основании, в какой правильности богословской интерпретации производится такое отождествление. «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь» (Ис. Гл. 55:8). Но авторитет Писания не останавливает схоластическую мысль. Идея тождества в математическом ключе обосновывается Н. Кузанским, ее подхватывают рационалисты Нового времени, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, она путеводит мысли Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, из нее исходит антропология М. Шелера, с ее аспектами «утаивания» и «господства» работает интуиция М. Хайдеггера. Разум человека возводится в Абсолют – то ли в субстанциальную полноту, то ли в Диалектическое Понятие, то ли в со-творца Бога, причем понятие Бога остается сквозной структурной категорией в реалистической антропологии.

Наиболее откровенным рационализмом во всей истории философии отличается теология и антропология Г. Гегеля. Приведем несколько цитат из его Лекций о религии: «...сначала бог – нечто совершенно неопределенное; в ходе развития однако, постепенно складывается *сознание* того, что есть бог, оно все более теряет свою первоначальную неопределенность и тем самым развивается также и действительное *самосознание*» [10. С. 267]; «Дух есть знание <...>. Путь и цель духа состоят в том, чтобы дух достиг своего собственного понятия <...>. Пробил час религии откровения, которая долгое время была скрытой, не в своей истине» [10. С. 271]; «Сущность природы и сущность духа есть одно и то же» [10. С. 287]; «Непосредственное знание бога есть непосредственное знание предмета, обладающего абсолютной всеобщностью; тем самым непосредственен только продукт непосредственного знания; оно есть, следовательно, мышление о боге» [10. С. 297] и т.д. Естественно, спекуляция понятием «Бог» никак не гарантирует этой антропологической традиции никакого преимущества. Более того, этот совершенно некритический антропологический подход, на наш взгляд, является этически опасным. Он, во-первых, подразумевает рационалистическую самоуверенность, предвзятую субъектность, духовное самозванство; во-вторых, личностного трансцендентного Бога он заменяет пантеизмом, упраздняя онтологическую вертикаль, отождествляя Его с естественной природой; в-третьих, самого человека захлопывает в собственных философско-магических рациональных структурах и необходимостях, закрывая доступ к главному – Живому Богу, Творцу и истинной Энергии человека. Вопреки ожиданиям, реалистическая антропология, проявляясь в идеализме, провоцировала бескомпромиссную критику такой идеалистической самоуверенности (Д. Юм, Л. Фейербах, Ф. Ницше, О. Конт), развитие натуралистического позитивизма (Г. Спенсер) и материализма (К. Маркс). Масштабное эволюционистское движение в антропологии начинается именно в XIX в. в ответ на распространение отвлеченной, спекулятивной рациональной гегелевской теологии. Действительно,

происходит диалектика оборачивания: идеализм реалистической философии провоцирует расцвет обратной позиции – натурализма, эволюционистского объяснения антропогенеза с сопутствующими ему идеями транзитивности человеческого бытия и историчности его смысловой картины. В натурализме происходит критика христианства и уже последовательная релятивизация каких-либо устойчивых, открытых философией, конституций. Не дух, но телесность образует главный вопрос философской антропологии. В буквальном смысле ключевая гносеологическая проблематика, открывающая перспективу онтологическому структурированию, касающаяся вопроса об идеальном статусе разума человека, объясняется непременно в психофизическом – физическом ключе. Сознание – поток *sensations*, чувственных данных. Биологически фундированные антропологии мы встречаем уже в учениях Х. Плеснера, Э. Кассирера, Г. Риккерта, Г. Зиммеля, А. Гелена. Среди авторов выпущенной в России в 1995 г. Антологии по современной европейской антропологии (Х.П. Рикман, А. Эспиноза, О. Дериси, Р. Цанер, Л. Фарре) нет ни одного философа, который бы не придерживался эволюционно-натуралистического подхода [11]. «Религиозно-материалистический» подход [12. С. 219–232], «феминистское богословие» (Э. Ш. Фьюренца, Р. Рутер, Л. Рассел) [13. С. 340–358] и, в целом, многие современные христианские антропологи также ориентированы открытиями естествознания, нейробиологии, осознанием тождества между понятием «души» и нейронным функционированием мозга, обоснованием значимости телесности. Ведущие теологи, такие, например, как Тейяр де Шарден [14], Г. Тайсен [15], И. Барбур [16], рассматривают человека и в целом библейское знание в эволюционной перспективе. Несмотря на наличие трансцендентальной проблематики стержневой взгляд на человека остается у большинства западных мыслителей материалистический. Психофизизм в интерпретации сознания, свободно-волевой, творческой деятельности и в целом естественно-научный подход в понимании онтологии и, как следствие, телеологии и эсхатологии – таков общий повсеместный и, кажется, неоспариваемый ракурс представления современной академической антропологии.

На самом деле, господствующая сегодня натуралистическая антропология не является чем-то принципиально новым, современно и научно обоснованным представлением о человеке. Внимательный ретроспективный взгляд, деконструирующий европейскую философско-антропологическую традицию, позволяет усмотреть, что логически и исторически современная антропология произрастает из теоретических установок, приобретших концептуальное, методологическое и мировоззренческое определение в эпоху схоластики, в результате выработки на основе античной философии концептуального отношения раннеевропейского человечества к христианской религии и, в частности, к опыту богопознания.

Список источников

1. Кант И. Спор факультетов // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 7. 495 с.
2. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.
3. Жильсон Э. Философия в Средние века (от истоков патристики до конца XIV века). М. : Республика, 2004. 678 с.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. Издание второе. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955. 630 с.
5. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб. : РХГА, 2006. 1000 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., общая ред. и вступ. ст. Л.Л. Субботина. М. : Мысль, 1971. Т. I. 590 с.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. М. : Мысль, 1966.
8. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // Серен Кьеркегор / пер. с дат. Т.В. Щитцова. Минск : И. Логвинов, 2005. 752 с.
9. Иоанн Скот Эриугена «О разделении природы» // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) : в 2 т. Т.1 / под ред. С.С. Неретиной ; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. СПб. : РХГИ, 2001. 539 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия религии : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Гулыга ; пер. с нем. М.И. Левиной. М. : Мысль, 1975. 532 с.
11. Это человек: Антология / сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. М. : Высш. шк, 1995. 320 с.
12. Мерфи Н. Религиозная этика и современная антропология // Ответственность религии и науки в современном мире / под ред. Г. Гутнера. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 300 с.
13. Гренц С., Олсон Р. Богословие и богословы XX века : пер. а англ. Черкассы : Коллоквиум, 2011. 520 с.
14. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе. М. : АСТ, 2002. 533 с.
15. Тайсен Г. Библейская вера в эволюционной перспективе. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. 243 с.
16. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000. 430 с.

References

1. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 7. Translated from German. Moscow: Choro.
2. Khoruzhiy, S.S. (2010) *Fonar' Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropeyskoy antropologii* [Diogenes's Lantern. A critical retrospective of European anthropology]. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History.
3. Gilson, E. (2004) *Filosofiya v Srednie veka (ot istokov patristiki do kontsa XIV veka)* [Philosophy in the Middle Ages (from the origins of patristics to the late 14th century)]. Moscow: Respublika.
4. Marx K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. 2nd ed. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatura.
5. Neretina, S. & Ogurtsov, A. (2006) *Puti k universaliiyam* [Ways to Universals]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
6. Bacon, F. (1971) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
7. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
8. Kierkegaard, S. (2005) *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokham"* [Final non-scientific epilogue to "Philosophical crumbs"]. Translated from Danish by T.V. Shchittsov. Minsk: I. Logvinov.
9. John Scot Eriugena. (2001) *O razdelenii prirody* [On the division of nature]. In: Neretina, S.S. (ed.) *Antologiya srednevekovoy mysli (Teologiya i filosofiya evropeyskogo Srednevekov'ya)* [Anthology of Medieval Thought (Theology and Philosophy of the European Middle Ages)]. Vol. 1. St. Petersburg: RKhGI.
10. Hegel, G.W.F. (1975) *Filosofiya religii: v 2 t.* [Philosophy of Religion: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from German by M.I. Levina. Moscow: Mysl'.
11. Gurevich, P.S. (ed.) (1995) *Eto chelovek: Antologiya* [This is a Man: An Anthology]. Moscow: Vyssh. shkola.
12. Murphy, N. (2007) *Religioznaya etika i sovremennaya antropologiya* [Religious ethics and modern anthropology]. In: Gutner, G. (ed.) *Otvetstvennost' religii i nauki v sovremennom mire* [Responsibility of Religion and Science in the Modern World]. Moscow: St. Apostle Andrew Biblical and Theological Institute.
13. Grenz, S. & Olson, R. (2011) *Bogoslovie i bogoslovy XX veka* [Theology and Theologians of the Twentieth Century]. Translated from English. Cherkassy: Kollokvium.

14. Teilhard de Chardin, P. (2002) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Translated from French. Moscow: AST.

15. Theisen, G. (2009) *Bibleyskaya vera v evolyutsionnoy perspective* [Biblical faith in an evolutionary perspective]. Translated from English. Moscow: St. Apostle Andrew Biblical and Theological Institute.

16. Barbour, I. (2000) *Religiya i nauka: istoriya i sovremennost'* [Religion and Science: History and Modernity]. Moscow: St. Apostle Andrew Biblical and Theological Institute.

Сведения об авторах:

Устименко Д.Л. – доцент, доктор философских наук, доцент кафедры Общенаучной подготовки Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: UstimenkoD2006@yandex.ru

Устименко А.Л. – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и педагогических технологий филиала Кубанского государственного университета (Славянск-на-Кубани, Россия). E-mail: ustimenko2010@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ustimenko D.L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Scientific Training, North Caucasus Branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: UstimenkoD2006@yandex.ru

Ustimenko A.L. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Science and Pedagogical Technologies, Branch of Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation). E-mail: ustimenko2010@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.03. 2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022*

*The article was submitted 02.03. 2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья
УДК 316.42
doi: 10.17223/1998863X/68/17

ОБЩЕСТВО РИСКА: ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Данила Андреевич Якуничев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
cool.yadanila2013@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется концепция риска, ее центральная роль во многих современных политических дебатах. Отмечена ее парадоксальная трактовка в последние десятилетия. С одной стороны, наметилась тенденция к укращению риска, с другой стороны, понимание вероятности и случайности возросло. Впоследствии модернистская уверенность в перспективах контроля над риском оказалась умереннее и частично подорвана соответствующими событиями.

Ключевые слова: Ульрих Бек, общество риска, культура риска, глобализация

Для цитирования: Якуничев Д.А. Общество риска: возможная модель развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 174–182. doi: 10.17223/1998863X/68/17

Original article

RISK SOCIETY: A POSSIBLE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Danila A. Iakunichev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
cool.yadanila2013@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes how theoretically, methodologically and empirically it is possible to open the theory of society and politics to a historically new, intertwined modernity that cancels its own foundations. The author shows how in the discourse of Ulrich Beck's philosophy, the concept of a risk society does not stand in isolation. Rather, it is just a component (although extremely important, perhaps even central) of an even more comprehensive theory, namely the so-called theory of "reflexive modernization". That is why the risk society should be understood, taking into account the comprehensive completeness of Beck's philosophy: it is the intersection of two different eras of modernity. The goal of people should be to overcome the risk society with the help of reflexive modernization and, thus, finally enter the normative target state of the second modern. It is the theory, the theory of society and politics, that can reveal the fundamental fragility and variability of social dynamics that come from the globalization of capital and risks at the beginning of the 21st century. It should be remembered that risks are the result of the process of social construction. However, with the development of mass media and the publicly accessible, worldwide Internet, it is not the abstract risks themselves that are perceived as threatening, but their concrete thematization in the media. This leads to the fact that reality is perceived cognitively in accordance with the schematism of safety and danger. However, paradoxically, the inflation of "perceived risks" also leads to greater indifference. Criticism of Beck's philosophy, based on the argument of the limitation of Beck's works in time and space, is refuted by his later works, such as "World at Risk". Beck expanded some aspects of

the concept, which he only hinted at in 1986, and also developed the theory from the point of view of advanced globalization. He did not blame or defend capitalism, but rather pointed out measures to reduce and eliminate risks. Risk always has two sides: the negative side of danger and the positive side of opportunity. That is why in today's society, risk management provides potential scenarios for the future and tools for better risk control.

Keywords: Ulrich Beck, risk society, risk culture, globalization

For citation: Iakunichev, D.A. (2022) Risk society: a possible model for the development of modern society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 174–182. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/17

Уверенно вступая в новое десятилетие, человеческому обществу необходимо провести фундаментальную переоценку характера и роли концепций риска и общества риска. Сегодня, по мере того, как общество становится все более фрагментированным, основное внимание политиков и управленцев смещается с традиционных способов принятия решений и поддержания порядка на обеспечение функционирования социальных, экономических и политических институтов с помощью технологий наблюдения и превенции, предназначенных для выявления, прогнозирования и управления рисками. С учетом новых глобальных (социальных, экологических и биологических) вызовов следует начать рассматривать риск как доминирующую организующую концепцию, а то, как общества справляются с рисками или игнорируют их, – как сдерживание социальной несправедливости. Полагая под риском основание устойчивости любого современного общества, процесс чего мы проанализируем далее, мы переосмысливаем само понятие риска и концепцию общества риска – все для более безопасных человеческих и нечеловеческих обществ сейчас и в будущем. Для этого необходимо рассмотреть существующие определения, касающиеся общества и его устойчивости, культуры риска, обозначить недостатки и проблемы современного понимания и попытаться наметить основания для альтернативной концептуальной основы политики преодоления рисков в целях содействия жизнестойким обществам.

Риск – это не дополнительный термин, используемый для обозначения опасности: это особая опасность, в которой никто не виноват, и рассматриваемое событие невозможно предвидеть или рассчитать. Именно эта концепция исторически сложилась в сфере морского страхования, когда стороны столкнулись с невозможностью возложить вину друг на друга. Начиная с XVI в., после разрушения кораблей во время штормов, ответом на получение некоторой степени контроля над природными опасностями без наказания торговли было «обобществление» и «объединение» опасности. Понятие риска уточнялось в течение XIX в. с последовательным развитием нескольких видов страхования: сельскохозяйственного страхования от стихийных бедствий и социального страхования от болезней, с различиями в формах и масштабах времени в Германии, Франции и Великобритании. Это было общее движение, которое маскировало заметные различия в различных национальных контекстах. Успех этих систем выявления и управления опасностью свидетельствует как о стремлении контролировать капризы природы в различных сферах человеческой деятельности, так и о развитии использования статистических данных и расчета вероятностей в общественном достоянии. Эф-

фективность понятия риска обусловлена тем, что оно не относится к определенной категории событий, а представляет собой способ осмысления, объективизации, измерения и управления опасностями [1, 2].

В течение XX в. развитие страхования способствовало «классификации» широкого спектра опасностей, наводнений и землетрясений как «природных рисков», бытовых несчастных случаев – как «бытовых рисков», а болезней и отравлений – как «рисков для здоровья». Такое развитие понятия риска в контексте подъема капитализма подчеркивает, что вся человеческая деятельность сопряжена с присущими ей опасностями и что цель состоит не в том, чтобы искоренить их, а в том, чтобы контролировать их, помещая в рамки и предлагая возмещение или компенсацию. Таким образом, методы страхования стали ключевым инструментом в управлении рисками и их возмещении. Это решение имело решающее прагматическое и политическое преимущество: оно позволяло продолжать деятельность, даже если она была опасной. Она требует радикального пересмотра понятия вины и ответственности, которое было сформулировано с использованием лексики страховщиков, стирая все политические или моральные коннотации. Наказывались только злоупотребления, т.е. ущерб, причиненный рисками, превышающими те, которые считались «нормальными» для данной деятельности, исходя из того, как эта «нормальность» определялась в нормативном контексте того времени.

В 1950-х гг. глобальная угроза ядерной войны заставила людей представить себе сценарии будущего, основанные на расчете вероятностей аварий, которые, конечно же, никогда не случались или крайне редки и связаны в длинных цепочках причин и следствий. Эти ситуации с глобальными последствиями – сильными штормами или террористическими угрозами – имеют тенденцию к росту [2]. Они раскрывают границы понятия риска, предусмотренного исключительно с точки зрения страхования, и предлагают пересмотреть определение «естественных» и «технологических» опасностей, обычно возникающих в результате человеческой деятельности. Эти ситуации в значительной степени привели к возвращению причинности и пересмотру условий рискованной ситуации. Возвращение ответственности наряду с принципом предосторожности в конце 1980-х гг. ясно отражает тупик, в котором сейчас находится основанный на страховании подход к риску. Несмотря на то что проблема ответственности становится все более актуальной, понятие риска постоянно высвечивается и распространяется на все более широкие сферы деятельности. Действительно, появление риска как своего рода метода управления проблемами и популярность концепции «общества риска» среди лиц, принимающих решения, и социологов указывают на то, насколько политизированными эти проблемы стали сегодня [1, 3, 4].

Терроризм, безработица и экологические катастрофы доминируют в повестке дня по всему миру. Однако в отличие от стран бывшего «второго» и «третьего эшелонов», большинство постиндустриальных обществ переживают экономический рост, значительный уровень благосостояния и безопасности, а также длительный период мира на своих родных территориях [5. С. 140]. Тем не менее дискуссия в этих обществах вращается вокруг рисков и опасностей. Немецкий социолог Ульрих Бек приписывает это далеко идущему изменению, которое он называет рефлексивной модер-

низацией, когда непреднамеренные и непредвиденные побочные эффекты современной жизни оборачиваются против современности, ставя под сомнение саму основу ее определения.

С середины 1980-х гг. «риск» стал своего рода знаменем, под которым сплотились общественные науки. Наука породила огромное разнообразие исследований в области политологии, социологии и экономики [1, 6]. Такие концепции, как «цивилизация риска» Патрика Лагадека, «общество риска» Ульриха Бека или «культура риска» Энтони Гидденса [7. С. 38–50] символизируют и поддерживают это движение, которое, хотя и полиморфно, построено вокруг общей предпосылки: убеждения, что риск является характерной чертой современных обществ и центральным параметром при их анализе. Наша «современность» рассматривается как часть радикального перелома, произошедшего примерно в начале 1970-х гг. в результате перехода от индустриального к постиндустриальному или «обществу риска» [7. С. 23–30]. Теперь человечество должно иметь дело с целым рядом глобальных рисков, которые оно само породило в результате своей научно-технической деятельности, для которой планета стала огромной лабораторией. Парадоксально, но для того, чтобы справиться с этими рисками, наше общество испытывает еще большую потребность в науке и технике, которые сами по себе могут обеспечить концептуальные и технические инструменты, позволяющие человечеству понять, идентифицировать, количественно оценить, классифицировать и защитить от таких рисков. Эти преобразования также нашли свое отражение в беспрецедентном развитии регулятивных мер, касающихся систем административного контроля и управления на местном, национальном и международном уровнях [8, 9].

Для Бека и других исследователей в области социальных и политических наук послевоенный бум и триумф капитализма открыли новую модель социальной организации, характеризующуюся более высокой степенью индивидуализации. Бек стремился проанализировать рождение этого нового общества, новые проблемы, связанные с ним, и политические преобразования, необходимые для решения этих проблем [5, 10]. Последовательные кризисы, вызванные угрозами здоровью и окружающей среде в результате научной, медицинской или экономической деятельности, возникшими с начала 1970-х гг., свидетельствуют о том, что мы вступили в новую эру. Такие вопросы по-прежнему находятся на переднем крае общественных дебатов и продолжают мобилизовывать общественность и бросать вызов ограничениям экспертных заключений и нормативных актов [4].

Бек критикует тех, кто утверждает, что западные общества являются «постмодернистскими», и предлагает имманентную критику несостоявшихся обещаний современности. Благодаря собственным успехам современное общество теперь сталкивается с неудачей: если раньше эксперименты проводились в лаборатории, то теперь весь мир – это испытательный стенд. Модерн, который обнаруживается в современном мире, Бек называет другим модерном [10. С. 15]. Это, по сути, порождает «общество риска». Бек очень ясно выразил свою точку зрения на современность, когда сказал, что этот «новый модерн» и позволяет индивиду принимать собственные решения без какой-либо привязки к его классовым или кастовым соображениям. То, что постмодернисты видят как хаос или отсутствие паттерна, Бек видит как риск или

неопределенность. Управление рисками – это главная особенность глобального порядка.

Таким образом, тезис Бека в его самой широкой форме утверждает, что самые современные риски, которые другие, в частности английский социолог Энтони Гидденс, называют «поздним» или «высоким» модерном [11. Р. 39, 178], являются рефлексивными в том смысле, что они являются самоиндуцированными. Риски в «ранний период модерна» были внешними по отношению к самосознательному контролю социальных акторов. Распространяются болезни, плохая погода вредит урожаю, пожары уничтожают городские районы, как будто под воздействием внешних, природных сил. Даже если некоторые из этих рисков были усугублены вмешательством человека, современное восприятие состояло в том, что они были неконтролируемыми. В условиях «нового модерна», напротив, такие риски, как угроза катастрофических инцидентов с ядерными реакторами, явно являются последствиями человеческой деятельности. С этой точки зрения уверенность викторианской эпохи и начала XX в. в постепенном уменьшении риска знаменует собой, по иронии судьбы, переход от внешне обусловленного (природно обусловленного) к общественно обусловленному риску. Научно-технические разработки увязываются с этой рефлексивной схемой, поскольку современные риски, как правило, являются результатом технологических предприятий; наука и техника вовлечены в поиск причин, диагностику и, по возможности, окончательное решение проблемы.

Общее аналитическое заявление Бека было встречено с энтузиазмом многими социологами, и термин «общество риска» был широко принят. Однако детали его анализа не встретили такого же радушного приема. Во-первых, неясно, насколько «современны» все современные риски. Считается, что «коровье бешенство» – в конечном счете, очевидно, передаваемое людьми – распространилось в результате низкотехнологичного бизнеса по производству корма для крупного рогатого скота из животного белка, особенно в контексте энергосберегающих низкотемпературных технологических инноваций. Что еще более важно, примеры Бека, такие как риск выпадения радиоактивных осадков в результате взрыва чернобыльского реактора, имеют общечеловеческое качество. На первый взгляд, последствия могут обрушиться как на бедных, так и на богатых. В этом смысле «общество риска» – это проблема каждого человека. Но как ясно показывают существующие законы об экологии и ситуации с окружающей средой, экологические проблемы все еще часто распределяются довольно неравномерно по этническим и классовым признакам [5. С. 140]. Опасности «общества риска» могут быть распределены не так равномерно, как предполагает Бек. Наконец, Бек довольно мало говорит о причинах культурных различий в значимости различных видов риска, хотя ясно, например, что формулирование рисков и политические меры реагирования на них сильно различаются даже между социально и экономически сопоставимыми регионами, такими как Европа и Северная Америка.

Связь риска и культуры была исследована британским антропологом Мэри Дуглас и несколькими ее коллегами, в частности американским политологом Аароном Вилдавски [12. Р. 2–15]. Развивая знаменитое предположение Дюркгейма о том, что религиозные космологии отражают социальные структуры, Дуглас предположила, что культурные представления об особен-

ностях природы указывают как на отраженный характер общества, так и на глубинные особенности самой природы. Беззаботные, индивидуалистические, динамичные культуры склонны рассматривать природу как живучую и способную позаботиться о себе, в то время как культуры, которые находятся в опасности или беспокоятся о защите своих границ, склонны рассматривать природу как хрупкую и нуждающуюся в защите [12. Р. 16–19]. Впоследствии Дуглас разработала этот подход для изучения риска в развитых индустриальных обществах. Тревога общества по поводу риска, по ее мнению, связана как с культурной «незащищенностью» этого общества, так и с реальной степенью опасности. Ее подход служит для того, чтобы подчеркнуть, в какой степени осознание культурой рисков может быть приписано природе более общих культурных тревог [12. Р. 25–33].

Технологии XX в. были связаны с новыми формами риска, включая риски для всей экосистемы. Правовые рамки и интеллектуальные инструменты, разработанные для регулирования риска, позволили разрабатывать аргументы о риске более изощренными способами, бросая вызов «установочным» интерпретациям безопасности и тем самым порождая живое понимание риска. Повсеместное распространение спорных утверждений о риске и безопасности привело к тому, что «высокие» культуры модерна характеризуются как «общества риска». Разграничение науки в этом сходстве означает, что она все больше и больше ставит под сомнение себя. Все более ускоряющийся процесс формирования приводит к тому, что абсолютных истин больше не существует. Вместо этого сталкиваются многочисленные, часто противоречивые подходы к объяснению по одной и той же теме.

Из этого следует, что дискурс больше не может быть просто заключен с помощью консенсусного научного обоснования. Еще одним следствием этого является то, что политические решения, лежащие в основе экспертных заключений, становятся относительными. Это уже говорит о том, что даже область политики не остается нетронутой процессами демаркации рефлексивной модернизации. Разрыв с традициями индустриального общества делает все обсуждаемым и управляемым; основы принятия решений должны быть пересмотрены. Это приводит к политизации всех сфер жизни. Объяснения неудач таких методов предполагают, что управленцы не знают, как воплотить потребности и требования сообществ в решения. Кроме того, демаркация, обозначенная выше, не меняет процессы принятия решений на местном уровне и реальность того, что власть имущие не желают отказываться от своего контроля над принятием решений, несмотря на инициирование процесса участия общественности. Последнее, будучи временным и ориентированным на проблемы или проекты, подрывает собственный потенциал для получения устойчивых результатов. Следовательно, как обычно понимают, участие общественности не способствует развитию общественных организаций, тем паче институтов, а именно социальных структур, необходимых для решения проблем в их развитии, существовании [4, 8]. Таким образом, наиболее популярный подход к «риску», включая прилагаемые к нему инструменты, в целом представляется контрпродуктивным, особенно в плане содействия устойчивости общества.

В заключение следует рассмотреть важность возникновения понятия «общество риска» и тем самым подчеркнуть центральную роль его политиче-

ского измерения. 1980-е гг., когда Бек и Гидденс создавали свои первые работы, ознаменовались, во-первых, глубоким вызовом формам социального управления, достигшим своего апогея в 1960-е и 1970-е гг., а во-вторых, определенным разочарованием в существующих правилах, призванных защищать от опасностей для здоровья и окружающей среды, связанных с научно-техническими разработками. В то время социология риска стремилась не только описать и проанализировать необузданные кризисы здоровья и окружающей среды, но и объяснить трансформации, которые ознаменовали конец «классового общества» и его превращение в «общество риска», на котором Бек делает особый акцент в своей работе [10. С. 251–267]. Через концепцию «общества/культуры риска» Бек и Гидденс предлагают не только аналитический инструмент и интерпретацию общества, в котором они живут, но и намечают новые методы социального управления, которые они хотели бы видеть реализованными, чтобы помочь противодействовать как ослаблению так называемых традиционных методов управления (профсоюзы, классовая борьба, политические партии с четко определенными предложениями), так и опасности «нового модерна» для всего человечества [7. С. 97–99; 10. С. 358–367].

Этот политический элемент риска был центральным для большого числа исследователей, чьи работы были посвящены обществу риска [4]. Однако в силу своей академической дисциплины, политической подоплеки или предмета своего анализа они придавали «политическому» разнообразие значения. В большом количестве работ по естественным наукам и технике политика рассматривалась как критика технократических методов, используемых в процессах принятия решений, и исследователи высоко оценивали методы, используемые группами заинтересованных граждан для принуждения их к участию в делах, связанных с риском.

Многие социальные исследователи используют риск как средство разработки инструментов, направленных на реформирование таких методов принятия решений и, в конечном счете, на пересмотр методов организации науки и техники, с одной стороны, и социальных проблем – с другой. Это породило большой объем исследований о роли и влиянии науки на риск, которые стали доминировать в этой области и касались демократии участия, «совещательных процедур», например конференции граждан и гибридные форумы. Цель состояла в том, чтобы привлечь граждан к участию в принятии политических решений путем поощрения новаторских дискуссий и форумов для принятия решений. Эти работы породили теории о «хорошей науке» [13. Р. 22–23] и совместном производстве более социально обоснованных экспертных знаний, исходящих, как это было бы, из более широкого консенсуса между учеными, политиками и обычными людьми. Провозглашенные лекарством от всех бед, «совещательные процедуры» [2. Р. 336], по-видимому, являются методом управления не только для многих существующих в настоящее время рисков и конфликтов, которые могут возникнуть из-за них, но и для социально-экономических проблем в целом. Концепции «риска» и «общества риска» имеют большой успех среди политиков и менеджеров. Последние приняли идеи новой формы управления, основанной на более широкой социальной базе для принятия политических решений и совместного управления с заинтересованными сторонами в различных социальных секторах. Некоторые со-

циологи внесли свой вклад в разработку и внедрение этой новой формы управления [6, 11]. Другой подход позволил бы занять радикально иную позицию по отношению к этому новому управлению, т.е. поставить вопрос о том, что это такое, как оно возникло и было развернуто, а затем предложить другую историю социальных изменений за последние 30 лет с более рефлексивной и критической перспективой, что является заделом для будущих научных исследований.

Список источников

1. Truant E., Corazza L., Scagnelli S. Sustainability and Risk Disclosure: An Exploratory Study on Sustainability Reports. *Sustainability*; 9:636. 2018. DOI: 10.3390/su9040636
2. Wimmer J., Quandt T. Living in the risk society // *Journalism Studies*. 2006. 7:2. P. 336–347. DOI: 10.1080/14616700600645461 (accessed: 07.09.2021).
3. Eisenberg E., Jabareen Y. Social Sustainability: A New Conceptual Framework. *Sustainability*; 9:68. 2017. DOI: 10.3390/su9010068
4. Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review // *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*. 2016. Vol. 17. P. 38–48.
5. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 311 с.
6. Luhmann N., Barrell R., Stehr N., Bechmann G. *Risk: A Sociological Theory* (2nd ed.). Routledge, 2005. 236 p.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
8. Korstanje M.E. *A Difficult World: examining the roots of Capitalism*. New York : Nova Science Publishers, 2015. 72 p.
9. Williams C., Chuprov V., Zubok J. *Youth, Risk and Russian Modernity* (1st ed.). Routledge, 2003. 386 p.
10. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Пр. изд.: Beck U. *Risikogesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1986.
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1991. 256 p.
12. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley : University of California Press, 1982. 224 p.
13. Beck U. *Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society*. Humanities Press, 1995. 159 p.

References

1. Truant, E., Corazza, L. & Scagnelli, S. (2018) Sustainability and Risk Disclosure: An Exploratory Study on Sustainability Reports. *Sustainability*. 9. DOI: 10.3390/su9040636
2. Wimmer, J. & Quandt, T. (2006) Living in the risk society. *Journalism Studies*. 7(2). pp. 336–347. DOI: 10.1080/14616700600645461
3. Eisenberg, E. & Jabareen, Y. (2017) Social Sustainability: A New Conceptual Framework. *Sustainability*. 9(1). DOI: 10.3390/su9010068
4. Xu, J., Wang, Z., Shen, F., Ouyang, C. & Tu, Y. (2016) Natural disasters and social conflict: A systematic literature review. *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*. 17. pp. 38–48.
5. Beck, U. (2008) *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Outlook]. Translated from German. Moscow: Center for Research of Post-Industrial Society.
6. Luhmann, N., Barrell, R., Stehr, N. & Bechmann, G. (2005) *Risk: A Sociological Theory*. 2nd ed. Routledge.
7. Giddens, A. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway world: how globalization is reshaping our lives]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
8. Korstanje, M.E. (2015) *A Difficult World: Examining the Roots of Capitalism*. New York: Nova Science Publishers.

9. Williams, C., Chuprov, V. & Zubok, J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. 1st ed. Routledge.

10. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk society: towards a new modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.

11. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif. : Stanford University Press.

12. Douglas, M. & Wildavsky, A. (1982) *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.

13. Beck, U. (1995) *Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society*. Humanities Press.

Сведения об авторе:

Якуничев Д.А. – студент 1-го курса магистратуры, кафедра философии политики и права, философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: cool.yadanila2013@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Iakunichev D.A. – 1st year student of the Master's program, Department of Philosophy of Politics and Law, The faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: cool.yadanila2013@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022*

*The article was submitted 23.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 328.185
doi: 10.17223/1998863X/68/18

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И ЭМАНСИПАЦИЯ БИЗНЕСА ОТ КОРРУПЦИИ

Виктор Геннадьевич Бондарев¹, Александр Иванович Стребков²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
vicbondarev@mail.ru*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.strebkov@spbu.ru*

Аннотация. Представлен анализ политико-экономической природы коррупции, коррупционных рисков и роли государства в эмансипации бизнеса от коррупции. Приводятся аргументы, указывающие на объективный характер коррупции и коррупционных рисков, источником которых является конкуренция, дифференцирующая бизнес по степени силы обращения к административным факторам. Рассматривается роль государства в купировании коррупционных рисков и коррупционной эмансипации бизнеса.

Ключевые слова: бюрократия, бизнес, коррупция, коррупционные риски

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

Для цитирования: Бондарев В.Г., Стребков А.И. Коррупционные риски и эмансипация бизнеса от коррупции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 183–192. doi: 10.17223/1998863X/68/18

POLITICAL SCIENCE

Original article

CORRUPTION RISKS AND EMANCIPATION OF BUSINESS FROM CORRUPTION

Viktor G. Bondarev¹, Alexandr I. Strebkov²

¹ *Northwestern Branch of “The Russian State University of Justice”, St. Petersburg,
Russian Federation, bondarev@szfrgup.ru*

² *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.strebkov@spbu.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the political-economical origin of corruption, corruption risks and the role of the state in emancipation of business from corruption. The reasons defining the objective nature of corruption and corruption risks are given on the

basis of competition marking business by the extent of the recourse to administrative factors as well as by the part of the state in countering corruption risks and corruptive emancipation of business. Like the defense mechanism for business the state in the face of competition doesn't cope with the shielding any business caught in a difficult economic situation without standing the competition. Specifically the state triggers off higher competition because of the negligence to interests of any certain business or entire industries. If the necessity in corruption is predetermined by business also the suggestions from business are predetermined by civil servants who are ready to support this necessity notably to their greatest advantage. The concept of corruption is defined as objective peculiarity of the modern society, as the result of competition specifying by commodity and money relations. Corruption itself sets the direction of corruption risks identification. Arising from competition, corruption risks constitute a prospective of entering of political-economic agents into a form of commodity and money relations resulting in purchase-sale of goods ineligible to be privatized on political, moral and traditional grounds. The necessity of re-examination of laws in the part of their influence business needs to ignore the law is given in the findings. The state should be greatly approved in its striving to facilitate relations with business, to remove barriers in formation and to support favorable reproduction. All this leads to emancipation of business which in turn provides more acceptable climate for reproduction and hence reduces the demand for private services of civil servants.

Keywords: bureaucracy, business, corruption, corruption risks

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

For citation: Bondarev, V.G. & Strebkov, A.I. (2022) Corruption risks and emancipation of business from corruption. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 183–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/18

29 июня 2018 г. Президент РФ подписал Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [1], а 16 августа 2021 г. за № 478 подписан Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [2]. Не подвергая сомнению успешное выполнение Указа Президента от 29 июня 2018 г., необходимо осмыслить используемое в Планах 2018 и 2021 гг. понятие «коррупционные риски» и механизмы противодействия им. Вместе с тем представляется актуальным рассмотреть коррупционные риски не в аспектах конкретных мероприятий, предписываемых Планами, а в сложившихся формах взаимодействия бизнеса и государства.

Из содержания Планов становится понятным, что коррупционным рискам подвержены закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также отдельные сферы хозяйственной деятельности (ст. 16, п. б) и ст. 34 Плана 2018 г.). К примеру, в Плане 2021 г. основной упор делается на выявление и анализ коррупционных рисков в муниципальном и государственном управлении, на подготовку методических рекомендаций по вопросам выявления и минимизации коррупционных рисков, на обобщение статистических данных и информации о выявленных коррупционных рисках, о минимизации коррупционных рисков в результате обеспечения открытости и прозрачности процедур определения стоимости, находящихся в государственной и муниципальной собственности объектов недвижимого имущества. Планируется осуществлять мониторинг практики применения цифровых технологий в минимизации и устранении коррупционных рисков в государственных и муниципальных закупках (ст. 1, п. а), ж); ст. 10; ст. 25, п. б); ст. 28, п. в); ст. 52, п. б)). Заметим, что количество меро-

приятий, связанных с определением, выявлением, минимизацией коррупционных рисков, в Плане 2021 г. значительно увеличивается, а проблема предотвращения коррупционных рисков становится одной из важных в определении антикоррупционной государственной политики в ближайшей перспективе.

В то же время актуализируется теоретическая проблематика коррупционных рисков, так как искоренение коррупции является одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности [3]. Востребованность же теоретического обоснования социальных условий, влекущих за собой коррупционные риски, не получает должного отклика в обществоведческих науках, отсутствует единообразное толкование самого термина «коррупционные риски», несмотря на то что он «широко распространен в работах, затрагивающих вопросы противодействия коррупции в тех или иных сферах» [4. С. 63]. А.В. Помазуев отмечает, что данному «легальному» термину следует придать некоторую определенность, и «коррупционный риск» определяет как «обобщенную оценку вероятности возникновения коррупции и ее угрозы общественным отношениям» [4. С. 65]. Однако, думается, термин «вероятность» возникновения коррупции вряд ли может помочь в определении коррупционных рисков. Вероятность наступления какого-либо отношения, а коррупция есть нечто иное, как отношение, возможна при условии, что данное отношение есть чужеродное отношение рационально организованного общества, есть побочный продукт данного общества, тогда как в действительности коррупция есть закономерный продукт такой организации общества, которая опирается на товарно-денежные отношения, на отношения купли-продажи. Поэтому с таким общественным явлением, как коррупция, надо обходиться не как с вероятностным отношением, а закономерным, присущим существующему способу производства, но выступающему в своих частных проявлениях как игнорирование принятых в обществе правовых норм обмена.

Игнорирование правовых норм обмена может и носит вероятностный характер, однако данное игнорирование приводит к коррупции в случаях обостренной конкурентной борьбы, выталкивающей на поверхность экономических отношений субъектов, которые в поисках факторов, снижающих издержки производства и обмена, видят лишь один из них – административный фактор. Это связано с тем, что современное государство превращено в такого же экономического агента [5. С. 12], как и многие компании, производящие товары и услуги, а также с уровнем конкуренции, силу давления которой не могут, по различным причинам, выдержать некоторые компании, не могут не разориться. Нельзя согласиться в определении коррупционных рисков и с тем, что они угрожают общественным отношениям. Подобная угроза была бы действительной, а не только мыслимой А.В. Помазуевым, при условии, если общественные отношения не опирались на товарно-денежные отношения. Но так как все современное российское общество является товарно-денежным обществом, то коррупция есть механизм возврата в товарное состояние того, что уже, согласно правовой норме, перестает быть товаром. Недаром российские приватизаторы первой волны, такие как А. Чубайс, полагали, что «коррупция – это есть прогресс» [6]. Поэтому неправомерно определять коррупционный риск через обобщенную оценку вероятности возникновения коррупции, а также неправомерно придавать коррупции свойства, которыми она не может быть наделена.

Тогда что же такое коррупционные риски? Для ответа на вопрос необходимо определить, что представляет из себя коррупция в товарно-денежных отношениях. Несмотря на множество терминологических характеристик коррупции [7], на наш взгляд, наиболее приемлемым является определение, основанное на политико-экономическом понимании данного явления, поскольку коррупция есть форма связи людей, опосредованная вещами, принявшими форму товара. Коррупция – это форма обмена, «когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» [8. С. 73–74], которая в силу общественной необходимости начинает ограничиваться законом и вытесняется из легальных форм обмена. Действия, направленные на придание меновой стоимости товарам и услугам, которые в силу общественной необходимости не могут стать таковыми, определяются как асоциальные действия, а связи, возникающие между действующими индивидами как асоциальные связи. Таким образом коррупцией обозначаются такие их формы из всей совокупности меновых связей, которые придают отдельным экономическим агентам дополнительные преимущества, вытекающие не из технико-технологических преимуществ, а социальных, принадлежащих всему обществу в целом, получаемых не в силу общественной, а в силу индивидуальной необходимости.

Коррупционный риск, будучи следствием конкуренции, есть не столько потенция последней, сколько действительно воспроизводимый результат, в силу чего она должна быть включена в определение термина «коррупционные риски». Коррупционный риск предстает перед нами как следствие конкуренции, которая всегда порождает победителей и побежденных, всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Эта игра с нулевой суммой приводит тех, кто на грани проигрыша, двигаться в направлении приобретения факторов производства и обмена, обладающих неоспоримыми преимуществами. Данный преимущественный фактор подталкивает к совершению коррупционных действий для выживания бизнеса, получения минимальной, средней или сверхприбыли.

Коррупционные риски есть величина постоянная для всего бизнеса и относительная для каждого в отдельности. Один бизнес, капиталы которого велики, мало подвержен этим рискам, а другой, капиталы которого не столь значительны, подвержен им в большей степени. Эта закономерность показывает, что именно конкуренция, являясь катализатором коррупционных рисков, усиливает притяжение бизнеса к бюрократии, властному распределителю общественного богатства, как немаловажному фактору производства и обмена. Коррупционный риск есть невозможность получения преимуществ из имеющихся факторов производства кроме административного, как единственного и имеющегося постоянно в наличии, ибо государство как фактор производства и обмена начинает играть большую роль в экономической сфере в государственно-монополистической стадии развития капитала. Тем самым не о вероятностном содержании коррупционных рисков должна идти речь, а о закономерностях, в которых не последнюю роль играет государство, юридически защищающее конкуренцию [9]. Надо говорить не о субъективности коррупционного риска, приходящегося на того или иного агента экономики, а об объективности, о риске как законе существующего способа

производства, являющегося следствием конкуренции и ее значения для общества, но при этом видеть проявление этого объективного закона в действиях тщеславного и жадного до наживы чиновничества, продавшегося душой и телом государству, пытающегося ежедневно и ежечасно продать это государство по мелочам, «если это может дать им какую-либо выгоду» [10. С. 477].

Защищая конкуренцию, государство тем самым берет на себя долю ответственности в культивировании коррупционных рисков и самой коррупции, от которой стремится избавиться не только само, но избавить общество в лице того же бизнеса. Требование максимума свободы бизнес-процессам есть требование снижения, а в некоторых случаях полного исключения влияния государства на бизнес. Интерес бизнеса в купировании влияния государства на него распространяется также и на административный фактор. Однако в самом бизнесе нет единого мнения на роль и значение государственного вмешательства в бизнес [11. С. 19–20] в силу того, что сам бизнес дифференцирован по капиталам и по доле богатства, получаемого на различный капитал. Недостаток условий или факторов производства и обмена, увеличивающих риски банкротств и разорений, толкает компании на действия коррупционного характера. Поэтому бизнес становится инициатором коррупционных отношений в силу наступившей дифференцированной необходимости его сохранения.

Бизнес, иницируя коррупционные отношения, производит и мотив у противоположной стороны взаимодействия, которая, в силу своего положения в системе отношений собственности, является лицом, уполномоченным осуществлять контроль за распределением последней. Юридический закон в экономическом генезисе коррупции не разбирается и объявляет государственного или муниципального служащего инициатором коррупционных отношений, превращая коррупцию в субъективную субстанцию, в растерянные или неприобретенные качества человека [12], тогда как в действительности она есть объективное отношение, о чем мы уже говорили, есть следствие конкуренции и вечного двигателя капиталов и всего капиталистического способа производства – прибыли, даже при условии, что она корректируется в своей величине общественным мнением, господствующими ценностями и государством. Она порождает спрос на минимум издержек и находит их в самом слабом звене устройства общества – в бюрократии. Использование служебного положения в целях получения выгоды денежного или иного имущественного характера для закона является исходным и окончательным пунктом коррупции, тогда как коррупция есть способ взаимодействия, в котором как минимум существуют две стороны. Коррупция есть продукт данного взаимодействия и в то же время форма, в результате которой выгода равным образом распределяется между контрагентами. Односторонность закона противодействия коррупции влечет за собой фрагментарный взгляд на коррупцию, загоняет чиновника в рамки дозволенного и тем для него возрастают риски быть осужденным, что увеличивает потолок вознаграждения за игнорирование закона. Закон противодействия коррупции не убавил коррупционных рисков, он их прибавил, а так как риски имеют цену, то доплата за них начинает исчисляться миллиардами.

С экономической точки зрения коррупция есть обыденный акт купли-продажи, где как на стороне спроса, так и на стороне предложения нет ничего

кроме выгоды. А когда начинает говорить выгода, все отношения, помимо экономических, не принимаются в расчет. Игнорирование закона в коррупционных отношениях как одной, так и другой стороной взаимодействия обусловлено объективно, порождая совпадающий интерес, противостоящий государству как целому, а не закону о противодействии коррупции. Поправки подлежат государству как собственник общественных благ, а не только как собственник права. Формируются альтернативные государству формы объединения, противостоящие ему и угрожающие. Поэтому государственное противодействие коррупции должно быть не противодействием чиновнику, неправомерно использующему свое служебное положение, а противодействием негосударственным формам объединения чиновников, противостоящим и угрожающим самому государству и его безопасности.

Однако игнорирование допустимого законом есть действительная компенсация для бизнеса положения экономического «изгоя» в существующих отношениях. Если отношения не могут поддерживать существующий бизнес, не создают условия для его безопасного существования, то эти отношения находятся за пределами государства, за рамками контролируемых государством. Такое же игнорирование закона наблюдается и на стороне чиновничества, или «государства-бюрократа», как говорит А.В. Бузгалин. «В этом своем качестве государство выступает уже не просто как представитель интересов капитала как целого и себя самого как бюрократического аппарата управления, а одновременно еще и как особый капиталист – собственник и предприниматель» [5. С. 12], что не освобождает бюрократию от такой же конкуренции, каковой она представлена в бизнесе.

Гельвеций, определяя коррупцию как «всеобщую анархию интересов», как «несоответствие между частным и общественным интересом», полагал, что она может быть купирована «крупными наградами за добродетель», с одной стороны, и «угрозой бесчестия и наказания» – с другой [13. С. 57]. Но, как показывает современная практика, ни награда, ни угроза бесчестия и наказания не приносят ощутимых успехов в борьбе с коррупцией. Игнорирование закона бюрократией, а тем более если это игнорирование до поры до времени скрыто от публики, есть ее социальное свойство, вытекающее из свойства государства-бюрократа быть «особым капиталистом – собственником и предпринимателем». Воспроизводство коррупционных связей предопределено объективным стремлением класса бюрократии быть полноправным субъектом собственности. Но сдерживаемый государством в этом стремлении класс выталкивает его отдельных представителей, для которых нереализуемый интерес класса становится личным интересом, окончательной мерой человеческих действий.

Субъективная предрасположенность к коррупции есть продукт рефлексии объективного положения бюрократии в системе товарно-денежных отношений. Коррупционный сбор неминуем со стороны бюрократии, как неминуемы недокументированные доходы на стороне бизнеса. Государство, являясь защитным механизмом всего класса капиталистов, не в состоянии в условиях конкуренции эффективно защищать отдельного из них, попавшего в трудную экономическую ситуацию, проигрывающего конкуренцию. Тем более если высокая конкуренция спровоцирована самим государством, его небрежностью в отношении интересов того или иного отдельного бизнеса

или целых отраслей. Если потребность в коррупции заранее предопределена со стороны бизнеса, то также предопределены и предложения со стороны чиновничества, готового не просто поддержать эту потребность удовлетворением, а удовлетворить ее с выгодой для себя. В данной ситуации напрашивается вывод о том, что для снижения коррупционных рисков, эмансипации бизнеса от них необходима ревизия законов в части их влияния на формирование потребности у бизнеса игнорировать закон. Стремление государства упростить взаимоотношения с бизнесом, снять нагромождение барьеров в его становлении и положительном воспроизводстве заслуживает всемерного одобрения, потому что в результате раскрепощения бизнеса условия для его воспроизводства становятся приемлемыми, а значит снижается спрос на частные услуги чиновников.

Не секрет, что иногда законы формулируются таким образом, чтобы сузить правовое пространство функционирования бизнеса, не создавать ему благоприятных политико-правовых условий, а наоборот, создавать условия неблагоприятные, гипертрофируя потребность бизнеса в услугах за пределами закона. Искусственно создаваемые правовые барьеры для бизнеса порождают среды для коррупционных рисков. И здесь деятельность законодателя, ограничивающего правовое пространство для бизнеса, вполне может быть отнесена к коррупции, угрожающей развитию страны в целом. Ответственность не столько моральная, сколько материальная за законы, увеличивающие зоны распространения коррупционных рисков, должна лежать на юристах, правительстве и парламентах, формулирующих, представляющих и принимающих законы. Счетная палата как высший орган государственного аудита могла бы расширить свои полномочия до государственно-правового аудита законов, регулирующих бизнес в стране, с целью выявления тех из них, которые предрасположены к созданию зон коррупционных рисков. Эта ревизия законов необходима для того, чтобы самому государству уяснить долю законодательства в искусственном формировании коррупционных рисков, а тем самым расширить, а может быть, и сузить границы правового поля функционирования бизнеса.

Избыточный контроль государства за отношениями, предлагаемыми для функционирования бизнеса, выталкивает его из политико-экономической сферы в чисто экономическую, в которой господствуют законы той стадии капитализма, где «механизмы рынка, заменяя собой процедуры взаимных контрактных обязательств, отныне позволяют мыслить общество биологически, а не политически (механически)» [13. С. 71]. Отрицание бизнесом и бюрократией государства как властвующей инстанции, перевод отношений из сферы политико-экономической в сферу чистой экономики есть предпосылка появления коррупционных рисков. В результате чего посредническая миссия государства попирается, реализуется принцип полной свободы бизнеса, над которым властвует лишь рынок без политических примесей. Перевод политико-экономических отношений в чисто экономические отношения, исключение государства из отношений с бизнесом есть тенденция, принимающая форму объективного закона, а вместе с тем политического движения против государственного вмешательства в рынок. Как рынок не может быть социально ориентированным, так он не может быть ориентированным на право или закон. Рынок как величайший эгоист ориентирован лишь на самого себя,

на свое воспроизводство, а вместе с тем на организацию общества, состоящего всего лишь из продавцов и покупателей. Для рынка все законы вне рамок отношений торговли есть избыточные законы. Они сковывают его, и их игнорирование объективно оправдывается потребностями рынка в расширении. Но игнорирование закона как блага, принадлежащего всему обществу, есть покушение на общественную собственность, есть попытка ее превращения в частную собственность. Тем самым происходит процесс превращения общественного, что не может быть предметом купли и продажи, в частное, а вместе с тем в фактор производства, снижающий издержки производства, отодвигающий банкротства и разорения, как крайний случай. Государство, задерживающееся в реализации бизнес-интереса, само создает среды, где спрос на коррупцию становится высоким. А чем спрос выше, тем предложение становится безоглядным, риски быть наказанными за коррупционные действия становятся субъективно оправданными объемом кэша, выгодой и обеспеченной старостью.

Борьба государства с коррупцией обусловлена интересами бизнес-сообщества в равных условиях соревнования ради прибыли. Бизнес в целом заинтересован в снижении уровня коррупционной составляющей отдельных бизнесов. Государство – хороший инструмент, избавляющий предпринимателей от коррупционных рисков созданием равных правовых условий, но равная правовая мерка к дифференцированному бизнесу порождает избыточное давление конкуренции в сравнении с той, которая обусловлена законами экономики. Эмансипация бизнеса от коррупции становится политической проблемой и решается дотационной политикой, позволяющей бизнесу существовать и развиваться, легально получать административный ресурс. Тем самым бизнес укрепляет экономический иммунитет от коррупционных рисков снижением коррупционной потенции. Однако государственный юридический контроль за деятельностью чиновников усиливает позиции бизнеса, особенно малого и среднего, в их отношении с бюрократией. Но, как показывает практика, сила юридического закона не может удержать в своих каменных деснищах экономические законы, согласно которым все должно приобрести товарную форму – продано и куплено. Значит поход бизнеса за дешевыми административными факторами производства не завершится до тех пор, пока действуют законы товарно-денежного обращения.

Понимание коррупции как объективной закономерности современного общества, как следствия конкуренции, определяемой товарно-денежными отношениями, задает направление в определении коррупционных рисков. Коррупционные риски есть обусловленная конкуренцией перспектива вхождения политико-экономических агентов в такую форму товарно-денежных отношений, в результате которой купле-продаже подвергаются товары и услуги, которые не могут по политическим, моральным и традиционным основаниям быть приватизированы. Коррупционные риски есть перспектива вхождения экономических агентов в нелегальные товарно-денежные отношения, а нелегальными товарно-денежными отношениями являются законодательно не легитимированные отношения. Поэтому коррупционные риски есть объективно представленные риски, как объективно представлены такие формы товарно-денежных отношений, которые вне контроля государства. Всякое движение бизнеса и бюрократии в направлении вхождения в товарно-

денежные отношения, существующие вне связи с законом, его игнорирование есть движение в направлении коррупции, за исключением тех нелегальных форм товарно-денежных отношений, в которых легальный бизнес не является их субъектом.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // URL: <https://base.garant.ru/71977694/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1jCHkSUZfQrWPqorbgSagYA86AgH2Cj.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Помазев А.В. Коррупционные риски: понятие и значение для механизма противодействия коррупции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2.
5. Бузгалин А.В. Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Актуальные проблемы экономической теории. 2019. № 3 (86).
6. Полеванов В. Неприкасаемый Анатолий Чубайс – «магистр» Реформации, которой не было // Завтра. 2002. 23 апреля.
7. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Изд-во Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2005. 329 с.
8. Маркс К. Нищета философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд-е второе. М.: Гос. изд-во полит. литерат., 1955. Т. 4. 615 с.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2022 года (ред. 57). URL: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-o-zashchite-konkurencii> (дата обращения: 30.03.2022).
10. Энгельс Ф. Армии Европы. Русская армия // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд-е второе. М.: Гос. изд-во полит. лит. Т. 11. 788 с.
11. Колганов А.И. Будущее государства в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Актуальные проблемы экономической теории. 2019. № 3 (86).
12. Фаризова С. Дмитрий Медведев обнаружил истоки коррупции // Коммерсант. 2008.27.02.
13. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с фр. А. Зайцевой; науч. ред., ред. пер. и пред. В. Каплуна. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 256 с.

References

1. Russia. (2018) *Ukaz Prezidenta RF ot 29 iyunya 2018 g. № 378 “O natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2018–2020 gody”* [Decree No. 378 of the President of the Russian Federation of June 29, 2018, “On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020”]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/71977694/> (Accessed: 2nd February 2022).
2. Russia. (2021a) *Ukaz Prezidenta RF ot 16 avgusta 2021 g. № 478 “O natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2021–2024 gody”* [Decree No. 478 of the President of the Russian Federation of August 16, 2021, “On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024”]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1jCHkSUZfQrWPqorbgSagYA86AgH2Cj.pdf> (Accessed: 2nd February 2022).
3. Russia. (2021b) *Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 “O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii”* [Decree No. 400 of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZmR5cER0g5tZC.pdf> (Accessed: 2nd February 2022).
4. Pomazuev, A.V. (2016) *Korrupsionnye riski: ponyatie i znachenie dlya mekhanizma protivodeystviya korruptsii* [Corruption Risks: Concept and Significance for the Anti-Corruption Mechanism]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2.

5. Buzgalin, A.V. (2019) Gosudarstvo v ekonomike XXI v.: politiko-ekonomicheskaya interpretatsiya [State in the Economy of the 21st Century: Political and Economic Interpretation]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy teorii*. 3(86).

6. Polevanov, V. (2002) Neprikasaemyy Anatoliy Chubays – “magistr” Reformatsii, kotoroy ne bylo [Untouchable Anatoly Chubais – “a master” of the Reformation that did not exist]. *Zavtra*. 23rd April.

7. Golik, Yu.V. & Karasev, V.I. (2005) *Korrupsiya kak mekhanizm sotsial'noy degradatsii* [Corruption as a mechanism of social degradation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

8. Marx, K. (1955) Nishcheta filosofii [Poverty of Philosophy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. literat.

9. Russia. (2006) *Federal'nyy Zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ “O zashchite konkurentsii” s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 01.01.2022 goda (red. 57)* [Federal Law No. 135-FZ dated July 26, 2006, “On Protection of Competition”, as amended since January 1, 2022 (rev. 57)]. [Online] Available from: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-o-zashchite-konkurencii> (Accessed: 30th March 2022).

10. Engels, F. (1955) Armii Evropy. Russkaya armiya [Armies of Europe. Russian Army]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 11. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. literat.

11. Kolganov, A.I. (2019) Budushchee gosudarstva v ekonomike: rossiyskie diskussii i ikh mezhdunarodnyy kontekst [The future of the state in the economy: Russian discussions and their international context]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy teorii*. 3(86).

12. Farizova, S. (2008) *Dmitriy Medvedev obnaruzhil istoki korrupsii* [Dmitry Medvedev discovered the origins of corruption]. *Kommersant*. 27th February.

13. Rozanvallon, P. (2007) *Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka* [Utopian capitalism. The history of the idea of the market]. Translated from French by A. Zaytseva. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

Сведения об авторах:

Бондарев В.Г. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vicbondarev@mail.ru.

Стребков А.И. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.strebkov@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bondarev V.G. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Humanities and Social-Economic Disciplines Department of the Northwestern Branch of “The Russian State University of Justice” (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: bondarev@szfrgup.ru

Strebkov A.I. – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Conflictology Department of the St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.strebkov@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/68/19

КОГДА БУДУЩЕЕ ГРАНИЧИТ С УТОПИЕЙ: НАУКА В ПЕРСПЕКТИВЕ

Илья Теодорович Касавин

*Межрегиональная общественная организация «Российское общество истории
и философии науки», Москва, Россия,
itikasavin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1233-3182>*

Аннотация. Взаимоотношения внутреннего, когнитивно-методологического и внешнего, социально-институционального контуров науки отличаются неравномерной динамикой, рассогласованием фаз развития и порой существенными конфликтами. В рамках внутреннего контура данный диссонанс выступает, в частности, как различие задач и проблем. На уровне внешнего контура этому соответствует противостояние нормального научного сообщества и маргиналов-прекариев. Выдвигается гипотеза об источнике как ускорения, так и торможения научных исследований и принятия обществом их результатов. Он усматривается, с одной стороны, в когнитивной проблематизации наличного знания и, с другой стороны, в конкуренции института нормальной науки и его социальных альтернатив. Оба фактора способствуют научной креативности и ее внешнему проявлению – развитию свободного общества. Такую перспективу задает науке и обществу философская утопия знания-как-власти, которая под видом господства над умами провозглашается как стремление к свободе.

Ключевые слова: задача и проблема, нормальная наука, прекариат, миссия философии, свобода

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

Для цитирования: Касавин И.Т. Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200. doi: 10.17223/1998863X/68/19

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Original article

WHEN THE FUTURE BORDERS ON UTOPIA: SCIENCE IN PERSPECTIVE

Ilya T. Kasavin

*Inter-regional non-government organization Russian Society for History and Philosophy
of Science, Moscow, Russian Federation,
itikasavin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1233-3182>*

Abstract. The relationship between the internal, cognitive-methodological and external, socio-institutional contours of science is characterized by uneven dynamics, misalignment of developmental phases and sometimes significant conflicts. Within the internal contour, this dissonance acts, in particular, as a distinction between tasks and problems. At the level of the external contour, this corresponds to the confrontation between the normal scientific community and the marginal precaria. The article puts forward a hypothesis about the source of both acceleration and inhibition of scientific research and acceptance by society of their results. It is seen, on the one hand, in the cognitive problematization of existing knowledge. The problem, unlike the problem, embodies the projective-constructive dimension of knowledge; it is a way of setting a possible future, a manifestation of creative freedom. On the other hand, the dynamics of science is determined by the competition of the institute of normal science and its social alternatives. At the same time, normal science is interpreted not just as the solution of particular problems, “solving puzzles” (T. Kuhn). It includes the socio-institutional dimension: the “normal” distribution of roles and statuses in the scientific community; tenure's dominance over short-term projects and contracts, basic funding of universities and institutes before grants, scientific schools over temporary research groups. As a symbol of social alternatives to normal science is the scientific precariat. This is a group that is often identified with the marginalized, but in fact includes the social diversity of scientists who do not have tenure. In addition, in the vast majority of countries, scientists are forced to look for a part-time job in order to ensure a decent standard of living, which introduces them to the situation of precaria in the economic and sociological sense. At the same time, this contributes to the expansion of their horizons, ideological emancipation, mobility, readiness to solve both fundamental problems and applied problems, to be involved in the work of interdisciplinary research groups and social projects. Both the cognitive and social problematization of science contribute to scientific creativity and its external manifestation – the development of a free society. Such a perspective is initially given to science and society by the philosophical utopia of knowledge-as-power, which, under the guise of domination over minds, proclaims the desire for freedom.

Keywords: creativity, historical epistemology, social epistemology, science, cognitive dissonance

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

For citation: Kasavin, I.T. (2022) When the future borders on utopia: science in perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 193–200. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/19

Внутреннее и внешнее в науке: неравномерность развития

Управление наукой является драйвером согласования двух контуров – внутреннего, т.е. развития научных исследований, и внешнего, т.е. развития институциональной инфраструктуры. Эффективное управление состоит в том, чтобы обеспечить позитивную обратную связь в направлении от внешнего контура ко внутреннему. Например, выделение средств на оплату времени в центре коллективного пользования позволяет получить эмпирические данные, необходимые для подтверждения научной гипотезы, а подтвержденная гипотеза служит основой планирования новой заявки для финансирования времени в центре коллективного пользования. Другой пример: запрос из министерства в научно-исследовательский институт на формулировку нового направления исследований позволяет получить экспертное заключение, в свою очередь лежащее в основание одного из кластеров правительственной программы научно-технического развития. В обоих случаях имеется результат, которым может отчитаться представитель как внешнего, так и внутреннего контура науки: и управление состоялось, и эффект налицо.

Планирование и прогнозирование такого управления развитием науки относительно несложны. Это технические операции, основанные на экстраполяции прошлых результатов. Они приводят к успеху в случае практико-ориентированных и целеориентированных исследований, задачи которых отчетливо сформулированы, а спектр возможных решений ограничен заранее. Большая часть науки как раз и состоит из таких исследований, которые Т. Кун называл «разгадыванием головоломок» [1], а Б.С. Грязнов – решением задач [2].

Однако по гамбургскому счету динамика внутреннего контура науки ориентирована целью подчинения внешнему контуру лишь в случае недобросовестного поведения со стороны ученых, имитирующих научное исследование. Поиск нового истинного знания представляет собой форму реализации человеческой свободы. И даже если рутинные способы деятельности в науке являются неизбежными, им отводится служебная роль средства, которое теряет смысл, не будучи подчинено значимым целям – достижению истины, увеличению свободы, обеспечению общественного блага. Более того, внутренний контур науки выдвигает претензии по переориентации внешнего контура на данные цели. Ученые ожидают от научной инфраструктуры не простого воспроизводства, но опережающего развития, позволяющего ученым сосредоточиться на внутренних задачах и проблемах. Методологическое и институциональное измерения науки и направления их развития требуют существенной сопряженности и координации. Пусть динамика знания и динамика научного сообщества не могут буквально совпадать, но следует стремиться хотя бы к синхронизации их фазовых переходов. Сходную проблему П. Фейерабенд обозначал как «неравномерное развитие» (*uneven development*), а Дж. Дюпре, Н. Картрайт и П. Галисон – как рассогласованность (*disunity*) науки.

В частности, мне и моим коллегам уже приходилось критически высказываться о дисциплинарной структуре науки, представленной в научных классификаторах. Она выступает как подобие МРТ-снимка, который в морфологии и физиологии организма диагностирует его заболевания. Погружение классификаторов в контекст научной политики, системы материального и финансового обеспечения науки, количества нобелевских лауреатов и многочисленных индексов дает возможность судить о перспективах диагноза и возможностях лечения [3]. В российской науке образца 2018 г. нами был замечен ряд нормативных коллизий. Это касалось отсутствия согласованности между государственными документами типа «Основных направлений научно-технического развития», с одной стороны, и классификациями ВАК – с другой. Так, провозглашение необходимости развития био-, инфо- и когнитивных *технологий* не учитывало отсутствие в реестре ВАК соответствующих *научных дисциплин*, что исключало защиту диссертаций, дезориентировало научные журналы и самих авторов. Наконец, в 2021 г. произошел пересмотр специальностей ВАК, в результате чего когнитивным наукам был придан законный статус. Теперь остается всего лишь развернуть необходимые программы подготовки магистров и аспирантов и создать соответствующие диссертационные советы. Тогда мы сможем сказать, что в России, наконец, легально существуют когнитивные науки. Вероятно, исследования в этом направлении велись достаточно давно, но не получали формальной про-

писки в институте науки. В данном случае социальный институт тормозил свободу научного исследования, не позволяя дисциплине, признанной в мировой науке, называться своим именем и вынуждая ее существовать в рамках лингвистики, психологии, информатики или нейробиологии.

Проблема как территория свободы

Где же в науке располагается территория когнитивной свободы? Повидимому, там, где происходит постановка проблем, проблематизация наличного состояния знания. Когнитивные науки ставили такие проблемы перед другими дисциплинами, вынуждая к исследовательскому поиску. Как язык участвует в распознавании образов и концептуализации восприятий? Какие психические процессы соответствуют решению творческих задач? Что дает компьютерная метафора для понимания познавательной деятельности? Можно ли расшифровать мозговые коды, ответственные за формирование понятий? Тем самым когнитивные науки инспирировали междисциплинарное взаимодействие и одновременно доказывали свое право на особую предметную область, методы и проблематику.

Проблема, как отмечалось в моей статье «Проблема как форма знания» (2009), – это понятие, существенным образом характеризующее научное мышление. Известное различие проблем и задач сформулировано Б.С. Грязновым. Например, проблемой, которую решала квантовая теория М. Планка, был вопрос: прерывны или непрерывны энергетические процессы, происходящие в системах, совершающих гармонические колебания? Тогда проблемой оказывается вопрос, на который отвечает теория в целом: так возникло понятие кванта как порции электромагнитной энергии¹. Внутритеоретические вопросы Б.С. Грязнов предложил, напротив, называть «задачами»: их решением является одно или несколько утверждений теории. В таком случае проблема и задача отличаются друг от друга не содержанием вопросов, но характером ответов: решением проблемы будет теория в целом, решением задачи – некоторый фрагмент теории [2. С. 114].

Введенное Б.С. Грязновым различие предполагает, что проблема имеет внешнее происхождение по отношению к теории, которая является ее решением, в то время как решение задачи логически следует из той теории, в рамках которой задача сформулирована. Теоретический скачок, заостренно представленный в известном тезисе парадигмальной, или глобальной, теоретической «несоизмеримости» Т. Куна – П. Фейерабенда, характеризует именно постановку и решение проблем. «Разгадывание головоломок», составляющее, по Т. Куну, суть «нормальной науки», напротив, напоминает решение задач. При этом далее Б.С. Грязнов показывает, что *исторически* теории возникают вовсе не как решения проблем. Более того, наука вообще занимается решением не столько проблем, сколько задач, и потому история науки не может быть представлена как история проблем. В науке проблемы как таковые *формулируются* редко. Они могут *реконструироваться*, исходя

¹ Это верно лишь с той оговоркой, что сам М. Планк в работах начала XX в. [4] еще не ввел идею прерывности излучения, хотя выделил фундаментальную постоянную h и дал формальную схему того, что позднее предстало как квантово-теоретическое доказательство закона излучения черного тела. Физическая интерпретация новых математических схем, как это нередко бывало, появилась несколько позднее их изобретения.

из уже готового знания: «реконструкция проблемы – это способ понимания теории» [2. С. 118], понимания, приходящего вслед за знанием. В этом смысле мы говорим о том, что М. Планк первоначально сам не понимал свою роль в создании принципиально новой, неклассической физики в своих работах 1900 г. и даже ту проблему, которая инициировала создание квантовой механики. Именно Т. Кун как историк науки первым и высказал мысль о том, что М. Планк в ранних работах еще пытался интегрировать новые идеи в классическую физику.

Однако для понимания перспективы даже в рамках «нормальной науки» ученые нуждаются в представлении о важнейших нерешенных проблемах своей дисциплины. И потому долг сильнейших ученых состоит в том, чтобы проявлять научное мужество и не только решать задачи, но и ставить новые проблемы. В таком случае следует признать, вслед за Б.С. Грязновым, что научная проблема является результатом особого рода познавательной деятельности, но, в отличие от Б.С. Грязнова, я не считаю, что она исчерпывается историко-научной реконструкцией. Эта деятельность подобна общетеоретической и даже философской рефлексии. Выходя за пределы «нормальной науки» в область перспективных исследований, ученые формулируют и переформулируют проблемы. Среди них обнаруживаются такие, для которых пока не существует решения, или такие, решение которых (в конкретно-научном или практическом смысле) вообще невозможно. Часть из них могут оказаться философскими проблемами, которые непреходящи, но не неизменны. Д. Гильберт в том же 1900 г. сформулировал ряд ключевых проблем математики, часть из которых оказалась решаемыми задачами, другая – нерешаемыми задачами. Проблемы третьего типа требуют уточнения, и их решение зависит от интерпретации, в том числе исторической.

Такой масштабной и исторически нагруженной проблемой является, например, шестая проблема Д. Гильберта – возможность аксиоматизации физики. В некотором смысле она почти решена применительно к уровню развития физики того времени. Это касается успешной аксиоматизации теории вероятностей (основы статистической физики) и гидродинамики. Однако применительно к современной физике дело обстоит несколько иначе. Сегодня построена аксиоматика общей теории относительности, описывающей гравитационное взаимодействие, и квантовой механики со стандартной моделью, которая описывает три остальных взаимодействия. Поскольку же эти теории нельзя объединить в отсутствие квантовой теории гравитации, то в этом отношении шестая проблема Гильберта не решена и едва ли когда-нибудь получит исчерпывающее решение по причине постоянного развития физики.

Такие проблемы выполняют особую функцию по отношению к развитию научного знания и возникают не на пустом месте, а в случае серьезного затруднения доминирующей теории, ее столкновения с необъяснимыми эмпирическими данными. Эти проблемы имеют форму дополнительного допущения, опирающегося не на новые факты, но исключительно на «продуктивную способность воображения», как сказал бы И. Кант, т.е. на объяснение известного через неизвестное. П. Фейерабенд называл их гипотезами *ad hoc*, полагая, что они обеспечивают «пространство дыхания» (*breathing space*, термин, иногда неточно переводимый как «передышка»). Примечательно, что именно

в этом, по Фейерабенду, а не в «передышке», не в ретроспективном *объяснении* теоретического затруднения состоит позитивная функция гипотез *ad hoc*. Напротив, они определяют перспективу, «обозначают направление будущего исследования» [5. С. 6].

П. Рикёр утверждает, что «великий философ – это тот, кто открывает новый способ вопрошания» [6. С. 78]. Фактически соглашаясь с ним, В. Гейзенберг замечает, что ученого в философии «интересуют, прежде всего, постановки вопросов и только во вторую очередь ответы. Постановки вопросов кажутся ему весьма ценными, если они оказываются плодотворными в развитии человеческого мышления. Ответы же в большинстве случаев носят переходящий характер, они теряют в ходе времени свое значение благодаря расширению наших знаний о фактах» [7. С. 61]. Проблема – это вопрос, который расширяет, отодвигает вдаль когнитивный горизонт, обеспечивает панорамное видение и, тем самым, позволяет заглянуть – пробным, приблизительным, умозрительным путем – в будущее.

Контроверзы института науки

Вернемся теперь к внешнему контуру науки и поставим вопрос: если ли что-то такое в науке как социальном институте, что коррелировало бы с когнитивной проблематизацией? По-видимому, этому соответствует текущее изменение в социальной структуре науки, которое отличается рядом противоречий.

В XX в. сформировался конфликт между этической и экономической идеей общественного блага, который выступает как развилка между бытием науки как готового бизнеса и венчурного предприятия; как противоречие между призванием ученого и наукой как профессией; как контроверза государственного управления наукой и свободы научного исследования. Разрешимы ли эти дилеммы и, если да, то кто призван сыграть в этом ведущую роль?

Наука деградирует как чисто прикладное мероприятие, постепенно исчерпывающее ресурс идей и замещающее поиск истины прагматическими задачами. Последние, будучи ограничены экономическими и политическими условиями, не нуждаются в свободном творчестве, в «безумных идеях» (Н. Бор). В таком случае из науки уходят открытия и остаются лишь эволюционно накапливаемые изобретения, динамика которых постепенно отстает от общественных потребностей и ранее достигнутого уровня теоретического знания. Наука же должна формировать потребности в качестве рациональных и нравственных, т.е. одновременно ограничивающих и развивающих, а также поддерживать градус теоретической новизны. Задание образа потребного будущего, а также норм рискованной и ответственной деятельности для его достижения вменяет науке парадоксальное качество: она должна сама себе опережать. И потому ученому нужна внешняя позиция «неудобного интеллектуала», провокатора и критика, трикстера и насмешника, фантазера и «простеца», в полемике с которым ученый возвышается над собой. Философия всегда была способна обеспечить науку такими визави.

Однако стихийно возникающий научный прекариат [8] – новый тип ученого – является в ситуации постмодерна едва ли не главным оппонентом такого рода. В отличие от университетского преподавателя и сотрудника науч-

но-исследовательского института, он не привязан к одному месту работы с аффилиацией, фиксированной заработной платой и восьмичасовым табелем. Его мало заботят аттестация, конкурс, отпуск и больничный бюллетень. Научный прекарий – это своеобразный «ученый удачи», зарабатывающий тогда и столько, сколько получится при сохранении своей свободы. К его услугам грантовые научные коллективы, почасовое трудоустройство и части ставок в научно-образовательных учреждениях, международные программы аспирантуры и постдоков, стипендии международных фондов, репетиторство и публичные лекции. Прекарий расшатывает структуру «нормальной науки», давая пример девиантного поведения, аномальной свободы, вызывая недовольство и даже зависть своих коллег, карабкающихся по карьерной лестнице. Они убеждены, что наука делается в тиши лаборатории или кабинета, рефлексия должна быть свободна от жизненной суеты, а зарплата в целом не должна напрямую зависеть от результатов. Большинство ученых полагает, что «веселая наука», поп- или постнаука, которую, казалось бы, делает прекарий, грозит утратой квалифицированной экспертизы и кризисом доверия к ученым в целом.

Прекариат, впрочем, не является индивидуальным вывертом отдельных оригиналов. Он есть лишь симптом более глубоких трансформаций: фактического снижения общественного доверия к науке, которая, с одной стороны, якобы ответственна за негативные последствия научно-технического прогресса, но, с другой стороны, по-прежнему культивирует особый эпистемический статус, хотя в демократическом (в консюмеристском) обществе все традиции должны быть равны (равно продаваемыми).

Итоги

Предстоит, вероятно, понять, что лишь свободная наука открывает для всего общества путь к свободе. Первый научный прекарий – Диоген. Сегодня прекариат стихийно, вызываяще, опасно реализует то, что систематически, рационально и ответственно на протяжении многих веков делала философия. Именно она задает науке планку общественного блага: перспективное видение науки, ее будущее всегда граничат с утопией, в которой свободная наука одаряет знаниями и создает основу хорошего общества. Если вернуться к тому, с чего начиналась статья – к управлению наукой, то скажем так: управлять свободной наукой – как скакать на умном коне. Отдай ему поводья, и он все сделает сам.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1975.
2. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М. : Наука, 1982.
3. Соколова Т.Д. Computer science: особенности отечественного классифицирования // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2018. № 1. С. 31–35.
4. Planck M. Zur des Gesetzes der Energieverteilung im Normalspektrum // *Verhandlungen der Deutschen physikalischen Gesellschaft*. 1900. Bd. 2. S. 237–245.
5. Feyrabend P. Against Method. London : Verso, 1975.
6. Ricoeur P. Histoire et vérité. Paris : Seuil, 1955. 330 p.
7. Гейзенберг В. Открытие Планка и основные философские вопросы учения об атомах // *Вопросы философии*. 1958. № 11. С. 61.
8. Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2022. № 2.

References

1. Kuhn, T. (1975) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Translated from English. Moscow: Progress.
2. Gryaznov, B.S. (1982) *Logika. Ratsional'nost'. Tvorchestvo* [Logics. Rationality. Creation]. Moscow: Nauka.
3. Sokolova, T.D. (2018) Computer science: osobennosti otechestvennogo klassifitsirovaniya [Computer science: features of Russian classification]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 1. pp. 31–35.
4. Planck, M. (1900) Zur des Gesetzes der Energieverteilung im Normalspektrum. *Verhandlungen der Deutschen physikalischen Gesellschaft*. 2. pp. 237–245.
5. Feyerabend, P. (1975) *Against Method*. London: Verso.
6. Ricoeur, P. (1955) *Histoire et vérité*. Paris: Seuil.
7. Heisenberg, V. (1958) Otkrytie Planka i osnovnye filosofskie voprosy ucheniya ob atomakh [Planck's Discovery and Basic Philosophical Questions of the Doctrine of Atoms]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 61.
8. Kasavin, I.T. (2022) Nauchnoe tvorchestvo kak sotsial'nyy fenomen [Scientific creativity as a social phenomenon]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2.

Сведения об авторе:

Касавин И.Т. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник и руководитель сектора Института философии РАН (Москва, Россия); заведующий кафедрой философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Россия); президент Русского общества истории и философии науки (Москва, Россия). E-mail: itkasavin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kasavin I.T. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Correspondent Fellow of the Russian Academy of Sciences, principal investigator, Department Head, Institute of Philosophy of RAS (Moscow, Russian Federation); Head of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation); President-elect of Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: itkasavin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научная статья

УДК 1:001

doi: 10.17223/1998863X/68/20

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАУЧНОГО ПРОГРЕССА

Александр Юрьевич Антоновский

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, antonovski@iph.ras.ru*

Аннотация. Ускорение и прогресс науки связываются в обсуждаемой нами статье И.Т. Касавина с двумя факторами: внутренним и внешним (с когнитивной проблематизацией наличного знания и конкуренцией «института нормальной науки и его социальных альтернатив»). При этом каждый из них интерпретируется как условие креативности и социальных свобод. Соглашаясь с общим пафосом, предпринята попытка обосновать в чем-то похожий взгляд, базируясь при этом на эволюционно-теоретических посылах.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, эволюционная теория, научный прогресс, эволюционные механизмы

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» (продление).

Для цитирования: Антоновский А.Ю. Эволюционные механизмы научного прогресса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 201–209. doi: 10.17223/1998863X/68/20

Original article

EVOLUTIONARY MECHANISMS OF SCIENTIFIC PROGRESS

Alexander Yu. Antonovskiy

*Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy
of Science”, Moscow, Russian Federation, antonovski@iph.ras.ru*

Abstract. The acceleration and progress of science is connected in the article we are discussing by I.T. Kasavin with two factors: internal and external (with the cognitive problematization of available knowledge and the competition of the “institute of normal science and its social alternatives”). Moreover, each of them is interpreted as a condition for creativity and social freedoms. The article substantiates a somewhat similar view on an evolutionary-theoretical foundation. The development and progress of science is understood as one of the manifestations of social evolution, which is carried out in accordance with universal evolutionary mechanisms – (1) variability or variability, (2) environmental selection, (3) consolidation of new properties at some encompassing level. This allows you to look at science from the outside, from the perspective of an external observer who compares the progress in science and neighboring communities (in politics, economy, art, religion, where similar evolutionary mechanisms function). From an internal perspective, it is difficult to choose between vastly different understandings of scientific progress. Today, three main points of view on scientific progress are being debated: a problem-oriented approach in the style of Thomas Kuhn; the semantic understanding of progress as an approximation to the truth (verisimilitude) in the sense of Karl Popper and the epistemic interpretation of scientific development as the accumulation of ever new knowledge. However, none of these understandings conceptualize scientific progress as part of a

universal social process, as a natural process of evolution. The mechanism of variability implies the formation of a pool of an excessive variety of scientific proposals (hypotheses, concepts, approaches, descriptions, explanations), which one way or another results in the appropriate communication formats or messages: in the form of preprints, conference abstracts, reports at scientific seminars, grant applications, etc. d. The question of their truth at this stage of the development of science has not yet been fully raised. And of course, only a little of this redundant supply will “get” to the second mechanism for filtering this diversity, namely, to the environmental selection of the most successful scientific messages for their truth or falsity. In science, this mechanism of diversity reduction is represented by the procedures of criticism, review, examination, verification experiments in other laboratories, etc.

Keywords: system-communicative theory, evolutionary theory, scientific progress, evolutionary mechanisms

Acknowledgments: the study is supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494.

For citation: Antonovskiy, A.Yu. (2022) Evolutionary mechanisms of scientific progress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 201–209. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/20

Мы формулируем наш ответный тезис [1] в соответствии с системно-коммуникативным подходом [2. С. 2017] в рамках общей теории эволюции [3. С. 1960]. В этом смысле развитие и прогресс науки можно было бы понимать как одно из проявлений социальной эволюции, которое осуществляется в соответствии с универсальными эволюционными механизмами – (1) *изменчивости или вариативности*, (2) *средового отбора*, (3) *закрепления новых свойств на некотором охватывающем уровне*¹. Этот подход позволяет посмотреть на науку *извне*, из перспективы внешнего наблюдателя, сравнивающего прогресс в науке и сопредельных сообществах (в политике, хозяйстве, искусстве, религии, где функционируют аналогичные эволюционные механизмы). Кроме того из *внутренней* перспективы сложно выбирать между *существенно различающимися* пониманиями научного прогресса. Так, принято считать [4. С. 2007], что сегодня полемизируют три основных точки зрения на научный прогресс: проблемно ориентированный подход в стиле Томаса Куна, семантическое понимание прогресса как приближения к истине (verisimilitude) в смысле Карла Поппера и эпистемическая трактовка научного развития как аккумуляции все новых знаний. Однако ни одно из этих пониманий не концептуализирует научный прогресс как часть универсального социального процесса, как *естественный* процесс эволюции.

Механизм изменчивости подразумевает формирование пула *избыточного многообразия* научных предложений (гипотез, концептов, подходов, описаний, объяснений), которое так или иначе результирует в соответствующих коммуникационных форматах или сообщениях: в виде препринтов, тезисов конференций, сообщений на научных семинарах, грантовых заявок и т.д. Вопрос их истинности на этой стадии развития науки в полной мере еще не ставится. И, безусловно, лишь небольшое из этого *избыточного* предложения «доберется» до второго механизма фильтрации данного многообразия, а именно – до *средового отбора* наиболее удачных научных сообщений *на*

¹ Применительно к эволюции жизни речь идет о стабилизации новых свойств в генотипе на уровне популяции, применительно к социальной эволюции – о стабилизации новообразований в рамках отидифференцирующихся коммуникативных систем.

предмет их истинности или ложности. В науке этот механизм редукции многообразия представлен процедурами критики, рецензирования, экспертизы, проверочных экспериментов в других лабораториях и т.д.

Здесь мы имеем дело с механизмом распределения *истинностных* значений, где каждое научное предложение, достигшее средового фильтра (что уже считается успехом, ведь заявка не была отклонена на предыдущей стадии как несоответствующая (1) теме или формату, (2) требованиям к автору или (3) как неактуальная¹), рассматривается в компаративистской перспективе. Конечно, истинность как индекс для части отобранных научных сообщений сама по себе достаточно бессодержательна. Она лишь маркирует (символизирует и обобщает) те научные предложения, которые прошли отбор на основании средовых условий или критериев, главным образом, актуальных *теорий* и *методов*. Истинность – это индекс, который приписывается этим сообщениям и маркирует подвижную границу между относительно свободным теоретизированием и методологическими ограничениями, включая методы проверки этой теории.

Но и преодолевшее этот фильтр (распределения по истинным и ложным значениям) истинное знание (в форме научной статьи, одобренной рецензентами для публикации) не гарантирует его утверждения и вхождения в парадигму или исследовательскую программу, т.е. в корпус общепризнанного, стабильного знания, способного уже и самому служить теоретическим и методологическим обоснованием, фильтром для отбора новых истинных научных предложений. Ведь не всякая удачная «мутация» или полезное новообразование (с точки зрения общей теории эволюции), будучи отобранными, с необходимостью закрепляются в популяции, но чаще всего «растворяются» в генотипе. Именно на этой *третьей* эволюционной стадии формируются стабильные порядки – системы, популяции (или научные парадигмы или школы; статьи из журналов попадают в учебники и хрестоматию, а ученые – в национальные академии наук).

Прогресс теории и коммуникативная ситуация

Важнейшим условием развития науки, с этой точки зрения, оказывается альтернативность, избыточность и вариативность притязаний на научный успех. Карл Поппер в его идее «приближения к истине» как меры прогресса требование альтернативности «научных притязаний» не учитывал. Между тем, по Куну [4. С. 1975], аномалия лишь тогда создает кризис и выступает фальсификатором, если возникает *альтернативная* парадигма (= альтернативный «запрос на контакт» в нашей коммуникативной терминологии), которая ее объясняет. Например, «неуловимость» гравитационных волн не признавалась аномалией и не вела к кризису в науке, поскольку не возникало влиятельной альтернативной теории, которая бы их категорически исключала. Научный кризис в этом смысле не сильно отличается от политического и предполагает столкновение и согласование (научных) интересов как минимум двух конкурирующих сторон.

¹ В этом смысле научное сообщение (как и любой другой запрос на контакт), чтобы быть акцептированным или отклоненным, должно получить значение и определенность в смысловых измерениях – предметно-тематическом, социальном, временном (отвечать или не отвечать предмету, о котором идет речь, разделяться или не разделяться сообществом, быть актуальным или неактуальным).

Как оценить успех или не успех притязания теории на успех?

Стандарты оценки хорошей теории, как известно, устанавливаются внутри самой парадигмы. Так, с точки зрения декартовской механики ее способность объяснить гравитацию *механически* (а именно с помощью «вихревой теории») как раз и полагалась наилучшим критерием оценки этой теории. Внутренний критерий оценки ньютоновской концепции состоял в *предсказательной точности* (движения планет и т.д.), хотя механизмы, объясняющие гравитацию, не назывались и даже запрещались к тематизации (*hypotheses non fingo*). Никаких *общих или метакритериев* для оценки успешности конкурирующих теорий не формулировалось.

Но не получается ли в этом случае так, что научная коммуникация (характер дискурса, научная критика и научная рациональность) по крайней мере в этом контексте существенно не отличается от политической или ценностно-идеологической? Ведь и в политике нет *общей меры*, внешнего или объективного критерия для обоснования тех или иных политических позиций или ценностей – коммунитаризма или индивидуализма, либерализма или консерватизма. Политические программы апеллируют к тем или иным (*внутренним* для этой программы) ценностям. А ценности определяются тем, что к ним привержены массы (т.е. сторонники этой программы). Ценности как критерий оценки меняющих друг друга политических программ (либеральных, консервативных, правых или левых) есть внутреннее дело той или иной политической силы. И поэтому трудно говорить о какой-то новой «лучшей» политической системе взглядов, достойной того, чтобы заменить собой устаревшую. Самоценным может полагаться лишь сама альтернативность (и избыточность) политических программ, обеспечивающих общую динамику, сменяемость и, как следствие, адаптивность политической системы *в целом* к тем или иным внутренним и внешним средовым условиям.

Но ведь и в науке ведущие теории, парадигмы или исследовательские программы (по крайней мере, в куновской и лакатосовской версиях) не предполагают внешнего наблюдателя или третьей стороны. Но если это так, то и научное сообщество в своем притязании на лучшее объяснение явлений внешнего мира (как и в своем притязании на конструирование «лучшего социального мироустройства») мало чем отличается от других круговых или самореферентных притязаний: ценностных, политических, религиозных. Но являются ли учеными такими же узколобыми догматиками, не учитывающие внешнюю наблюдательную перспективу, критерии успешности научных теорий, утверждаемые с позиции в том числе и конкурирующей парадигмы? Нет ли здесь вызова самому понятию как научного (и общесоциального прогресса)? Ведь если и политические ценности (коллективизма, индивидуализма) как критерии оценки политических программ и критерии оценки научных теорий являются (само)обосновываются исключительно изнутри, то какой смысл в смене одних, предположительно худших, другими, предположительно лучшими?

Есть ли общезначимый критерий научного прогресса?

Попытки найти общезначимый критерий научного прогресса в той или иной мере предпринимались регулярно. Согласно Т. Куну, таковым стандартом является объективно-исчисляемая количественная мера прогресса – воз-

растающее число разрешаемых новой парадигмой головоломок. Но и это решение столкнулось с трудностью, так называемой куновской утратой (kuhnian loss). Так, то, что раньше считалось проблемой и по-разному разрешалось в соперничающих теориях, на следующих стадиях развития науки просто теряло смысл¹.

Конечно, можно было обратиться к *самим объектам* научных описаний как критериям лучших теорий, из которых проистекали бы наблюдаемые следствия, «лучше» соответствующие эмпирической реальности. Однако «семантическая несоизмеримость» Т. Куна требовала отказаться от предположений о тождестве или единстве референтов у мнимо тождественных понятий в рамках конкурирующих парадигм. Масса в теории Ньютона и масса в релятивистской теории имеют разные смыслы, но это значит, что за ними стоят и разные референты, а не какая-то в себе единая масса, получающая разные интерпретации. Отсюда печальный вывод о том, что научная дискуссия, критика, апеллирующая к объекту и объективности, не выполняет свою роль, поскольку предполагает сравнение (описаний, пропозиций) на предмет их «лучшему соответствию» некому *в себе единому референту*, которому-то и не существует ни в чьей наблюдательной перспективе.

Имре Лакатос предложил решение проблемы прогресса, связав с последним те «хорошие» теории, которые осуществляют прогрессивный, а не дегенерирующий «проблемный сдвиг». Научная рациональность (в аспекте выбора лучшей теории на смену старой) предстает в этом случае в виде модернизации «защитного пояса» и защиты «жесткого ядра». Но ведь такого рода сдвиги получают свою конечную определенность (как прогрессивные или дегенеративные) лишь спустя годы, а то и десятилетия. Классическим примером здесь является «программа Праута» (ориентировавшая на то, что атомные веса всех чистых элементов являются целыми числами, и все они состоят из атомов водорода²), которая переживала «дегенеративный сдвиг» и лишь спустя десятилетия была признана верной. Научная рациональность требовала бы в этом случае отклонения программы Праута.

Но разве не рационально пойти на риск и выбрать менее обоснованную на данный момент теорию, играя в долгую? Конечно, риски (непонимания со стороны научного сообщества, результирующие в отклонениях публикаций) в этом случае оказываются большими, но и ставки, и, как следствие, научные бенефиты (звания, репутации) в случае конечного успеха в этой игре существенно повышаются. И победившая программа Праута в конечном счете это и доказала. Однако если (как в игре с нулевой суммой) обе противоречащие стратегии оказываются равно рациональными, то и само понятие рациональности, основанное на различении *прогрессивного/дегенеративного* сдвигов, утрачивает смысл и не ориентирует в выборе теорий.

Впрочем, и другая лакатосовская дистинкция (*жесткого ядра / защитного пояса*), отвечающая за ориентацию на прогресс, оказалась под ударом.

¹ Например, декартовская теория вихрей (успешно объясняющая гравитацию и характер движения планет примерно в одной плоскости и одном направлении) исчезла вместе с проблемами, которые она решала. Так же потеряли смысл и все «решения проблем», касающихся материала, из которого состоят «хрустальные сферы» Аристотеля, на которых размещены звезды и планеты.

² Программу Праута не принимали, так как теория, как казалось, не получала эмпирического подтверждения, поскольку в экспериментах «взвешивались» не чистые элементы, а смеси их изотопов.

Рационально ли сохранять «жесткое ядро», если в каждый данный момент (когда осуществляется рациональный выбор между теориями) само ядро не может быть жестко отграничено от защитного пояса? Например, в «жесткое ядро» дарвинизма входило представление о естественности и однонаправленности процесса наследования и отбора, которое сегодня уже не разделяют¹.

А значит, возникает все та же временная проблема рациональности: границы состав элементов подлинного «ядра» станут известны лишь в будущем. Что же делать рационально мыслящему исследователю *сегодня*: трансформировать ядро или варьировать защитный пояс? Рациональный выбор в пользу сохранения ядра и трансформации защитного пояса в этих условиях невозможен: если (и когда) струнная теория в физике частиц заменит стандартную модель, то жесткое ядро, очевидно, трансформируется и включит в себя новые элементы. Но как это рационально ориентирует *актуальную* научную коммуникацию?

Эволюционная теория как решение проблемы научного прогресса

Вышеприведенные соображения возвращают нас к заявленной проблеме научного развития: возможно ли (и если да, то как именно) измерить научный прогресс объективно и независимо от довлеющих парадигм, задающих внутренние критерии оценки научного прогресса? С нашей точки зрения, подходы к решению нужно искать в общей теории эволюции, как объяснительной схеме развития жизни, социума и науки. Этот подход, опираясь на современную литературу, мы подробно обосновали раньше [6. С. 2021], поэтому здесь позволим себе сконцентрироваться на первых попытках «эволюционного объединения» научного и социального прогресса.

«Anything goes» – ключевая идея Фейейрабенда [7. С. 1975], которая в нашем контексте (вышеперечисленных трех пониманий научного прогресса) означала бы равную релевантность проблемной, семантической и эпистемической его интерпретации. Каждая хороша, если она совместима с пролиферацией тех новых идей. С эволюционной точки зрения эта идея лишь отсылает к требованию разнообразить возможности научной коммуникации *на стадии варьирования*. Редуцировать домен вариаций (прилагать к нему строгие требования и фильтры актуальных теорий и методологий) было бы контрпродуктивно.

Однако сегодня мы видим несколько иные тенденции. Национальные регуляторы науки гипертрофируют значение *истинностного отбора научного знания*. Публикационный прессинг и ожидания потоков журнальных статей (как критерий национального престижа) деформируют *исследовательское время* в пользу именно второго механизма эволюционного средового отбора (журнальные публикации) в ущерб механизмам вариативности (непубликационная научная работа) и механизмам стабилизации научного знания (монографическая форма представления научного знания).

¹ Говоря упрощенно, с этой точки зрения, динозавры должны были эволюционировать в направлении усложнения и лучшей адаптации, пока бы из них не образовались разумные существа. Сегодня же так не считают. Большие катастрофы (метеориты, ледниковые периоды) меняют направления эволюции. Нет лучше или хуже приспособленных форм жизни. Упрощение и усложнение равно успешные стратегии, если они выполняют задачу адаптации.

При этом «пролиферация идей» и формирование «пула вариативности» утрачивают значение самоценного и независимого эволюционного механизма. Выбирать приходится *сразу* и лишь то, что в ближайшей перспективе может быть акцептировано желательным первоквартильным изданием. Ученому не хватает времени ни на свободную (т.е. независимую от воследующей публикации) рефлексию альтернатив, ни на подготовку итоговых обобщающих трудов, призванных компилировать актуальные достижения в формате монографий. Даже требования к дипломным и курсовым работам, которые могли бы представлять в формате эссе и служить для тренировки креативности и научного воображения, формализируются и формулируются в виде строжайших критериев «истинностного отбора». От аспиранта требуют не креативности, а научного открытия или как минимум исчерпывающего раскрытия соответствующей «темы», которая хорошо известна оценивающим инстанциям и служит фильтром истинностного отбора. Но именно это *сужение домена вариаций* (которое должно осуществляться лишь на уровне селекции) ослабляет конкуренцию, т.е. создают тепличные условия для научной теории, которая снова и снова воспроизводится и акцептируется в научных предложениях (понимаемых нами в коммуникативном смысле как «запросы на контакт»). По сути, конкурируют за акцептацию одинаковые варианты актуальных теорий, не способные «мутировать» и предлагать себя в новых нетривиальных форматах.

Требования *разведения* эволюционных механизмов «варьирования» (= изменчивости, креативности, избыточности коммуникативных предложений науки), с одной стороны, и механизмов средового отбора (= акцептации предложений, содержащих доказанное, обоснованное, проверенное истинное знание) – с другой, ставят под вопрос и фундаментальную куновскую дистинкцию нормальной (неконкурентной) и революционной (конкурентной) науки. В этом смысле кажется плодотворным (и хорошо совместимым с общей эволюционной теорией) требование Фейерабенда радикализации конкуренции и права допуска в научную коммуникацию разного рода «паранаучных» предложений, включая сюда притязания (если не на истинность, то, по меньшей мере, на участие в формировании пула вариативности) ненаучных и вненаучных традиций. В этом эволюционном смысле строгие научные предложения только выиграют, выйдя из «зоны комфорта» и закалившись в конкуренции и полемике с ненаучными традициями.

Проиллюстрируем этот подход на классическом примере. Галилеевская теория была более молодой и новой, хотя, как убедительно показал Фейерабенд, и не отвечала актуальным требованиям научной рациональности и научного метода. Но ее новизна давала преимущество во временном измерении научной коммуникации и этим рекрутировала адептов. Она не отвечала «условиям игры», но это и было ее конкурентным преимуществом; представляла собой «нетривиальный ход» безотносительно своей истинности и именно этой новизной адаптировалась к среде, как молодой претендент (на должность или в качестве партнера) оказывается более востребованным и адаптивным. Новизна как индекс теории во временном измерении научной коммуникации имеет ключевое значение, поскольку как раз и обеспечивает искомую альтернативность научных предложений в смысле Фейерабенда (или «избыточность» системно-коммуникативном смысле)!

Это действительно сближает науку как целостную систему с политикой, экономикой или спортом в том смысле, что избыточность или альтернативность наносят непоправимую пользу коммуникативным системам *в целом* – уже на третьем, глобально-популяционном уровне эволюции (в рамках механизма закрепления новообразований). Партия, фирма, научная теория могут быть более или менее успешными в рамках соответствующих форм социальности, более или менее адаптивными к потребностям электората или актуальным научным вызовам, но именно эффективное функционирование охватывающего целого (политической системы, научной системы, системы хозяйство и т.д.) зависит от означенных факторов *максимизации альтернативности и конкуренции на соответствующих рынках*: политических программ, продуктов и услуг, как и на специфических рынках научных публикаций, компетенций, научных школ, научных лабораторий и научных институтов и т.д. Адаптируется в этом случае не теория, не политическая партия, а наука или политика в целом.

Аргумент Фейерабенда состоял в том, что теория Галлилея победила (в нашей терминологии – прошла фильтр средового отбора) несмотря на его игнорирование требований научного метода и вопреки всем аномалиям, которые она не могла объяснить. И хотя, строго говоря, нельзя говорить о победе теории Галилея при жизни самого ученого, она сохранилась в «генотипе», получила статус аллеля – возможной альтернативы, варианта, который – в этом качестве – прошел отбор и стал ждать своего часа, чтобы стабилизироваться как надежное и достоверное знание.

Список источников

1. Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2022. № 2.
2. Campbell D. Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes // *Psychological Review*. 1960. Vol. 67, № 6. P. 380–400. DOI: 10.1037/h0040373
3. Луман Н. Эволюция науки // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2017. Т. 51, № 1. С. 215–233.
4. Bird A. What Is Scientific Progress? // *Nous*. 2007. Vol. 41, № 1. P. 64–89. DOI: 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x
5. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1975.
6. Antonovskiy A.Yu., Barash R. Ed. (2021) The Evolutionary Dimension of Scientific Progress, *Social Epistemology*. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000662
7. Feyerabend P. *Against Method*. London : Verso, 1975.

References

1. Kasavin, I.T. (2022) Nauchnoe tvorchestvo kak sotsial'nyy fenomen [Scientific creativity as a social phenomenon]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2.
2. Campbell, D. (1960) Blind Variation and Selective Retention in Creative Thought as in Other Knowledge Processes. *Psychological Review*. 67(6). pp. 380–400. DOI: 10.1037/h0040373
3. Luhmann, N. (2017) Evolution of science. *Epistemology and Philosophy of Science*. 52(2). pp. 215–233. (In Russian).
4. Bird, A. (2007) What Is Scientific Progress? *Nous*. 41(1). pp. 64–89. DOI: 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x
5. Kuhn, T. (1975) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Antonovskiy, A.Yu. & Barash, R. (eds) (2021) The Evolutionary Dimension of Scientific Progress. *Social Epistemology*. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000662
7. Feyerabend, P. (1975) *Against Method*. London: Verso.

Сведения об авторе:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antonovskiy A.Yu. – Doctor of Philosophical Sciences, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 1:001

doi: 10.17223/1998863X/68/21

ГУМАНИЗМ В ЛАБОРАТОРИИ: ВЗГЛЯД ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Евгений Валерьевич Масланов¹, Татьяна Дмитриевна Соколова²

^{1,2} *Русское общество истории и философии науки, Москва, Россия,*

¹ *evgenmas@rambler.ru*

² *sokolovatd@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются отдельные факторы функционирования науки и научного познания на их внутреннем и внешнем контурах. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем тезис, что наука обладает специфической социальностью, которая базируется на (1) определенном типе гуманизма, распространенного в среде исследователей, и (2) локализованном в особом пространстве – пространстве научно-исследовательской лаборатории. В период формирования современной науки именно эти два фактора сформировали науку, во-первых, как систему ценностей, основным назначением которой был и остается поиск истины, а во-вторых, как социальную структуру, организация которой должна удовлетворять искомому идеалу. Трансформация этих базовых факторов функционирования науки в современном мире приводит не только появлению новых акторов в научном пространстве, но и к необходимости пересмотра ставших классическими форм функционирования и взаимодействия научного сообщества как внутри себя, так и с внеаучными институтами.

Ключевые слова: философия науки, наука, гуманизм, лаборатория, научный этос, организация науки

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» (продление).

Для цитирования: Масланов Е.В., Соколова Т.Д. Гуманизм в лаборатории: взгляд из настоящего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 210–217. doi: 10.17223/1998863X/68/21

Original article

HUMANISM IN THE LAB: A VIEW FROM THE PRESENT

Evgeniy V. Maslanov¹, Tatiana D. Sokolova²

^{1,2} *Russian Society for the History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation*

¹ *evgenmas@rambler.ru*

² *sokolovatd@gmail.com*

Abstract. The article deals with individual factors of the functioning of science and scientific knowledge on their internal and external contours. As a working hypothesis, we put forward the thesis that science has a specific sociality, which is based on (1) a certain type of humanism common among researchers, and (2) localized in a special space – the space of a research laboratory. During the formation of modern science, it was these two factors that shaped science, firstly, as a system of values, the main purpose of which was and remains the search for truth, and secondly, as a social structure, the organization of which must satisfy

the desired ideal. The transformation of these basic factors of the functioning of science in the modern world leads not only to the emergence of new actors in the scientific space, but also to the need to revise the classic forms of functioning and interaction of the scientific community both within itself and with non-scientific institutions. A scientific laboratory is one of the meeting places and intersections of the external and internal contours of science. Scientific research takes place in it, but it also forms the infrastructure necessary for the society to use their results. On the one hand, it spreads scientific values beyond scientific institutions, and on the other hand, it reassembles scientific practices so that they can either exist outside the walls of laboratories. Therefore, both for the social and cognitive contexts of the consideration of science, the laboratory has a special status. It not only forms the values and image of the scientist inside and outside the scientific community, but also becomes a key element in the social structure of the production and dissemination of knowledge. In modern conditions, the laboratory has another specific feature. It can no longer be viewed simply as a specific location. Rather, we can talk about its distributed nature. It includes various departments responsible for the creation of equipment or software associated with interaction with scientific and non-scientific actors. It breaks up into many connections and relationships that require the efforts of its participants to maintain. As a result, the distributed nature of the laboratory allows maintaining in the social system a set of values associated with openness to new things and the ability to introduce scientific achievements into social life.

Keywords: philosophy of science, science, humanism, laboratory, scientific ethos, organization of science

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494.

For citation: Maslanov, E.V., Sokolova, T.D. (2022) Humanism in the lab: a view from the present. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 210–217. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/21

В статье «Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе» Илья Теодорович Касавин поднимает важные вопросы, связанные с управлением наукой и научными исследованиями. Он отмечает, что это они представляют собой не только сложный когнитивный, но и социальный феномен, в котором можно выделить внутренний и внешний контуры. Внутренний контур ориентирован на саморазвитие научной деятельности, т.е. непосредственно познавательного процесса, нацеленного на исследование мира и его разумное преобразование, а также создание необходимых условий для успешной реализации этих целей. Внешний же контур связан с взаимодействием науки с вненаучными акторами – экономическими, политическими и другими общественными подсистемами. Оба эти контура не могут существовать независимо друг от друга, а потому постоянно находятся во взаимодействии, а иногда и в конфронтации друг с другом.

Результаты научных исследований становятся известны не только коллегам, но и различным общественным группам, экономическим или политическим агентам, в них заинтересованным и способным оказать финансовую или иную помощь ученым в их работе. При этом эффективное управление наукой, по мнению И.Т. Касавина, состоит в том, чтобы обеспечить позитивную обратную связь в направлении от внешнего контура ко внутреннему [1. С. 193–200]. Достигнуть этой цели можно, как подчинив внутренний контур внешнему, так и предоставив определенную свободу внутреннему контуру науки. Во втором случае возможно формирование «территории когнитивной свободы», которая может позволить сформироваться новым исследователь-

ским направлениям. Именно там происходит обнаружение новых проблем и постановка важных задач. Но где же институционально может располагаться подобное пространство? Как в нем происходит пересечение внешнего и внутреннего контуров и как возможно взаимодействие между ними? Ведь на первый взгляд они направлены на решение глубоко различных задач. И.Т. Касавин в статье не дает ответа на этот вопрос, мы же попытаемся определить возможное институциональное расположение этой «свободной территории» и понять, как эта свобода там появилась.

Научная лаборатория – одно из мест встречи и пересечения внешнего и внутреннего контуров науки. «Лаборатория, – писал Б.Г. Юдин, – будучи ядром внешнего контура, связана с остальными его составляющими (блоками)» [2. С. 22]. В ней происходят научные исследования, но в ней же и формируется инфраструктура, необходимая для использования обществом их результатов. С одной стороны, она распространяет научные ценности за пределы научных институций, а с другой – заново собирает научные практики так, чтобы они либо могли существовать за стенами лабораторий. Поэтому и для социального, и для когнитивного контекстов рассмотрения науки лаборатория обладает особым статусом. Она не только формирует ценности и образ ученого внутри и вне научного сообщества, но и становится ключевым элементом в социальной структуре производства и распространения знаний.

С самого зарождения науки новоевропейского типа ее проект был основан на вере в силу человеческого разума, его способности исследовать и изменять мир. Для его авторов человек, созданный по образу и подобию Бога и прошедший через эпоху Средних веков, оказался способен постигать Бога не только через Писание, но и изучая книгу Природы, написанную на языке математики. Это позволяло как формировать новые идеи, так и изобретать новые технические объекты, в том числе именно такие, которые требовались для научных исследований. Ученый без них не смог бы задавать природе вопросы и получать на них ответы, т.е. совершать новые научные открытия. Поэтому создание нового оборудования и работа с ним больше не должны были рассматриваться как практика, недостойная свободного человека. Но эта работа требовала особых пространств, которые и стали прообразом научных лабораторий. В них не только создавались технические усовершенствования, но и проводились опыты, которые подсказывали путь дальнейших изменений. Подобно Богу – творцу мира человека, человек стал творцом мира технических объектов. Сила человеческого разума стала способна преобразить мир по собственным лекалам, что, конечно же, требовало утверждения особой роли личности человека.

Именно поэтому наука может рассматриваться как гуманистический проект, связанный с утверждением мощи человеческой личности. Частично он выступает продолжением гуманистического проекта Ренессанса. Титаны эпохи Возрождения видели себя властителями и художниками природы, но идеал новой науки предполагал, что человек «стал всего только ее ничтожным рабом... Другими словами, если возрожденческий человек умилялся перед красотами природы, то перед бесконечной холодной и пустой Вселенной он мог испытывать только чувство ужаса» [3. С. 546]. Правда, можно не во всем согласиться с А.Ф. Лосевым, человек стал не просто «рабом» природы, но за счет наблюдения и эксперимента решил взять ее под свой контроль.

Да и этот «ужас» перед бесконечной Вселенной был поставлен под контроль разума. Гуманизм науки стал заключать в возвеличивании разума человека, который мог позволить преодолеть изолированность человеческого субъекта. «С одной стороны, Ренессанс и его эстетика полны чувства мощи и бесконечных возможностей стихийно самоутвержденного человеческого субъекта, — утверждает А.Ф. Лосев. — С другой же стороны, изолированный и самообоснованный человеческий субъект — и это весьма естественно — не мог взять на себя какие-то общемировые и божественные функции» [3. С. 612]. Гуманизм же науки, за счет уверенности в способности познавать мир, как раз и позволял во благо человечества взять эти функции на себя. Но именно поэтому он требовал и особого взаимодействия с миром и другими людьми.

В то же время гуманизм в науке можно рассматривать не только в качестве некоей принципиальной идеи, своего рода горизонта стремлений всех добросовестных исследователей, но и как часть ежедневного социального опыта, разделяемого и формируемого всеми вовлеченными в научные исследования акторами. Французский философ науки XX в. Гастон Башляр, определяя науку как «город ученых», пишет о своеобразном «интергуманизме» научного сообщества, который представляет собой «взаимный обмен научными знаниями и человеческим опытом» [4. С. 44]. Именно через него наука воспроизводит себя в качестве особого типа человеческой деятельности, и именно поэтому «необходимо создать хорошо организованный город ученых, тогда созданные в нем материалы также будут хорошего качества» [5. С. 266].

Таким образом, социальная организация исследовательских практик играет если и не первостепенную, то одну из ведущих ролей для реализации целей внутреннего контура науки — поиска новых знаний. В то же время любая координация и организация людей с необходимостью влекут за собой ограничение свободы входящих в нее акторов: «...взаимопереплетение исследовательских интересов, составляющее ткань интергуманизма, может быть подчас столь тесным, что даже может стеснять действия отдельных специалистов» [4. С. 344]. Действительно, научное познание на определенном этапе своего развития перестало быть делом одиночек и потребовало создания особого типа социальных институтов для получения, накопления, систематизации и передачи научных знаний, т.е. процессов, в которые так или иначе вовлечен каждый ученый. Разнонаправленность научных интересов каждого из многочисленных членов многочисленных научных сообществ требует (как и в «обычном» обществе) более или менее четко артикулированных правил их выражения и согласования. В первую очередь это заключается в необходимости выбора научной специализации, которая хотя и ограничивает свободу научных интересов отдельного ученого, положительно влияет на развитие выбранной им научной дисциплины: «Ученые объединяются в сообщество („город ученых“) не только для того, чтобы познавать, но и для того, чтобы специализироваться, чтобы пройти путь от четко поставленных проблем к неординарным решениям». [5. С. 200]. Требование научной специализации, появившееся еще в первой половине XIX в. в связи с прогрессирующим усложнением научных дисциплин и появлением все большего количества новых знаний и областей знания, на сегодняшний день является одним из фундаментальных структурных оснований научной деятельности как в ее внутреннем, так и внешнем контурах. Базовый гуманизм

ученых в этом отношении является той социальной основой, которая гарантирует возможность такого типа специализации.

Гуманистический идеал науки, как мы уже отмечали, требовал не только изучить мир, но и преобразить его, не только восторгаться им, но и изменять его. Лаборатория стала местом зарождения и распространения этого идеала, который как раз и требовал свободы творчества, о которой в своей статье пишет И.Т. Касавин, и при этом выступал и пространством формирования внешнего контура науки. Ее развитие предполагало разрушение образа кабинетного ученого лишь при помощи собственного ума, постигающего мир. Новый ученый противостоял как философу Античности, так и теологу Средних веков, которые лишь при помощи разума или веры могли обнаружить истины мироздания. Исследователь нового типа должен был включиться во взаимодействие с природными объектами и техническими устройствами, специалистами-ремесленниками и подмастерьями, помогающими ему совершать свои экспериментальные открытия. Самим своим появлением лаборатория создала внешний контур науки, позволила включать в научную деятельность и неученых. Именно лаборатория становится местом не только получения новых знаний, но и их передачи начинающим исследователям. В рамках лаборатории происходит инициация и формирование научной социальности.

Подобное рассмотрение лаборатории позволяет выявить еще одну ее специфическую черту – она изначально становится зоной обмена, пространством, в котором сталкиваются ценности и убеждения представителей различных групп ученых и неученых. Встреча представителей различных наук, о которых писал П. Галисон [6], или различных социальных групп, о которой писал И.Т. Касавин [7], требует активного взаимодействия, направленного на формирования пространства взаимопонимания. Оно не может быть создано лишь благодаря совместной работе над решением общих проблем и задач или работой над совместными проектами. В этом случае лаборатория, преодолевая неопределенность, позволяет выработать не только общие практики, но и ценности, которые будут распространены за ее пределы. Именно в ней формируется своеобразный способ научной работы, основанный на взаимном уважении, бескорыстности и стремлении к истине, позволяющий создавать новые научные языки. Поэтому все участники взаимодействия будут разделять ценности универсализма, открытости результатов, бескорыстности и организованного скептицизма.

В современных условиях лаборатория обладает еще одной специфической особенностью. Она больше не может рассматриваться просто как конкретная локация. Скорее можно говорить о ее распределенном характере. В нее включаются различные подразделения, ответственные за создание оборудования или программного обеспечения, связанные с взаимодействием с научными и вненаучными акторами. Она распадается на множество связей и отношений, которые требуют для своего поддержания усилий ее участников. В результате распределенный характер лаборатории позволяет поддерживать в социальной системе набор ценностей, связанных с открытостью новому и возможностью внедрять научные достижения в социальную жизнь. В качестве распределенной системы весь доступный научному познанию мир становится лабораторией ученых: для вулканолога или сейсмолога лаборатория –

это Земля, для астронома – Вселенная. Правда, в настоящее время влияние лаборатории оказывается не просто связано с внедрением инноваций, но и преодолением неопределенности. С. Фунтовиц и Дж. Равецц [8] определяют современную ситуацию как состояние постнормальной науки. Она характеризуется принципиальной неопределенностью при решении новых научных задач – невозможно просчитать все последствия принимаемых решений. Ученые, работающие в этих условиях, не столько решают задачи-головоломки, сколько пытаются найти ответы на злободневные вопросы, интересующие различные социальные группы. Наука становится не только поиском истины, а «наукой по требованию» [9].

Существование лабораторий как распределенных систем, берущих под контроль неопределенность больших технологических проектов или управляющих жизнью отдельных людей, может приводить не только к состоянию постнормальной науки. Лаборатории конструируют социальное окружение, а за счет поддержания его стабильности могут оказывать большое влияние на жизнь отдельных социальных групп. Это могут делать не столько небольшие лаборатории университетов, сколько крупные лаборатории центров разработки и внедрения инноваций различных транснациональных корпораций или крупнейших исследовательских центров. Побочным же эффектом становится то, что теперь наука не только подвержена кризису коллегиальности [10], теперь она связана не с содержательными дискуссиями между различными научными группами, а с поддержанием главенствующего положения собственной лаборатории в социальном поле. Парадоксальным образом развитие лабораторий, начинавшихся как зоны обмена, приводит к уничтожению коммуникации между конкурирующими группами. Ситуация, которая всегда была характерна для науки и связана с открытыми содержательными дискуссиями, нацеленными на постоянное критическое отношение как к собственным идеям, так и идеям оппонентов, постепенно уходит в прошлое. Возможно, формируется новый образ науки как постнауки, ориентированной не столько на поиск истины или внедрение инноваций, сколько на формирование собственного поля для их внедрения, в которое никто другой не может проникнуть. Именно поэтому вновь необходимо формирование «свободной науки», вновь стремящейся получать и распространять знания и технологии, а не только борьбу за собственное превосходство. Она может быть связана и с появлением новых социальных групп.

И.Т. Касавин отмечает, что, возможно, в этой ситуации особую роль начнет играть новый тип ученых прекариев. Их исследования могут носить проектный характер и ориентироваться на финансирование от различных фондов, общественных организаций или меценатов. Они не всегда настроены на построение карьеры, связанной с продвижением по иерархическим структурам научных институций. В то же время участие даже во временном научном проекте предполагает наличие соответствующей квалификации и репутации у исследователя, и чем выше занимаемая им в проекте роль, тем больше должен быть его научный авторитет, который зарабатывается и оценивается по академическим лекалам, что, в свою очередь, вынуждает исследователей так или иначе сохранять связь с академическим сообществом. Поэтому логично задаться вопросом: не является ли ученый-прекарий пустым термином? Отсутствие постоянного рабочего контракта – базовая характери-

стика прекариата как «класса» – черта, характерная для современных научных институций, в большинстве из которых с исследователями и преподавателями заключаются временные контракты с последующей аттестацией, которая не предполагает обязательного продления этих контрактов. Академический ученый, таким образом, находится в таком же положении, как и квалифицированный специалист высокого уровня, предпочитающий проектную работу постоянной занятости. Тем не менее в условиях трансформации и усложнения науки, а также заинтересованности бизнеса (а вместе с тем и политических акторов) в наукоемких технологиях, ученые-прекарии могут играть роль интеллектуалов, способных выстроить коммуникации между различными лабораториями и группами ученых, с одной стороны, и с представителями бизнеса и политических структур – с другой. Занимая маргинальные позиции в социальной структуре научных институций, исследователи такого типа вполне способны стать своего рода переводчиками интересов различных научных групп на язык, понятный их оппонентам. В перспективе это дает возможность преодолеть существующие разногласия и выстроить взаимопонимание, основанное на следовании описанному Р. Мертоном научному этосу.

Список источников

1. Касавин И.Т. Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200.
2. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 18–27.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
4. Башляр Г. Новый рационализм: пер. с фр. / предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
5. Башляр Г. Избранное. Т. 1. Научный рационализм. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 395 с.
6. Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1997. 982 p.
7. Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предыстории научной лаборатории // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 12. С. 1098–1106.
8. Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 1993. Vol. 25, is. 7. P. 735–755.
9. Тернер С. Наука по требованию // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 57, № 4. С. 52–61.
10. Антоновский А.Ю. Кризис коллегиальности в научной организации и научная политика // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 3, № 3. С. 6–22.

References

1. Kasavin, I.T. (2022) When the future borders on utopia: science in perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 193–200.
2. Yudin, B.G. (2016) Technoscience and human “enhancement.” *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2. pp. 18–27. (In Russian).
3. Losev, A.F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl’.
4. Bachelard, G. (1987) *Novyy ratsionalizm* [New Rationalism]. Translated from French. Moscow: Progress.
5. Bachelard, G. (2000) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 1. Translated from French. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
6. Galison, P. (1997) *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

7. Kasavin, I.T. (2014) Interaktivnye zony: k predystorii nauchnoy laboratorii [Interactive zones: to the prehistory of the scientific laboratory]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 84(12). pp. 1098–1106.
8. Funtowicz, S.O. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age. *Futures*. 25(7). pp. 735–755.
9. Turner, S. (2020) Science on demand. *Epistemology and Philosophy of Science*. 57(4). pp. 52–61. DOI: 10.5840/eps202057456
10. Antonovski, A.Y. (2020) The crisis of collegiality in scientific organization, and the science policy. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 57(3). pp. 6–22. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057335

Сведения об авторах:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, исследователь, Русское общество истории и философии науки (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Соколова Т.Д. – кандидат философских наук, исследователь, Русское общество истории и философии науки (Москва, Россия). E-mail: sokolovatd@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maslanov E.V. – PhD in Philosophy, research fellow, Russian Society for the History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Sokolova T.D. – PhD in Philosophy, research fellow, Russian Society for the History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovatd@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/68/22

КОГНИТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Ольга Евгеньевна Столярова

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru*

Аннотация. Статья продолжает обсуждение поднятой И.Т. Касавиным проблемы эффективного управления наукой как территорией когнитивной свободы. Рассмотрен ряд теоретических коллизий, которые сопровождают концепт эффективной науки. Поставлены вопросы о правомерности оппозиций между когнитивным разнообразием и общественным благом, научной автономией и социализацией знания, государственным регулированием науки и когнитивной свободой. Показано, что когнитивное разнообразие выражается не только плюрализмом научных сообществ, но и плюрализмом социальных и когнитивных позиций внутри научных сообществ. Раскрываются теоретические условия, при которых сегодняшняя наука с ее когнитивным разнообразием может считаться общественным благом.

Ключевые слова: наука в обществе, когнитивное разнообразие, общественное благо, научные сообщества, управление наукой

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Столярова О.Е. Когнитивное разнообразие как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 218–223. doi: 10.17223/1998863X/68/22

Original article

COGNITIVE DIVERSITY AS A COMMON GOOD

Olga E. Stoliarova

*Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy
of Science, Moscow, Russian Federation, olgastoliarova@mail.ru*

Abstract. The article continues the discussion of the problem raised by I.T. Kasavin of effective management of science as a territory of cognitive freedom. A number of theoretical collisions that accompany the concept of effective science are considered. The author focuses on the oppositions between cognitive diversity and the common good, scientific autonomy and collectivization of knowledge, state regulation of science and cognitive freedom. The concept of cognitive diversity is replacing the traditional modern view of science as a universal codified knowledge, neutral in relation to private interests and material realization in products and services. Today's science is characterized by a high degree of material and social involvement, which leads to external and internal cognitive diversity. External diversity is expressed by the multiplicity of relatively autonomous research teams competing with each other for resources. Internal diversity refers to the pluralism of social and cognitive positions represented within a research team. In the context of M. Callon's argument (1994) and the discussion in *E&PS* (2020), the question is asked under what theoretical conditions today's science with its cognitive diversity can be considered a common good. It is shown that institutional or individual autonomy in science is not always equivalent to the pursuit of private interests. At the same time, the state affiliation and state funding of science are not automatically translated into cognitive universalism and a fair distribution of knowledge. It is also shown that the relationship between cognitive diversity and scientific autonomy is far from unambiguous. If the external form of cognitive diversity

seals scientific communities, then the internal form, on the contrary, destroys their tightness due to the penetration of extra-scientific actors into these communities. The internal permeability of the boundaries of scientific communities contributes to the collectivization of scientific knowledge and increases the responsibility of society for evaluating scientific results and supporting science as a common good.

Keywords: science in society, cognitive diversity, common good, scientific societies, management of science

Acknowledgments: the research was supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494 "The mission of the scientist in the modern world: science as profession and vocation".

For citation: Stoliarova, O.E. (2022) Cognitive diversity as a common good. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 218–223. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/22

Наука как институционально организованное, систематически добываемое, интерсубъективное знание о мире представляет собой главную движущую силу развития общества. Общественно значимые цели подкрепляются авторитетом науки; средства их достижения добываются наукой (и техникой). Если представить общество в виде коллективного субъекта, то наука, по-видимому, должна мыслиться как его мозг, а результаты науки – как общественное благо: материальные и духовные ценности, разделяемые всеми с пользой для всех.

Концепция науки как общественного блага предполагает, что научное знание является пропозициональным и носит универсальный характер обоснованного истинного мнения. Как таковое, оно принадлежит всем членам человеческого коллектива в равной степени и не может быть предметом купли-продажи для удовлетворения частных нужд [1]. Эти идеи, в свою очередь, питаются традиционным, сформировавшимся в эпоху Просвещения, философским представлением о внутреннем единстве индивидуального рационального субъекта и монолитности коллективного рационального субъекта – общества. В XX в. эти идеи и представления меняются на противоположные. После Ницше и Фрейда, Хайдеггера и Мерло-Понти индивид предстает как узел конфликтующих между собой стихийных сил и многочисленных идентичностей, экстатических переживаний и разнонаправленных устремлений. Не ясность и логическая строгость теоретического знания о мире, а запутанность и непредсказуемость практической вовлеченности в мир становятся отличительными признаками познающего человеческого существа. Индивидуальный плюрализм экстраполируется и на общество в целом, несводимое разнообразие которого подчеркивают современные социологи и антропологи.

Идеи когнитивного разнообразия распространяются и на науку [2, 3], причем, так же, как и в эпистемологических исследованиях познающего субъекта, плюрализм научного знания связывается с переориентацией на практический результат. Это убедительно показывает Е.В. Масланов [4, 5], раскрывая специфические черты сегодняшней науки – «постнауки», или технонауки – по сравнению с наукой в традиционном (восходящем к эпохе Просвещения) понимании. В отличие от науки, ориентированной на универсальную рациональную коммуникацию и внутренне согласованное знание, постнаука характеризуется выраженным плюрализмом. Дело в том, что постнаука, по причине глубокой вовлеченности в экономику, политику и технологии, функционирует в ассоциациях людей и вещей. Они образуют коллективы, каждый из которых защищает свои познавательные результаты для достижения собственных утилитарных

целей. Эти коллективы больше не стремятся достичь всеобщего согласия на основании универсальных познавательных критериев. Вместо этого они стремятся преуспеть в конкурентной борьбе за «рынки сбыта», т.е. за внедрение результатов своих исследований в общественную жизнь. Соответственно, исследовательские цели, ценности, методология, внутренняя и внешняя экспертиза варьируются в зависимости от принадлежности тем или иным научным коллективам и их локальным задачам. Размывание границ между теоретической и практической деятельностью приводит к тому, что внутри научных коллективов смешиваются роли ученых, инженеров, экономистов, организаторов науки, политиков и т.д. Иногда один и тот же человек выступает в разных ипостасях, совмещая стратегии и тактики, направленные на решение задач, преодолевающих пределы теоретической и экспериментальной работы в строгом смысле этих терминов. Другой родственный феномен, получивший название «разделение научного труда» [6], заключается в том, что над одной задачей и в одном коллективе работают не только ученые, но и инженеры, экономисты, организаторы науки, политики и т.д. «Ученые выходят из „башни из слоновой кости“ и погружаются в пучину взаимодействия с огромным количеством внеаучных акторов» [4. С. 119].

Итак, говоря о когнитивном разнообразии сегодняшней науки, мы должны иметь в виду два его модуса – внешний и внутренний. Внешний модус выражается в сосуществовании относительно автономных (и даже в каком-то смысле герметичных) научных коллективов. Будучи вовлеченными в экономику и политику, они неизбежно конкурируют друг с другом за ресурсы и не заинтересованы в объединении. Внутренний модус выражен плюрализмом в самих исследовательских коллективах, в которых представлены различные социальные позиции (профессиональные, классовые, гендерные, национальные, демографические и т.д.). Эти позиции определяют разнообразие получаемых в коллективе познавательных результатов и способов их получения, оценки, распространения и использования.

Но недостаточно описать и зафиксировать внешний и внутренний плюрализм науки. Желательно попытаться ответить на вопросы нормативного характера. Должна ли наука обладать когнитивным разнообразием? Выигрывают ли наука и общество от плюрализма познавательных методов, исследовательских позиций и результатов? [7]. Этот вопрос может быть задан в несколько иной, расширенной форме: допустимо ли считать современную нам науку (с ее когнитивным разнообразием) общественным благом?

Сегодня вопрос о науке как общественном благе стоит на повестке дня социальной эпистемологии и междисциплинарных исследований науки (*science studies*). Например, в недавней дискуссии в журнале *Эпистемология и философия науки* [8–11] в кругу внимания авторов находится противопоставление автономных научных коллективов государственной науке. Финансирование последней, по определению, должно учитывать интересы всех граждан. Что же касается автономных коллективов, то они выживают и продвигаются вперед за счет других, в конкурентной борьбе. К этим независимым коллективам можно добавить и относительно нового фигуранта, пополняющего палитру социального и когнитивного разнообразия науки – научного прекария, «ученого удачи» (Касавин, *наст. изд.*), связи которого с институционально оформленной познавательной традицией гораздо слабее, чем у его коллег, имеющих полную гарантированную занятость.

Казалось бы, все достаточно ясно. Знание, которое становится рыночным продуктом и предметом личной материальной заинтересованности, автоматически перестает быть общественным благом и в этическом, и в экономическом смысле данного термина. Столкновение частных интересов в борьбе за знание-товар несовместимо с признанием результатов интеллектуального труда универсальной, общечеловеческой ценностью, которая, наподобие декартовского здравомыслия, справедливее всего распространена в мире. Однако при более подробном рассмотрении возникают определенные трудности с сохранением строгой оппозиции между когнитивным плюрализмом и частным интересом, с одной стороны, и единством национализированного (коллективизированного) знания – с другой. Институциональная или индивидуальная автономия в науке далеко не всегда равнозначна преследованию частных интересов, а государственная принадлежность и государственное финансирование науки не переводятся автоматически в когнитивный универсализм и справедливое распределение знания. Так, описанный И.Т. Касавиным типаж – научный прекарий, не стесняемый институциональными рамками (парадигматический пример, приведенный Касавиным, – Диоген), способен реализовать универсальную ценность знания ради знания именно в силу своей автономности. Если же говорить о государственной научной политике (даже демократических государств), которая всегда связана с распределением ресурсов, то она не может не носить селективный и ограничивающий характер. На данное обстоятельство указывает и Касавин, отмечая «контроверзу государственного управления наукой и свободы научного исследования» (Касавин, *наст. изд.*).

Необходимо также понимать, что отношения между когнитивным разнообразием и научной автономией далеки от однозначности. Пусть внешняя форма когнитивного разнообразия герметизирует научные сообщества, превращая их в конкурентов за ресурсы и «рынки сбыта». Однако внутренняя форма, напротив, разрушает их герметичность за счет проникновения в эти сообщества вненаучных акторов, репрезентирующих разнообразные социальные слои, группы и их интересы. И если концепция знания как общественного блага утверждает, что знание должно быть доступно всем без исключения, то такая форма когнитивного разнообразия не несет угрозы общественному благу, но вполне с ним соотносится. Напротив, универсальное знание, *знание одинаково значимое для всех*, часто оказывается приватизированным именно в силу его универсальности. Здесь речь идет в первую очередь об идеологии, об использовании научного знания в целях достижения политической власти. Существуют и хорошо знакомые нам экономические формы приватизации научного знания – патентное право, авторское право, закрытые для широкой публики хранилища информации, частные образовательные учреждения и т.п.

Научное знание – это вещь, – заявил в конце прошлого века французский социолог и экономист Мишель Каллон [12. Р. 402]. Оно материально, имеет определенную пространственно-временную локализацию; его распространение – это физический и технологический процесс. Следовательно, оно не может считаться общественным благом в строгом экономическом смысле данного термина, так как не обладает свойствами неконкурентности и неисключаемости. Люди, создающие и использующие вещественное знание, создают и условия, ограничивающие доступ к нему. Важно сказать, что Каллон выступает не только критиком идеи универсального знания, образцом которого традиционно счи-

тали науку, но и критиком зауженного понимания общественного блага. Образ науки, который рисует Каллон (инспирированный результатами междисциплинарных исследований науки), отличается от традиционного: «Правила, обычаи, культурные формы и отношения с вещами варьируются от одного коллектива к другому. Разнообразие и локальность находятся в центре науки» [12. Р. 418]. Дилемма, на первый взгляд, очевидна. Научное знание универсально (но оно не универсально) или оно не является общественным благом. Однако Каллон обходит данную дилемму, утверждая, что научное знание является общественным благом как раз в силу того, что оно привносит в общество разнообразие и гибкость. Аргумент Каллона (в общих чертах) следующий. Если наука производится не абстрактным познающим субъектом, а конкретными людьми (телесными субъектами) в разнообразных культурных средах и материальном окружении, то продвижение науки и ее общественная роль напрямую зависят от свободы строить связи и вступать в новые ассоциации людей и вещей. Чем больше связей и отношений между акторами, тем больше разнообразия и тем меньше опасность монополий, вооруженных универсальным знанием и блокирующих инновации. Материальная вовлеченность, частные интересы, индивидуальная и коллективная автономия работают на общественное благо: они увеличивают когнитивное разнообразие и, в конечном счете, препятствуют приватизации знания.

Этому аргументу Каллона уже почти тридцать лет, и он имеет долгую историю обсуждения и критики с разных позиций, как экономических, так и политических, социологических и философских. Тем не менее этот аргумент остается актуальным и сегодня, хотя, по прошествии времени, он представляется уже не таким революционным. Мы можем сколько угодно благоденствовать по поводу разнообразия, но, к сожалению, и оно не способно само по себе привести нас к умножению и поддержанию общественного блага, поскольку оно не предохраняет нас автоматически от различных форм неравенства и несвободы. Поэтому я думаю, что предписание, которое формулирует И.Т. Касавин в конце своей статьи, – «...Управлять свободной наукой – как скакать на умном коне. Отдай ему поводья, и он все сделает сам» (Касавин, *наст. изд.*) – базируется на слишком оптимистичных представлениях. Я бы согласилась, скорее, со Стивом Фуллером, который в вышеупомянутой дискуссии утверждает, что если наука должна быть общественным благом, его нужно сделать таковым [8].

Список источников

1. Merton R. The Normative Structure of Science // *Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* / ed. by N.W. Storer. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1973. P. 267–278.
2. Kitcher P. The Advancement of Science: Science Without Legend, Objectivity Without Illusions. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. 432 p.
3. Longino H. The Fate of Knowledge. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2002. 233 p.
4. Масланов Е.В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58, № 2. С. 113–131.
5. Maslanov E. Post-Science in a Post-Modern World // *Social Epistemology*. 2022. Forthcoming.
6. Kitcher P. The Division of Cognitive Labor // *Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87, № 1. P. 5–22.
7. Pöyhönen S. Value of Cognitive Diversity in Science // *Synthese*. 2017. № 194. P. 4519–4540.
8. Fuller S. If Science Is a Public Good, Why Do Scientist Own It? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 23–39.

9. Stehr N. Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 40–51.
10. Sassower R. The Ubiquity of Public Science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 62–69.
11. Turner S. Science on Demand // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 52–61.
12. Callon M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // *Science, Technology, & Human Values*. 1994. Vol. 19, № 4. P. 395–424.

References

1. Merton, R.K. (1973) The Normative Structure of Science. In: Storer, N.W. (ed.) *Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, IL: University of Chicago Press. pp. 267–278.
2. Kitcher, P. (1993) *The Advancement of Science: Science Without Legend, Objectivity Without Illusions*. New York; Oxford: Oxford University Press.
3. Longino, H.E. (2002) *The Fate of Knowledge*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
4. Maslanov, E.V. (2021) Social Position of an Expert as a New Element of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(2). pp. 113–131. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158232>.
5. Maslanov, E.V. (2022) Post-Science in a Post-Modern World. *Social Epistemology*. Forthcoming. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000664
6. Kitcher, P. (1990) The Division of Cognitive Labor. *Journal of Philosophy*. 87(1). pp. 5–22.
7. Pöyhönen, S. (2017) Value of Cognitive Diversity in Science. *Synthese*. 194. pp. 4519–4540. DOI: 10.1007/s11229-016-1147-4.
8. Fuller, S. (2020) If Science Is a Public Good, Why Do Scientist Own It? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 23–39. DOI: 10.5840/eps202057454
9. Stehr, N. (2020) Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 40–51. DOI: 10.5840/eps202057455
10. Sassower, R. (2020) The Ubiquity of Public Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 62–69. DOI: 10.5840/eps202057457
11. Turner, S. (2020) Science on Demand. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 52–61. DOI: 10.5840/eps202057456
12. Callon, M. (1994) Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. *Science, Technology, & Human Values*. 19(4). pp. 395–424.

Сведения об авторе:

Столярова О.Е. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stoliarova O.E. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научная статья

УДК 001.38

doi: 10.17223/1998863X/68/23

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПОЛИТИКЕ НАУКИ: МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И ПОДОЗРЕНИЕМ

Лиана Анваровна Тухватулина

Институт философии РАН, Москва, Россия, spero-meliora@bk.ru

Аннотация. Рассматривается коллизия целеполагания на «внешнем контуре» науки – между долгосрочными и краткосрочными целями ее развития. Автор полагает, что передовое развитие отечественной науки требует расширения академических свобод, институциональной автономии науки и вызревания открытой к диалогу академической культуры. В то же время этой цели противоречит усиление бюрократического контроля над эффективностью труда ученого, который замеряет результативность научной политики на коротких промежутках времени. Автор считает, что локальные цели в этом случае препятствуют решению стратегической задачи, и утверждает, что упрощенное представление об институциональном контроле над учеными может рассматриваться в качестве последствия постпозитивистской критики научной рациональности. Формирование более чувствительной к интересам ученых политики науки требует, в свою очередь, нового «мифа о науке».

Ключевые слова: научная политика, институт, развитие науки, контроль, доверие, научное сообщество, академическая свобода

Для цитирования: Тухватулина Л.А. Целеполагание в политике науки: между доверием и подозрением // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 224–228. doi: 10.17223/1998863X/68/23

Original article

GOAL SETTING IN SCIENCE POLICY: BETWEEN TRUST AND SUSPICION

Liana A. Tukhvatulina

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
spero-meliora@bk.ru*

Abstract. This article is a response to Ilya T. Kasavin's "When the future borders on utopia: science in perspective". The article deals with the problem of coordinating the two contours of science – internal (scientific research) and external (institutional infrastructure). The main thesis is that the mismatch is associated with a conflict on the outer contour between the long-term and local goals of the development of science. So, in the case of Russian science, the long-term goal is associated with reaching the "world level" of scientific results and the advancement of the scientific frontier. This goal requires a long time, which will allow scientists to gain the necessary experience to publish articles in high-ranking journals. In addition, the emergence of science to new frontiers implies the openness of the academic community to the global world. The author believes that the achievement of this goal requires the preservation of a fictitious institutional framework that retains the possibility for spontaneous self-organization of the community and open competition of ideas. At the same time, local goals (control over the effectiveness of scientific work over short time periods) encourage the status quo to be maintained in science. The negative effect of increasing formal control over scientists leads to the strengthening of mutual distrust between scientists and the authorities. On the one hand, "institutionalized suspicion" is cultivated, which

consists in the presumption of bad faith of agents. On the other hand, the pressure of ineffective rules reduces the credibility of the institution and encourages avoidance of their implementation. Such an institutional policy creates a kind of “trap”, which leads to the establishment of a norm that does not meet anyone's interests. The author believes that the strengthening of bureaucratic pressure on science is associated with the influence of the ideas of post-positivism. The post-positivist desacralization of science had at least two external effects – denialism (distrust of expert knowledge) and oversimplification of the politics of science. The author shows that in order to compensate for these negative effects, we need a new “myth about science”. This “myth” aims at establishing trust as a key value of science policy, which is beneficial not only for science, but also for society as a whole. It would free up significant resources (human, intellectual, material), which are now being spent on ineffective control.

Keywords: science policy, institution, science development, control, trust, scientific community, academic freedom

For citation: Tukhvatulina, L.A. (2022) Goal setting in science policy: between trust and suspicion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 224–228. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/23

В статье «Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе» И.Т. Касавин пишет, что «управление наукой является драйвером согласования двух контуров – внутреннего, т.е. развития научных исследований, и внешнего, т.е. развития институциональной инфраструктуры. Эффективное управление состоит в том, чтобы обеспечить позитивную обратную связь в направлении от внешнего контура ко внутреннему» [1. С. 193–200]. В качестве примера Илья Теодорович рассматривает взаимодействие бюрократических структур и научных организаций по поводу определения приоритетных направлений исследования и их дальнейшего финансирования. Этот пример действительно иллюстрирует эффективную коммуникацию между чиновниками и учеными, поскольку здесь они совпадают в целеполагании. Однако нельзя не отметить, что такое совпадение случается не всегда. Если говорить о самом общем уровне целеполагания на внешнем контуре, здесь обнаруживается противоречие между долгосрочными и краткосрочными целями.

Так, в случае с отечественной наукой долгосрочная цель связывается с выходом на «мировой уровень» научных результатов, с продвижением научного фронта. «Конкурентоспособность» результатов требует преодоления региональной изолированности науки, связанной с пребыванием за «железным занавесом» и последующим периодом неустойчивости, и встраивания исследований в общемировой контекст. Важнейшим критерием успеха оказываются публикации в научных журналах с высоким импакт-фактором. Стратегия на преодоление «отсталости» связана с длительными инвестициями и масштабной реорганизацией научно-образовательной политики (в частности, подготовки и переподготовки кадров). Еще более важным условием достижения этой цели является становление академической культуры, ориентированной на глобальную открытость. Вызревание такой культуры происходит главным образом благодаря свободной коммуникации ученых и научных групп, не требуя специального внешнего стимулирования – лишь снижения формально-бюрократического давления на науку. Иными словами, достижение желаемой цели связано с сохранением автономии науки и опоры на самоорганизацию научного сообщества. Наука в этом случае должна оставаться «фиктивным» социальным институтом, который, в отличие от «реаль-

ного», не ориентируется на сохранение status quo и соответствие бюрократическим шаблонам эффективности, но прежде всего создает «пустую форму» для спонтанной генерации идей¹.

В то же время локальные административные цели связываются с оценкой «производительности научного труда» на коротких временных отрезках. Ученые, работающие в государственных научных институтах, связаны количественными нормами по объему публикаций в соответствии с занимаемой должностью. Этот реликт плановой экономики использует самый примитивный критерий («количество продукта за единицу времени»), который может быть эффективным в случае рутинной механической работы, но совершенно не способствует адекватному измерению труда ученого. Он скорее создает предпосылки для появления «конвейера» низкокачественных публикаций в журналах с невысоким редакционным цензом. Безусловно, наличие такого критерия не отменяет добросовестности ученых, дорожащих репутацией и не готовых идти на компромиссы. Однако «разноголосица» формальных правил и внутренней мотивации добросовестного исследователя указывает на «провалы» в институциональной регуляции науки. Если эффективный институт создает правила, которые подталкивают агентов к добросовестности в исполнении своих обязательств, то институт, где личная ответственность оказывается важнейшим способом компенсации неэффективности формальных правил, едва ли функционирует должным образом.

Главным недостатком такого соотношения между внешними стимулами (правилами) и внутренней мотивацией (добросовестностью) является укрепление недоверия на двух уровнях. С одной стороны, культивируется «институализированное подозрение», которое состоит в презумпции недобросовестности агентов («в отсутствие формальных показателей ученый утратит всякую мотивацию к научной деятельности»). С другой стороны, давление неэффективных правил снижает доверие к институту и побуждает к уклонению от их выполнения. Подобная политика создает своеобразную институциональную «ловушку» — установление нормы, не отвечающей чьим-либо интересам [2. С. 39]. Так, исследователи, в чьих интересах стремление к лучшим результатам, в погоне за нормативами публикуют низкокачественные работы. В свою очередь, бюрократический аппарат ориентируется на неадекватные показатели и получает искаженное представление об эффективности проводимой политики. Результатом такой коммуникации может быть лишь status quo, который ориентирован на самоподдержание в ущерб развитию. Феномен научного прекариата, о котором рассуждает Илья Теодорович, может рассматриваться как ответ на несовершенство институциональной организации науки. Стремясь выйти из-под внешнего давления, некоторые ученые уходят в «свободное плавание», которое, впрочем, не только обещает светлое будущее с возможностью совмещать интересную работу с научным туризмом, но и повышает личные риски профессиональной маргинализации.

Очевидно, что краткосрочные цели по контролю над эффективностью научного труда противоречат долгосрочным планам по развитию научных исследований. Для реализации долгосрочного плана необходимо, чтобы институт науки (точнее, его «внешний контур», как его называет Илья Теодоро-

¹ О различии «фиктивных» и «реальных» институтов см. [2. Гл. 4].

вич) оставался «фиктивным» – функционировал так, как если бы его не существовало вовсе. Основанием для бюрократической дерегуляции в этом случае становится доверие к ученым – к их способности самоорганизовываться и самостоятельно отвечать на ключевые вопросы научной политики: «что познавать?», «как познавать?» и «что и где публиковать?». Для внешней мотивации к развитию не нужны официальные нормативы – достаточно признания коллег: те ученые, чьи работы читают и цитируют, кого приглашают в состав научных групп для совместного участия в грантовых проектах, чье имя «на слуху» в сообществе, будут стремиться работать на репутацию и дальше. Формальное регулирование в данном случае может компенсировать возможные провалы в саморегуляции: например, для предотвращения «олигархизации» научных элит целесообразна поддержка молодых ученых. Политика науки в целом должна ориентироваться на создание стимулов и минимизацию бюрократических преград.

Однако такое видение противоречит постпозитивистскому тренду к демократизации науки. Уравнивание в статусе различных эпистемических традиций стало возможным благодаря демистификации науки как профессии. Эзотерическому образу ученого-демиурга был противопоставлен социологический анализ унылой лабораторной рутины, в которой невозможны настоящие «открытия» – только лишь решение предопределенных парадигмой задач. В качестве внешних эффектов такой «десакрализации» научного знания можно рассматривать дениализм (недоверие экспертному знанию) и упрощение политики науки. Разрушение «мифа о науке» как эпистемической практике с монополией на истину не могло не привести к тому, что, с одной стороны, научное знание утратит часть своего авторитета¹, а альтернативные науке практики (лже- и псевдонаука) получают статус интеллектуально легитимных «традиций». С другой стороны, если постпозитивисты отказывают науке в эпистемическом превосходстве, то стремление научных организаций сохранить автономию утрачивает внутренние основания и рассматривается лишь как часть политической борьбы за ресурсы и финансирование. Уравнивание науки в статусе с иными интеллектуальными практиками позволило сделать научную политику государства менее чувствительной к интересам самих ученых. Отсюда и акцент на краткосрочной результативности, и приоритет количественных показателей – критерии, которые не имеют непосредственного отношения к стратегическим целям.

Вероятно, для того, чтобы повернуть эту тенденцию вспять, необходим «миф о науке после постпозитивизма». Основной его посыл должен состоять в том, что вопреки «обыденности» научных практик, ученым удастся получать надежное знание. Стремление к этому знанию определяет мотивацию ученого, подпитывается этическими принципами научной коммуникации и не требует бюрократического контроля. При этом доверие как ключевая ценность политики науки благотворно не только для науки, но и для общества в целом. Оно позволило бы высвободить значительные ресурсы (человеческие, интеллектуальные, материальные), который сейчас расходуются на неэффективное управление. Устроители политики науки в современном мало пред-

¹ На этот счет существует и иная позиция, согласно которой «защита Фейерабендом астрологии, вуду, колдовства и других ненаучных систем <...> отражает стремление защитить эпистемическую целостность науки, демонстрируя, разоблачая и оспаривая неудачи ученых» [4. С. 15].

сказуемом мире могут ориентировать на слова А. Сент-Экзюпери: «Ты можешь все изменить. На бесплодной равнине вырастить кедровый лес. Но важно, чтобы ты не конструировал кедры, а сажал их семена».

Список источников

1. Касавин И.Т. Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200.
2. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М. : Либеральная миссия, 2010.
3. Ридингс Б. Университет в руинах. М. : ГУ ВШЭ, 2010.
4. Kidd I.J. Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science // Social Epistemology. 2016. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851

References

1. Kasavin, I.T. (2022) When the future borders on utopia: science in perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 193–200.
2. Belyanin, A.V. & Zinchenko, V.P. (2010) *Doverie v ekonomike i obshchestvennoy zhizni* [Trust in Economy and Public Life]. Moscow: Liberal'naya missiya.
3. Readings, B. (2010) *Universitet v ruinakh* [The University in Ruins]. Translated from English. Moscow: HSE.
4. Kidd, I.J. (2016) Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science. *Social Epistemology*. 30(4). pp. 464–482. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851

Сведения об авторе:

Тухватулина Л.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhvatulina L.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*

Научная статья

УДК 1:001

doi: 10.17223/1998863X/68/24

НАУКА В ПЕРСПЕКТИВЕ: ОТ УТОПИИ К РЕАЛЬНОСТИ

Лада Владимировна Шиповалова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, ladaship@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой ответ на рассуждение И.Т. Касавина о развитии науки и проблеме как источнике этого развития. Предлагается дополнение к истолкованию проблемы как формы знания. Проблема трактуется как выявленное разногласие и источник общественных взаимодействий. Демонстрируется конструктивность концептуальной связи проблемы и пограничного объекта. Утверждается, что такое расширение смысла проблемы позволяет во-первых, ответить на критику относительно идеи прогресса в науке, во-вторых, дополнительным образом обосновать существование науки как общественного блага, в-третьих, представить в более реалистичном ключе перспективы науки.

Ключевые слова: ученый, научный прогресс, проблема, пограничный объект, общественное благо

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

Для цитирования: Шиповалова Л.В. Наука в перспективе: от утопии к реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 229–235. doi: 10.17223/1998863X/68/24

Original article

SCIENCE IN PERSPECTIVE: FROM UTOPIA TO REALITY

Lada V. Shipovalova

Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”, Moscow, Russian Federation, ladaship@gmail.com

Abstract. The article presents a response to the arguments of Ilya T. Kasavin on the development of science and on the problem as its source. At the beginning of the article, the author refers to the idea of scientific progress and shows its necessity, as well as the possibility of a critical attitude to it. She associates criticism of the idea of scientific progress with its character of exclusivity and subjectivity, discusses opportunity to preserve the idea, and respond to this criticism. Discussing this opportunity, the author offers an addition to the interpretation of the problem by Ilya T. Kasavin as a form of knowledge. The author interprets the problem as an identified disagreement and a source of social interactions. At the same time, the problem remains a source of progress, but a social certainty complements its epistemological one. The author gives examples of such problems as identified disagreements, firstly, between various subjects governing science and, secondly, between science, the authorities and the public. She shows that it is possible to interpret this kind of problem as a “boundary object” (Star & Griesemer) and demonstrates the constructiveness of the conceptual connection between the problem and the boundary object. In conclusion, she argues that such an expansion of the meaning of the problem, firstly, gives an answer to criticism regarding the idea of progress in science, freeing it from exclusivity, since the problem turns out to be both a source of progress and a condition for social interaction.

Secondly, the existence of science as a public good is additionally justified, since the problem actualizes cognitive diversity and attracts various actors to interaction. Thirdly, the prospects of science are presented in a more realistic way, since epistemological definitions of the meaning of the problem serve as a possible basis for the scientist's work on the organization of social interaction around science, contributing to its development.

Keywords: scientist, scientific progress, problem, boundary object, public good

Acknowledgments: the study is supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494.

For citation: Shipovalova, L.V. (2022) Science in perspective: from utopia to reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/24

Внимание к перспективам научного развития формально объединяет различных общественных субъектов – представителей политической власти, публики и научного сообщества, собственные интересы которых относительно науки различны. Однако, как справедливо отмечает в своем тексте Илья Теодорович Касавин, эффект от их согласованных действий чаще всего оказывается конструктивным. Конструктивность становится более очевидной, когда сами ученые отвечают на вопрос о рациональных способах управления научными исследованиями, формируют критерии оценки научной результативности, раскрывают проблемы и аспекты идеи научного прогресса, предполагающей возможность универсального определения перспектив развития науки¹.

Несмотря на критику, сопровождающую идею прогресса на протяжении всей ее истории, начиная с эпохи французского Просвещения и не заканчивая ситуацией постмодерна, она остается не только релевантной, но и необходимой относительно науки. Можно вспомнить случай известного английского историка Г. Баттерфилда, заклеившего коллег по ремеслу за склонность к прогрессистской историографии (Whig history), но при этом написавшего работу о происхождении новоевропейской науки (The Origins of Modern Science 1300–1800) полностью в соответствии с критикуемым им образцом, утверждая тем самым, что только история науки может быть прогрессивной [1]. В чем причины такой концептуальной устойчивости? Представляется, что здесь имеет значение востребованность идеи, необходимость определенного суждения о перспективах науки для самих ученых, отвечающих на вопрос «что делать?», для управляющих наукой администраторов, решающих, что в науке оценивать и какие исследования финансировать, а также для публики в целом, в той или иной степени интересующейся тем, за что науку можно ценить. Можно ли, реагируя на такую востребованность, учесть критику, относящуюся по преимуществу к избирательному характеру критериев прогресса, включающих субъективные оценочные суждения, редуцирующих полноту знания и различия познающих? Можно ли определить условия согласованных действий, а также пересечения интересов различных общественных субъектов в ответе на вопрос о том, что определяет перспективы науки?

Своей статьей Илья Теодорович включается в дискуссию о прогрессе и возможной определенности перспектив науки, рассуждая с позиции ученого,

¹ Ряд актуальных проблем в определении научного прогресса представлен в недавних публикациях [2, 3].

которая оказывается не только ближайшей для нас, но и первой по природе, коль скоро именно с этой позиции может быть обнаружен источник когнитивной свободы, обеспечивающий развитие науки. Таким источником оказывается проблематизация как способность ставить вопросы, обнаруживать конфликт онтологических допущений, работа над которым представляет собой содержание фундаментального научного исследования [4. С. 9]. Следует согласиться с предлагаемой трактовкой проблемы как формы знания, обусловливающей развитие науки: выявляемые проблемой внутренние несоответствия или неполнота знания мотивируют работу над их преодолением. Более того, как пишет Илья Теодорович, можно указать на субъекта такой формы знания, на новый социальный тип ученого прекария, не связанного институциональными обязательствами, «расшатывающего» основания «нормальной науки», вносящего исследовательскую провокационность и даже революционность в каждый проект. Такой ученый благодаря своей способности переступать институциональные и эпистемические границы во многом подобен философу. Однако если во второй половине XX в. последнее соображение, высказанное Т. Куном в адрес К. Поппера, позволяло усомниться в такой характеристике деятельности как научной, то сегодня, в изменившихся условиях возрастающей академической мобильности, обеспечиваемой в том числе цифровыми коммуникативными технологиями, такой образ ученого более чем адекватен.

Предложенный Ильей Теодоровичем тезис об определении перспектив науки хотелось бы дополнить в двух аспектах, тем самым предложив пути работы над реализацией отчасти утопического будущего науки как общественного блага. Первое дополнение относится к возможному распределению позиции, взятой в качестве основы обсуждения перспектив науки. Не отрицая ведущей роли ученых при определении источников развития науки, можно акцентировать внимание на том, что когнитивная свобода научной деятельности есть возможность начала причинного ряда не только в теоретическом, но и в практическом смысле. Ведь на основании научных выводов совершенствуются технологии, производятся жизненно важные продукты, принимаются решения в социально-политической сфере и т.п. Что же позволит нам отличить будущее, выстраиваемое посредством причинного ряда на основании научной когнитивной свободы, от технократической утопии, где всемогущество научного разума замещает собой рациональность политической власти? Илья Теодорович говорит о способности воображения ученого, расширяющей горизонты его научного понимания предметной сферы. Возможно, эта способность подготовит реализацию иного, не технократического будущего, если обеспечиваемое ею расширение приведет к признанию суждений относительно науки различных познающих и действующих субъектов? Более того, не будет ли такое признание позиции Другого свидетельствовать о действительной незаинтересованности суждения ученого? Представляется, что роль ученых и реализация их когнитивной свободы могут состоять в том числе в том, чтобы обнаружить источник развития науки как гетерогенный, оставляющий место для интересов различных субъектов, в том числе в вопросах организации исследований и управления ими. Что может быть условием такого распределения позиции?

Ответом на этот вопрос будет мое второе дополнение, развивающее смысл проблемы, о котором пишет Илья Теодорович. Проблема как форма знания демонстрирует противоречия в основаниях исследования. Однако любое основание – будь то исследовательский подход, определенность научной темы (в духе Дж. Холтона) или образ науки – репрезентирует конкретный интерес, сообщество, субъекта знания и действия. Соответственно, проблема, если осуществить поворот к субъекту в ее раскрытии, предстает как концептуализация выявленного разногласия и, как таковая, оказывается условием коммуникации между различными субъектами, поскольку когда речь идет о проблеме, присутствующее в ней противоречие не разрешается отрицанием одной из сторон. Напротив, решение проблемы предполагает установление дополненности и даже взаимодействия. При этом динамический характер проблемы сохраняется, но ее эпистемологическая определенность дополняется социальной, включающей ее в практики коммуникации или общения тем более сложно организуемые, чем менее возможен консенсус между их участниками¹.

Можно привести примеры такого функционирования проблемы. Так, в случае проблематизации образа науки как объекта управления обнаруживается противоречие наукометрической и качественной экспертной оценки научного знания. Соответственно, как в самой экспликации проблемы, так и в ее решении могут и должны быть задействованы различные субъекты: администраторы, осуществляющие научную политику и нуждающийся для этого в простых и прозрачных критериях научной результативности, выраженных в числе; специалисты в области наукометрии, основания которой были заложены трудами В.В. Налимова, разрабатывающие адекватные критерии оценки науки как информационного процесса; ученые-эксперты, обосновывающие объективный характер качественной экспертизы, например, в ситуациях оценки актуальности и выполнимости научных проектов. Также условием взаимодействия субъектов управления наукой и самих ученых может быть проблема, выраженная противоречием между требованиями эффективности и признанием автономии научных исследований. Ученые, признавая релевантность «внешнего» для них требования эффективности и ее наукометрического просчета как средства управления наукой, включаются в работу над обоснованием границ этого требования, его вариативности для различных направлений исследований, его частичной релевантности для самих ученых. Управляющие наукой субъекты в ситуации необходимости опережающего финансирования исследований вынуждены доверять научному экспертному сообществу предварительную качественную оценку значения и реализуемости научных проблем, представленных к решению, признавая тем самым автономии ученых. Таким образом проблема, концептуализирующая разногласия между сообществами, заинтересованными в управлении наукой (субъектами власти и самими учеными), обуславливает коммуникации между ними².

Проблема может служить условием включения в коммуникацию науки с властью также и публики в тех случаях, когда ученые ставят в фокус своего научного интереса вненаучные проблемы, непосредственно волнующие раз-

¹ В проблематичности научного общения в отсутствие общих норм см.: [5].

² О концептуализации такой проблемы управления наукой см.: [6].

личных общественных субъектов – климатические изменения, трансформацию политических режимов, социальную несправедливость, загрязнение окружающей среды отходами промышленного производства и т.п. В таких исследованиях, имеющих принципиально междисциплинарный характер, формулировка научных проблем допускает участие в дискуссиях или представление в них интересов ненаучных субъектов, непосредственно испытывающих на себе последствия решений. Например, в период пандемии COVID-19 обсуждение и принятие конкретных мер по предотвращению распространения вируса осуществлялось в контексте ценностного противоречия заботы о здоровье и о соблюдении гражданских свобод, в частности свободы на передвижение и мирные собрания. Такое противоречие представляет собой проблему, коль скоро пренебрежение одной из его сторон недопустимо. Именно ученые, специалисты в области социальных наук, могут отчетливо сформулировать такую проблему [7]. Концептуализация разногласия между субъектами, поддерживающими стороны противоречия, демонстрирует, что для решения проблемы (теоретического и практического) требуется сознательное участие не только ученых, но и субъектов власти, а также граждан, поскольку, в данном случае, присутствие ответственного решения граждан, принимающих на себя ограничивающие обязательства, дополняет заботу о здоровье реализацией ценности свободы. В случае же авторитарного политического решения, более или менее обоснованного научной экспертизой, ценность свободы оказывается ущемленной.

Близкая проблема связана с процедурами «цифрового контроля» над гражданами, с одной стороны, обусловленного требованиями безопасности, но, с другой – провоцирующего ущемление прав тех, кто оказывается только объектом сбора информации, но не субъектом распоряжения ею. Решения по поводу цифрового контроля могут быть адекватными и эффективными, когда граждане сознательно включаются в их реализацию. Условием такого включения становится коммуникация по поводу и в контексте сформулированной учеными проблемной альтернативы безопасности и справедливости в распределении права на владение информацией.

Таким образом, проблема может быть рассмотрена не только как форма научного знания, включающая конфликт онтологических допущений в качестве источника научного прогресса, но и как условие научной (профессиональной и публичной) коммуникации. Второй дополнительный смысл проблемы как выявленного разногласия дополняет первый, акцентируя различие интересов субъектов, представляющих стороны противоречия. Так проблема становится «пограничным объектом» (boundary object), обуславливающим научную коллаборацию в ситуации принципиального многообразия участников и отсутствия консенсуса [8]. Какое значение имеет предлагаемая мною концептуальная связь проблемы и пограничного объекта? Во-первых, пограничный объект определяется как вещь или положение дел (материальность пограничного объекта производна от его действительности и не является предпосылкой), обладающие интерпретативной гибкостью и в силу этого опосредующие взаимодействия между различными, сообществами, «социальными мирами». Проблема в качестве пограничного объекта представляет субъектов разногласия как возможных участников взаимодействия, репрезентируя в качестве необходимых их различающиеся интересы. Во-вторых, погранич-

ный объект организует переход от реальных конфликтов с аутсайдерами и более или менее открытого отрицания позиции Другого к реализации союзов и совместной работе [8. Р. 615]. Проблема как пограничный объект посредством концептуализации разногласия создает на теоретическом уровне условия для практической коллаборации. В-третьих, проблема как форма знания служит источником прогресса в науке, но если она трактуется при этом также как выявленное разногласие и пограничный объект, то прогресс теряет свой характер избирательности и субъективности. Напротив, его маркером становится возрастание когнитивного разнообразия, актуализация новых точек зрения на научный предмет и на саму науку, в конечном итоге реализация науки как общественного блага¹.

В завершение важно отметить, что пограничные объекты могут как формироваться спонтанно, так и быть предметом рефлексивной практики ученого, условия для которой создаются эпистемологической работой по раскрытию смысла проблемы. Именно во втором случае оценка и формирование перспектив развития науки становятся более реалистичными, а возможности научного будущего сохраняются в своей открытости.

Список источников

1. Alvargonzalez D. Is The History of Science Essentially Whiggish? // *History of Science*. 2013. Vol. 51 (1). P. 85–99.
2. Antonovskiy A.Yu., Barash R. Ed. The Evolutionary Dimension of Scientific Progress // *Social Epistemology*. 2021. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000662
3. Kasavin I.T. Conceptualizing Scientific Progress Needs a New Humanism // *Social Epistemology*. 2021. DOI: 10.1080/02691728.2021.2004468
4. Касавин И.Т. Проблема как форма знания // *Эпистемология & философия науки*. 2009. Т. XXII, № 4. С. 5–13.
5. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58, № 2. С. 19–26.
6. Биргер П.А., Дмитриев И.С., Куприянов В.А. Научная эффективность в работе: инструмент или оружие. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2017. 196 с.
7. Rainey S., Mormina M., Lignou S., Nguyen J., Larsson P. The Post-Normal Challenges of COVID-19: Constructing Effective and Legitimate Responses // *Science and Public Policy*. 2021. Vol. 48 (4). P. 592–601.
8. Star S.L. This is Not a Boundary Object: Reflections on the Origin of a Concept // *Science, Technology, & Human Values*. 2010. Vol. 35 (5). P. 601–617.
9. Столярова О.Е. Наука и идеалы гуманизма // *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2021. № 60. С. 248–253.

References

1. Alvargonzalez, D. (2013) Is The History of Science Essentially Whiggish? *History of Science*. 51(1), pp. 85–99. DOI: 10.1177/007327531305100104
2. Antonovskiy, A.Yu. & Barash, R. (eds) (2021) The Evolutionary Dimension of Scientific Progress. *Social Epistemology*. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000662
3. Kasavin, I.T. (2021) Conceptualizing Scientific Progress Needs a New Humanism. *Social Epistemology*. DOI: 10.1080/02691728.2021.2004468
4. Kasavin, I.T. (2009) Problem as Form of Knowledge. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 22(4). pp. 5–13. (In Russian).
5. Pruzhinin, B.I. & Shchedrina, T.G. (2021) Cultural-historical Epistemology and Perspectives of the Philosophy of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(2). pp. 19–26. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158223

¹ Современная идея научного прогресса в отличие от классической просветительской не предполагает стремления к универсальному представлению мира и самой науки [9].

6. Birger, P.A., Dmitriev, I.S., Kupriyanov, V.A. & Shipovalova, L.V. (2017) *Nauchnaya effektivnosti v rabote: instrument ili oruzhie* [Science Efficiency at Work: Tool or Weapon]. St. Petersburg: Conflictology Development Fund.

7. Rainey, S., Mormina, M., Lignou, S., Nguyen, J. & Larsson, P. (2021) The Post-Normal Challenges of COVID-19: Constructing Effective and Legitimate Responses. *Science and Public Policy*. 48(4). pp. 592–601. DOI: 10.1093/scipol/scab037

8. Star, S.L. (2010) This is Not a Boundary Object: Reflections on the Origin of a Concept. *Science, Technology, & Human Values*. 35(5). pp. 601–617. DOI: 10.1177/0162243910377624

9. Stoliarova, O.E. (2021) Science and the Ideals of Humanism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science – Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 60. pp. 248–253. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/23 (in Russian)

Сведения об авторе:

Шиповалова Л.В. – доктор философских наук, исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: ladaship@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shipovalova L.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). E-mail: ladaship@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2022. № 68

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 03.10.2022 г. Дата выхода в свет10.2022 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 14,75; усл. печ. л. 19,18; уч.-изд. 20,24.

Тираж 50 экз. Заказ № Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru